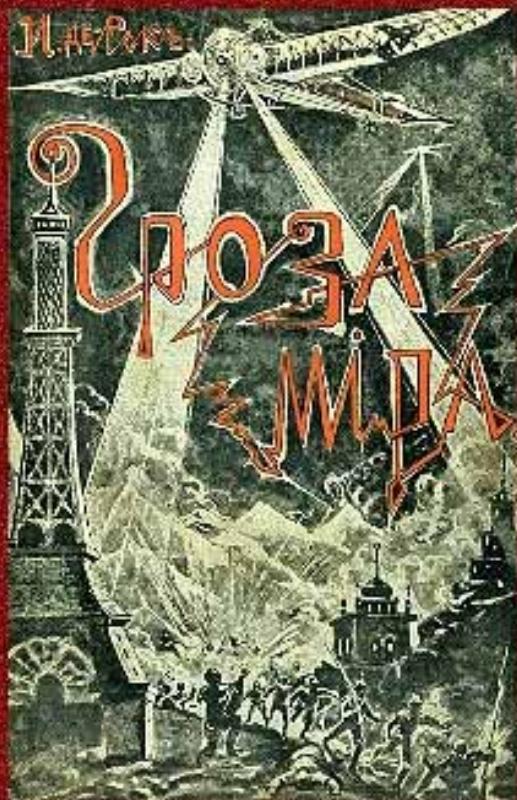

[Polaris]

И. Ряпасов

НЕВЕДОМЫЙ ГОРОД
(ГРОЗА МИРА)

Затерянные миры
Том X

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LIII

Salamandra P.V.V.

Иван Ряпасов

**НЕВЕДОМЫЙ
ГОРОД**

(ГРОЗА МИРА)

**Затерянные
миры**

Том X

Salamandra P.V.V.

Ряпасов И. Г.

Неведомый город (Гроза мира). Илл. И. Гурьева. Послесл. И. Халымбаджи (Затерянные миры. Том X). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 240 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LIII).

Эта книга – первое за 100 лет переиздание увлекательного фантастического романа «уральского Жюль Верна» И. Г. Ряпасова, вышедшего в 1914 г. под псевдонимом «И. де Рок». Герои романа этого талантливого и забытого писателя отправляются в Туркестан для разгадки таинственных шифрованных радиосигналов и оказываются в Гималаях, где находят скрытый от цивилизации город и одержимого ученого...

«Неведомый город» продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций произведений, которые относятся к жанру «затерянных миров» – старому и вечно новому жанру фантастической и приключенческой литературы.

НЕВЕДОМЫЙ ГОРОД

(ГРОЗА МИРА)

Илл. И. Гурьева

Часть первая

В ДЕБРЯХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

I.

Таинственный корреспондент

Николай Андреевич Березин только что допил утренний кофе и сидел, размышляя, с газетным листом в руках.

«Разве попробовать? — думал он. — Почему бы и нет? Русские промышленники снаряжают в Восточный Туркестан экспедицию. Инженер-технолог им необходим. Я же имею все данные для того, чтобы принять участие в этом путешествии: молод, силен, здоров, к тому же вполне независим. В пути буду им полезен, как практик своего дела и просто как бывалый человек. А на месте работы немногого. Исследования, по-видимому, надо производить пустяковые. С горным делом я отчасти знаком. Не удастся ли исследовать эту темную историю?.. Может быть, придется напасть на след... А новые места? Охота на диких зверей одна чего стоит... Решать так решать, нечего откладывать! — вдруг заключил Николай Андреевич. — Пойду поговорю с доктором Рубергом».

Наскоро одевшись при помощи слуги и захватив с собой газету, инженер вышел на улицу, оживленную движением публики, трамваев и экипажей.

На углу Литейной он взял мотор и через пять минут был у своего друга доктора, занимавшего пять комнат в бельэтаже большого каменного дома с лепными украшениями по фасаду.

Федор Григорьевич Руберг встретил инженера с распростертыми объятиями. В хозяине дома, несмотря на немецкую фамилию, не было ничего, напоминающего немца: чисто русское открытое лицо с небольшой каштановой бородкой выглядело жизнерадостно, несколько полная фигура еще не потеряла гибкости членов, а широкая грудь как-то скрадывала эту полноту, делая ее незаметной. По природе живой и вечно веселый, Руберг представлял полную противоположность брюнету-инженеру с его серьезностью и вдумчивым взглядом глубоких черных глаз, подернутых дымкой меланхоличности.

В приемной врача к приезду Николая Андреевича осталось всего два пациента. Руберг, увидя друга в неурочное время, постарался на скорую руку от них отделаться.

— Чем порадуешь, Николай Андреевич? — спросил он инженера. — Уж не жениться ли вздумал? А я вот еще думаю годков пять обождать!

И, убежденный холостяк, Руберг первый рассмеялся своей шутке.

Николай Андреевич, вместо ответа, подал газету с обведенным объявлением.

— Так ты хочешь ехать в Туркестан?! — вскричал доктор.
— Это замечательная идея, даже больше — великолепная. Туркестан!... Да ведь там рукой подать до Тянь-Шаня, Памира, Гималаев! Что Гималаи, самого Тибета!...

Доктор все более и более воодушевлялся.

— Ты едешь, я с тобой! Мы захватим ружья, охотничьи принадлежности. Будем бить черных медведей, диких яков, охотиться на волков. Помнишь, как охотились под Смоленском? Еще тебя медведь чуть не сгреб в свои лапы? Хорошо, я вовремя влепил ему в рот коническую пулью...

Происшествие, о котором говорил Руберг, случилось лет семь тому назад. Оно-то и положило начало их дружбе.

— Я тоже стремлюсь побывать в Средней Азии, — заговорил инженер. — Этот малоизвестный край давно привлекал мое внимание. И не только по своим природным условиям...

«Меня влечет туда неведомая сила...» — запел было доктор, но серьезный взгляд приятеля остановил его.

— Если хочешь, — продолжал молодой человек, — то и неведомая. Ты помнишь ли, как года четыре-три тому назад в газетах появилось известие, удивившее многих специалистов, в том числе и меня. Я очень интересуюсь всеми новостями по электротехнике и отмечаю все выдающиеся события в этой специальной области. Так вот, года три тому назад некоторыми газетами было отмечено, что в продолжение большого промежутка времени европейскими и азиатскими станциями беспроволочного телеграфа получались какие-то знаки, походившие на шифр. И при том в них, как будто, нет общности мысли. Впрочем, сам можешь убедиться, вырезку я ношу с собою.

Он подал Рубергу клочок газетной бумаги.

Доктор прочел:

«5 мая 190... года: “Прибыл... на.... Скоро явятся грузы”. 18 июня: “Вз.... был удачен, приступлено к....” 12 июля: “Сооружение стан... закончено, будем пробовать силы...” 4 сентября: “... все готово, ждем...”»

— Этим кончаются известия таинственного корреспондента, — сказал инженер. — Их ни одна из известных станций не отправляла. Кому они предназначены, тоже нельзя сказать. В догадках терялись. Некоторые лица даже были склонны приписать таинственные переговоры корреспондентам с Марса, что, конечно, абсурд. Но если все это не газетная утка, то есть данные, что известия шли все-таки из Азии, а не из европейских станций.

— Какое же отношение может иметь к Туркестану то, о чем ты говоришь? Неужели ты предполагаешь, что...

— Да. Именно предполагаю, что там, где-то, среди этих неприступных природных твердынь Гиндукуша, Тянь-Шаня или Гималаев кто-то поселился и основал или, по крайней мере, основывал станцию беспроволочного телеграфа.

— Но... какая же цель? Зачем и кому понадобился беспроволочный телеграф в Гималаях? По-моему, милый друг, это нелепое предположение.

— Я и сам не знаю, какая может быть цель основания телеграфа среди диких центральных нагорий Азии. Но почему-то мне думается, что известия шли именно оттуда. Для меня во всем происшествии тоже есть большая неясность. Если кто-то устроил где-то телеграф, чтобы сноситься с таинственным корреспондентом, то почему он так скоро прекратил работу? Ведь было всего несколько сообщений, довольно сбивчивых и туманных.

— Может быть, то были сообщения с аэроплана или воздушного корабля. На них уже начали применять беспроволочный телеграф, — высказал предположение доктор.

— Тогда остается допустить, — возразил инженер, — что аэроплан несколько раз пробовал сноситься с Европой. Даты телеграмм ясно говорят об этом. Между различными сообщениями слишком большой промежуток времени, чтобы можно было предполагать участие воздушного снаряда.

— Загвоздистая штучка — эти твои телеграммы. Право, из-за них стоит поехать не только в Туркестан, а и хоть к черту на рога. Люблю эдакие увеселительные прогулки!

Встряхнешься и как будто помолодеешь, — сыпал, как горохом, доктор.

— Нам ли, Федор Григорьевич, говорить с тобой о страсти? — улыбнулся его собеседник. — Тебе нет и сорока лет, а на вид ты — молодец молодцом, куда жизнерадостнее меня, хотя я моложе тебя чуть ли не на целый десяток.

— Вольно тебе предаваться меланхолии из-за какой-то там несчастной любви, бывшей пять лет назад. Я бы и думать-то забыл, выбросил из головы — и кончено. Однако, — спохватился доктор, — ехать так ехать. Я припишусь к экспедиции хоть сверхштатным. А не прихватить ли нам еще кого?

— Для какой надобности?

— За компанию. Видишь ли, есть у меня тут один естественник, Горнов. Молодчище, хоть куда. Мы, надеюсь, станем собирать коллекцию из шкурок птиц и зверей. Он был бы отличным помощником на роль препаратора. Знает и любит охотничье ремесло не хуже меня самого.

— Ну так что же? Средств у нас хватит. Только не вышло бы затруднений с промышленниками?

— Ах, я — телятина! — вскричал Руберг, ударив себя по животу. — Самое-то главное и забыл! У меня, брат, тоже есть сомнение насчет этих гималайских и иных прочих там горных цепей. Сомнение, наводящее на размышление. Известно, что ни в центральной Азии, ни по берегам Индийского океана нет действующих вулканов; что были и те потухли. А за последнее время творится что-то странное. Все колебания почвы, как неоднократно отмечали сейсмографы на пороге Сибири, идут из азиатского центра, который неожиданно сделался очагом землетрясений. Помнишь, какое разрушение четыре года тому назад было произведено в городе Верном и его окрестностях? Дома превратились в развалины. С тех пор колебания почвы, исходящие откуда-то из Азии, сделались регулярными. Не проходит года, чтобы сейсмографы не указывали на сотрясения земной коры, правда, легкие, неуловимые нашим организмом, они идут волною по Азии и Европе, а где их главный центр — остается скрыто от взоров человечества. Недаром ученые уже

начали ломать головы над розысками того места, где находится новый враг людей в виде землетрясательного очага. Этот вопрос интересовал в свое время и меня, — закончил доктор.

— Что же, Федор Григорьевич, ты полагаешь, что тут тоже скрывается какая-то тайна?

— Ничего не полагаю. Просто интересно взглянуть на те места, где с таким ожесточением работает природа. Наивно было бы думать, что землетрясения — дела рук человеческих. Это — не телеграфная станция. А вдруг да правда... Только подобное предположение не входит ни в какие ворота!... — И доктор залился таким заразительным смехом, что Николай Андреевич, которому предположение друга показалось крайне забавным и изобличающим остроту его ума, начал вторить ему от всего сердца.

— Итак, едем открывать гималайские тайны!

— Едем!

II.

В поезде

Пассажирский поезд, погромыхивая, несся по Самаро-Златоустовской железной дороге. Солнце во всем весеннем блеске стояло высоко на небе. В окнах вагона мелькали темными пятнами начинаяющие кое-где зеленеть поля, изредка прорезанные мелкими перелесками с молодыми березами.

В одном из купе первого класса, с сигарами в руках, разговаривали трое мужчин. Двое из них: доктор Руберг и инженер Березин — нам уже знакомы, третий, высокий молодой человек в студенческой куртке, лет 19-20-ти, с продолговатым умным лицом, на котором горели серые выразительные глаза — и был тот «молодчинице», о котором с такой похвалой отзывался весельчак Руберг. Студент-естественник назывался Иваном Михайловичем Горновым.

Больше всех ораторствовал, конечно, доктор.

— Скоро будем в Уфе. Прощай, Европа, и здравствуй, Азия! Оттуда махнем прямо в Омск, потом на Акмолинск.

А там, через степи, рукой подать до Туркестана, где назначен сборный пункт экспедиции.

— А как вы думаете, Федор Григорьевич, чем мы займемся тотчас же по приезде? — поинтересовался студент.

— Мало ли работы? Прежде всего, осмотрим наше военное снаряжение. На каждого из нас приобретено по хорошей винтовке центрального боя, по дробовику, кинжалу кавказской стали и по револьверу Нагана. Их я выбрал потому, что они дальнобойны, и на морозе, если таковой случится, действуют лучше других. Кроме того, каждому из нас куплено по паре платья: крепкие куртки с бесчисленными карманами, такие же брюки, сапоги с двойными подошвами. В дополнение к этому в багаже имеется выбор ягташей, сумок, ремней, патронташей и прочего добра, без которого не может жить ни один уважающий себя охотник. Помимо всего этого, Николай Андреевич везет нужные ему инструменты, а я — врачебные приборы и латинскую кухню. Для вас, мой мальчик, тоже кое-что захвачено, — закончил Руберг.

— Когда только успели вы обо всем позаботиться, все сообразить? — удивился Горнов.

— Э-э, мой милый, три месяца прошло с января 1912 года-то. Что же, я баклужи бить, что ли, стану? Вон Николай Андреевич, пока я бегал по всем петербургским магазинам, начинял свою голову среднеазиатской литературой. Верно, а? — обратился он к инженеру.

— Верно-то верно, да не совсем. Интересовался я, правда, исследованиями Средней Азии, но больше времени употребил на пополнение своих пробелов по металлургии и горному делу, а также на освежение в памяти последних успехов химии и механики.

— Каковы же результаты?

— Результаты увидите на моих работах, когда прибудем на место.

— Какая, собственно, цель всей этой экспедиции, я что-то все-таки плохо представляю? — спросил студент.

Березин принялся подробно объяснять задачи и перспективы экспедиции. Промышленникам желательно исслед-

довать возможность разведения в области озера Иссык-Куля и реки Нарына табака и хлопка, столь необходимого для развития русской хлопчатобумажной фабрикации. Попутно желательно исследовать строение и минеральные богатства предгорий Тянь-Шаня. Что золото там имеется, это не подлежит сомнению. Золотопромышленность существует уже давно в виде добычи металла руками инородцев монгольского происхождения, ведущейся самым первобытным способом. Кроме того, давно уже признано, что в Центральной Азии существуют каменноугольные залежи, что должно представлять огромный шанс для развития здесь в будущем горного промысла. Есть вероятность нахождения, кроме нефрита, и других минералов, полезных в промышленности. Исследование экономического положения населения тоже входит в задачи экспедиции.

Из всей лекции Горнова более всего заинтересовала внешняя сторона дела и он спросил, далеко ли экспедиция будет углубляться в горы и нагорья Средней Азии.

— Гораздо дальше, мой мальчик, чем вы можете предполагать, — ответил Руберг. — Мы с Николаем Андреевичем намерены не только бродить с экспедицией около отрогов Тянь-Шаня, а заглянуть и в самые недра Памира, даже дойти до Гиндукуша и Гималаев, если представится к тому удобный случай.

— Как я рад, что поехал с вами! — и в голосе юноши послышалась нотка восторженности. — Я всегда мечтал попасть в неприступные дебри, где бы грозно виднелись обвитые туманами горные вершины, седые, покрытые мхом и могучими деревьями скалы, где бы горный ручей непрерывно журчал в быстром падении с уступа на уступ, а в лазуревом небе реяли бы тени мощных птиц...

— Вы, юноша, оказываетесь настоящим поэтом, — заметил доктор добродушным тоном. — Смотрите, суровая природа не любит рассеянных поэтов. Действительность в горах вовсе не так привлекательна, как вы себе ее представляете. И при том она на каждом шагу ставит путешественнику опасности. А хорошо ли вы умеете стрелять? — вдруг совершенно иным тоном спросил доктор.

— Не только хорошо, а даже почти не умею, — отвечал юноша, смутившись неожиданностью вопроса.

— Не-у-же-ли? — растянул доктор. — Ну, не унывайте. Это дело мы поправим на месте. Николай Андреевич — отличный стрелок: попадает на пятьдесят шагов в кольцо средней величины. Я тоже недурен в стрельбе. Научитесь быстро.

— Я приложу все старания.

— Вот и отлично. А пока пойдемте обедать.

Все пошли в вагон-ресторан.

III.

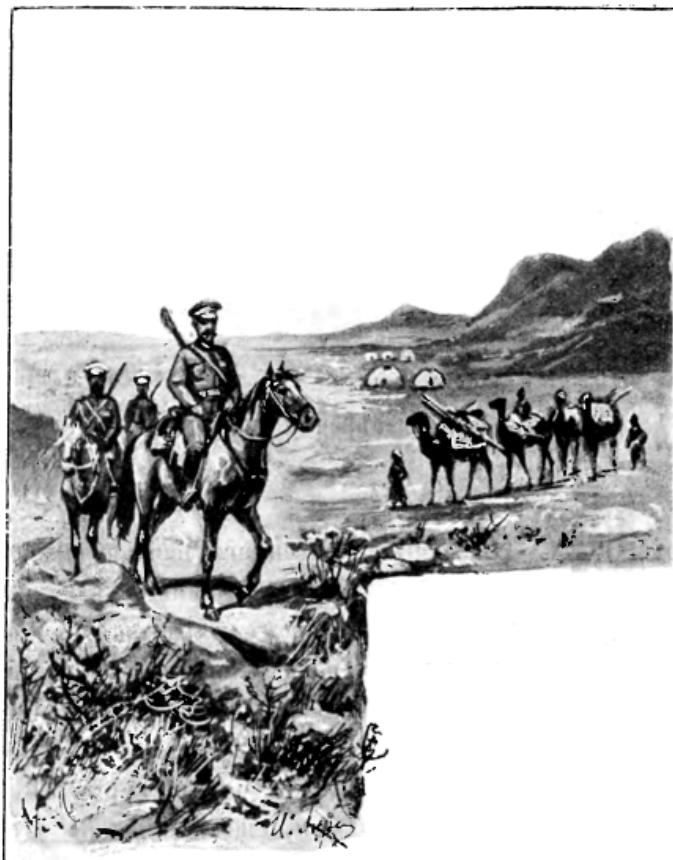
Среди зверей и лесов

Из Омска путешественники направились к Акмолинску. Целыми днями ехали они по степи в тряском тарантасе с парусиновым верхом. Тройка лошадей, под томительный звон бубенчиков, мчалась, делая по 12-15 верст в час. Багаж следовал сзади, на телегах. Останавливались около киргизских и калмыцких юрт, где путешественников угостили кумысом, пилавом и бишь-бармаком.

Через три недели друзья были уже в Акмолах, — небольшом степном городке чисто сибирского типа, с деревянными постройками и ужасной грязью. После двухдневной остановки двинулись дальше. Здесь, в виду более диких местностей, пришлось взять из багажа оружие.

По Киргизской степи двигались часто очень медленно. Солнце начинало усиленно греть, так что иногда становилось и невмоготу. Изредка попадались целые оазисы, заросшие кустарниками деревьями, не дававшими тени. Эти кривые, уродливые кусты, не выше сажени-полутора,

заинтересовали Горнова, который спросил о них всезнающего доктора.

— Эти деревья, с своими толстыми, сочными ветвями, точно перехваченными нитками, называются саксаулом, — ответил Руберг. — Ствол этого коряжистого дерева, как видите, в среднем толщиной два вершка, но может достигать и до фута в диаметре. Дерево это нам будет часто попадаться, так как оно распространено по всему Туркестану и тем горам, куда мы стремимся. На поделки саксаул совершенно не годен, так как слишком хрупок, но горит хорошо, и в качестве топлива занимает здесь первое место.

Ближе к горам много верблюдов, и они кормятся толстыми, сочными ветвями саксаула.

— Ну, а это что за кустарник? — указал студент на дерево с более тонкими ветвями.

— Это тамариск, — явление здесь тоже обычное.

— Неужели мы будем встречать все эти противные кустарники?

— Дальше на склонах гор будут и лиственные деревья. Дайте только время добраться до Верного.

За всю дорогу до этого города путешествие не представляло особенных трудностей. Но доктор неоднократно предупреждал юношу, что как только они выедут с экспедицией, понадобятся и сила и крепкие ноги.

Верный лежит на средней горной высоте (740 метров над уровнем моря). Огромное большинство построек состоит из дерева. Когда прибыли путешественники, все еще носило на себе следы разрушения, произведенного во время последнего большого землетрясения. Русский город произвел на них хорошее впечатление: каменные дачки, утопающие в зеленых садах, чистенькие деревянные домики, красивые аллеи по улицам. Зато туземная часть, где ются сарты, дунгане, таранчи и другие инородцы, поразила своим бедным и неряшливым видом. Торговые площади, где кишила разнообразная по своему племенному составу толпа, были полны непроходимой грязи, какой наши путешественники до сих пор не видывали. Верный ведет оживленную торговлю с Ташкентом и Кульджой, в которой в качестве товара большую роль играют лошади. Сарты содержат под самым городом много конских заводов.

Здесь наши друзья встретились с прочими членами экспедиции. Березин немедленно принялся за окончательную сортировку багажа, тщательно укладывая в тюки ценные измерительные и поверочные приборы.

Доктор, воспользовавшись двухнедельной остановкой, ежедневно ходил в горы вместе с Горновым, усердно уча его стрельбе из ружья и револьвера. В одной из открытых лощин они затесали дерево, сделали на нем мишень, и в

течение многих часов их выстрелы будили горное эхо. Студент оказался толковым учеником, с крепкими руками и верным глазом. Конечно, ему было далеко до доктора, на расстоянии тридцати шагов попавшего пуля в пулью из своей винтовки-скорострелки, но все же он мог считаться уже стрелком.

Иногда Руберг, взобравшись с ним куда-нибудь на высокую вершину, целыми часами любовался расстилавшейся перед ними панорамой. Громадные отвесные скалы, запирающие мрачные ущелья или увенчивающие собой вершины гор, развертывались над ними в своей оригинальной дикости. И им, европейцам — жителям большого города, казалась странной и таинственной окружающая тишина, не нарушаемая ни говором людских речей, ни суматохой обыденной жизни. Лишь изредка она прорезывалась воркованием каменного голубя или криком клушицы, а иногда шумом мощных крыльев с высоты: это царь местных птиц, лохматый гриф, острым взглядом высматривает себе добычу. А затем по-прежнему кругом стоит все тихо и спокойно...

Во время одной из таких экскурсий Горнов получил охотничье крещение. Будучи на гребне одной из гор, охотники заметили на одной из нижних площадок каменного барана (аргали), спокойно стоящего на краю пропасти. Доктору уже давно хотелось пополнить свою коллекцию шкурой аргали, и оба охотника сейчас же приняли боевые позы. В это время баран прыгнул вниз, и заряд доктора пропал даром.

Не желая упустить такой ценной добычи, Горнов тоже бросился вниз, перепрыгивая по откосу с камня на камень. Баран оказался на отвесном скате, шагах в пятидесяти. Молодой человек выстрелил и ранил барана, но сейчас же почувствовал, что почва под его ногами скользит. Каменная мелочь сорвалась с места, и охотник, потеряв равновесие, упал и покатился по крутыму склону. К счастью, ему внизу удалось зацепиться за дерево, которое и помешало дальнейшему падению в отвесное ущелье.

Иван Михайлович получил довольно сильные ушибы. Когда он отдался от ощущения растерянности и вполне понятного испуга, то заметил, что над ним стоял доктор.

Аргали лежал недалеко. Оказалось, что вторая пуля Руберга доконала его.

В другой раз, это было уже во время движения экспедиции на юг, к Нарыну, с охотниками произошло приключение во время борьбы с тянь-шаньским медведем. Этот зверь не так велик, как его собратья — серые русские медведи, но охота на него представляет известную опасность. Был с доктором и студент, и инженер. Добыча была богатая: птиц всевозможных набили штук двадцать. Шли зарослями. Впереди шагал доктор, за ним юноша и, наконец, инженер. Совершенно неожиданно справа выскочил медведь и, увидав людей, остановился в изумлении. Руберг моментально вскинул ружье и всадил в грудь медведя заряд дроби (у него был только дробовик). Конечно, дробь не могла пробить толстой шкуры зверя, а удар только раздразнил его.

Ближе всех к нему находился Горнов. Он приложился и, в волнении, промахнулся. Медведь ринулся на него, — юноша был на волосок от гибели. В этот момент пуля Березина ранила зверя прямо в голову. Медведь продолжал двигаться. Доктор, видя, что Горнов совсем растерялся от приближения опасности, бросился между ним и зверем с сверкающим кинжалом в руках. Секунда — и зверь был повержен на землю. Все описанное произошло в течение одной минуты.

Юноша горячо благодарили врача, называя его своим спасителем.

— Не стоит, друг, не стоит. Сегодня я, — завтра вы. Охота вообще вещь опасная, друг за друга стоять необходимо. К тому же я сам виноват, забылся, выпалил по зверю дробью. Не делать бы этого, ничего бы не произошло.

— А экземпляр-то на редкость, — вмешался инженер, разглядывая медведя. — Вон белые когти больше трех дюймов длины. Он составит украшение нашей охотничьей коллекции.

— Она почти полна, но нет самого главного: шкуры дикого яка, — заметил доктор, принимаясь свежевать зверя.

— А что, доктор, охота на яка очень опасна? — спросил Горнов, когда они приближались уже к становищу.

— Да, это посерьезнее, чем на тибетского медведя. Такая охота напоминает мне охоты в Африке на буйволов. Как то, так и другое животное крайне опасны в раздраженном состоянии. Дикий як — длинношерстый бык с горбом и острыми рогами. Животное это, как повествует наш знаменитый исследователь Пржевальский, достигает огромных размеров, до 11 футов длины, а с хвостом — и до двух сажен. Вес его около 40 пудов. Обладая громадной силой и удивительной жизненной крепостью, як очень опасен для охотника, так как рассчитывать убить его наповал очень трудно, почти невозможно, а между тем, раненый зверь всегда бросается на противника. Если бы при перечисленных качествах як имел поболее мужества и сообразительности (этот бык довольно глупое животное), он был бы страшнее льва и тигра. Особенно опасны яки одинокие —

«быки-отшельники», очень раздражительные, и потому борьба с ними является особенно затруднительной, — закончил Руберг.

Но прошло не менее трех недель, прежде чем судьба столкнула наших охотников с яком. За это время экспедиция уже закончила свои работы в горах и вернулась в Верный для дальнейших приготовлений и разбора полученного материала. А трое друзей тем временем сорганизовали из горной деревушки Каракуля свой небольшой караван и, под предлогом геологических изысканий, двинулись к Памиру.

Жизнь охотников была полна разными приключениями. Обилие зверей делало очень интересным их путешествие по горным дебрям. Иногда целые дни проводили в погоне за красным зверем. Охотники карабкались по скалам, обдирая руки в кровь об острые камни. Длинные переходы по горным склонам не раз бывали опасны: ноги скользили по щебню и путник мог оборваться в бездну. Непроходимые чащи хвойных лесов царапали лица охотников, превращая в клочки их одежду. Вдали часто виднелись хребты с сияющими на солнце шапками вечных снегов. Перевалы через горные проходы становились все затруднительнее. Кормились, главным образом, продуктами охоты. Козы и антилопы разных видов истреблялись в огромном количестве. Шкурок теперь уж не брали: некуда было девать.

Раз, бродя по горным долинам в сопутствии друзей, инженер первый заметил лежащих под выступом скалы трех лохматых яков, которые спокойно отдыхали. Сделав знак своим товарищам приблизиться, Николай Андреевич выстрелил, оставаясь сам невидимым за выступом скалы. Яки вскочили, не понимая, в чем дело.

Вторая пуля, направленная инженером в того же зверя, поразила его наповал. Доктор, показавшись у скалы, тоже выстрелил и перебил второму быку ногу.

Но третий огромный як, увидев врагов, бросился на них. Студент послал ему пулю. Як, наклонив голову, с налитыми кровью глазами, продолжал бежать по направле-

нию к доктору. Последовал новый меткий выстрел со стороны Руберга. Но зверь уже ринулся напролом: разъяренно мотая головой, он продолжал нестись к охотникам. До них оставалось шагов сорок. Инженер посыпал ему пулю за пулей, великан продолжал бежать. Но неожиданно силы ему изменили, кровь хлынула из горла и он, не добежав пяти-шести шагов до противников, тяжело рухнул на землю.

— Вы молодцом держались, — похвалил доктор Горнова. — Наверное, влепили пули три.

Оказалось в яке восемь пуль, причем две попали в голову.

Впоследствии доктор сообщил своим спутникам, удивившимся крепости зверя, что нечто подобное происходило с Пржевальским, тибетской экспедицией которого было убито более 30 яков. Однажды дикий бык, раненый двумя пулями, направился на одинокого Пржевальского. Тот сумел выпустить 13 пуль из своего штукера. Бык продолжал свой бег. Пржевальский пригласил бывших поблизости товарищей. Все трое стали сыпать пулями, от которых шерсть летела у яка. Только тогда зверь свалился. В туловище на-

шли пятнадцать пуль, в голове три, остальные скользнули по непроницаемой шкуре яка.

Тремя шкурами, трофеями редкой охоты, путешественники удовлетворились и более встречи с яками не искали.

IV.

На краю гибели

Однажды всесильный случай поставил наших героев в очень опасное и в то же время невероятное положение.

Экспедиция находилась на границе Гиндукуша, раскинувшись лагерем невдалеке от Гильгита. Однажды доктор, инженер и студент, в сопутствии проводника из горных племен, сурowego читрала, отправились, накинув на плечи ружья, охотиться в горы на юго-западе.

Охота не была удачной. Перевалили уже несколько горных кряжей, а дичи все не было. Лишь Николаю Андреевичу удалось убить саксаульную сойку. Набродившись до устали, приятели сделали привал на горной, покрытой зеленым ковром травы площадке, выступавшей над неглубоким ущельем; изрытое каменистое дно последнего ясно виднелось с этого пункта.

Доктор начал было вынимать провизию, как внимание всех привлекла чрезвычайно громким криком небольшая птица яркого оперения, появившаяся в лощине. Горнов схватил лежащее рядом ружье и выстрелил. Перевернувшись несколько раз в воздухе, птица свалилась, как камень, на дно оврага.

— Это из породы монтифригилл, — заметил всезнающий доктор. — Хорошенькая птичка, такой еще нет в нашей коллекции.

Скудная трапеза прошла в разговорах о впечатлениях дня, не особенно ярких. Студент спустился в ущелье за своей добычей. Вскоре он кликнул друзьям, что им следует спуститься к нему.

— Что еще там такое? — отозвался Руберг.

— Тяга воздуха здесь необыкновенная. Смотрите, как гнутся былинки в сторону ветра и шевелятся перья убитой птицы.

— Это обычное явление в ущельях, — заметил инженер, — в них почти всегда царят сильные ветры.

— Да. Но ведь так бывает преимущественно в глубоких ущельях, а это вовсе не отличается глубиной, и притом здесь нет тени: солнце светит и греет, как наверху.

— Зачем, господа, спорить, — вмешался доктор, — когда есть простой способ разрешить недоумение: пройдемте вниз по лощине и увидим, в чем тут дело. Только бы не натолкнуться на шутки таинственного телеграфиста, — прибавил он со смехом.

Четверо охотников двинулись в сторону направления ветра. Ущелье делалось все теснее и глубже. Стены его поднимались над головами каменными отвесами. Двигались по уклону. Ветер становился все ощущительнее. Прошли около получаса и совершенно неожиданно, после небольшого поворота, увидели, что скалы готовы сомкнуться. Над головами путников, наверху, виднелась лишь узкая полоска голубого неба. Наконец, расселина сверху закрылась. Тяга воздуха значительно усилилась.

— Это становится интересно, — промолвил Руберг и первый вступил в полумрак.

— Осторожнее, доктор, — предупредил Березин, — можно случайно свалиться в какую-нибудь бездну. Я пойду с проводником вперед, у меня электрический карманный фонарь.

При узком луче света можно было заметить, что стены пещеры сближаются. Уклон становился все круче. Тяга воздуха была здесь так сильна, что платье на путешественниках трепетало, как при сильных порывах ветра.

— Не замечаете, что как будто потеплело? — спросил доктор громким голосом, который, впрочем, было еле слышно за свистом ветра.

— Надо возвратиться обратно! — кричал инженер: — света не хватит.

— Еще немного вперед, — отвечал доктор, — надо же узнать, в чем состоит этот любопытный феномен...

Голос его оборвался, так как в этот момент на повороте узкой галереи глаза путешественников поразил блеснувший во всю пещеру свет, а уши — неимоверный шум, напоминавший грохот лавины.

Свет был хоть ярок, но рассеян и, казалось, колебался. Необычное явление ошеломило трех искателей приключений, а неустрашимый в обычных случаях опасности читралец в первое мгновение казался совершенно опешенным. Только следуя настояниям инженера, он направился рядом с ним к свету.

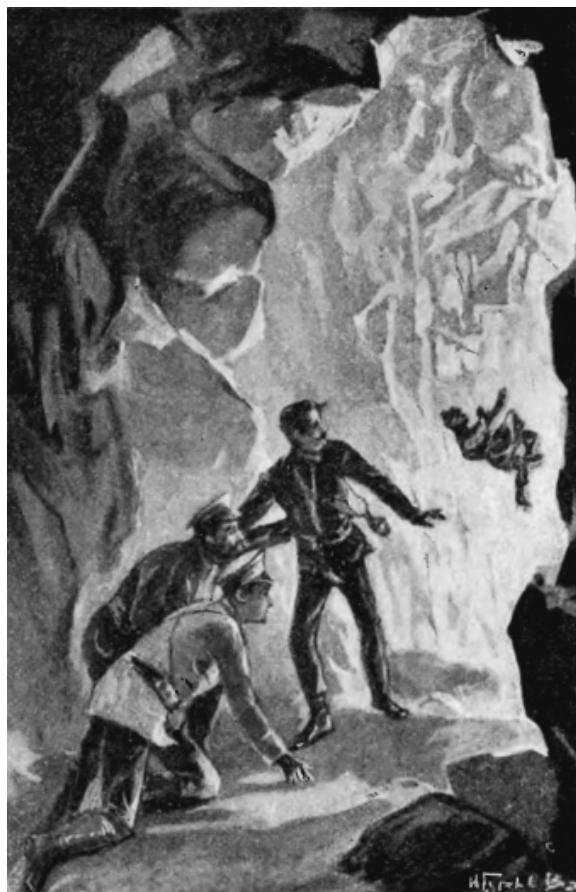
— Держитесь крепче друг за друга! — кричал Николай Андреевич.

Ветер окреп до такой силы, что сбивал с ног. Инженер шел впереди. Пещера сделала еще небольшой поворот влево. Яркий красноватый свет окончательно ослепил путешественников.

— Ложись на землю, ложись! — громким голосом вскричал инженер, бросаясь ничком. Доктор и студент сделали то же самое. И вовремя. Галерея под острым углом упиралась в огромнейший освещенный красным блеском подземный проход, по которому с неимоверным свистом, шумом и грохотом стремился поток воздуха гигантской силы. Проводник, не понявший слов Николая Андреевича, произнесенных по-русски, сделал два шага вперед. Несчастный был подхвачен, словно вихрем, главным потоком. Его подняло, как щепку, перевернуло несколько раз в воздухе и в мгновение унесло к светящемуся пространству. Студент вскрикнул. Все были поражены ужасом случившегося.

А впереди было нечто действительно ужасное, могущее оледенить кровь в жилах даже отважного человека. Перед взорами путешественников предстала огромная пещера, сво-

ды которой терялись в высоте. Противоположная стена, в тридцати-пятидесяти саженях расстояния, казалась огненной.

Инженер, знаком приказав держать себя за ноги, осторожно вытянулся за угол, стараясь заглянуть в глубину большой, неожиданно расширившейся пещеры. В ней было светло, как днем. На расстоянии сотни сажен в глубь стены пещеры, пылавшие жаром, казались белыми, кое-где переходя в красный цвет, как стенки раскаленной гигантской домны. Куда только хватал глаз, всюду полосами толщиной в

десятки сажен лежали светлые, раскаленные пласти. Они уходили в неопределенную даль. Эта раскаленная бездна, бушевавшая, как кратер действующего вулкана, тянула к себе и манила в свои смертоносные объятия. Николай Андреевич, ослепленный, закрыл глаза. Его фуражку давно сорвало ветром, волосы разевались.

Доктор потянул его за ступню. Березин опомнился. К нему возвратилась ясность ума, он тотчас оценил опасность положения. Все трое ползком стали выбираться обратно, Воздух со страшной силой бил им в лица, почти поднимая от земли. Только через четверть часа, когда скрылся свет, они смогли встать на ноги и противиться течению ветра. Потрясенные всем виденным и перенесенным, путешественники возвращались медленно, переживая мысленно ужасные моменты.

— Мы избегли смертельной опасности, — заговорил первым инженер, когда достигли выхода из грота. — Бедняга читралец! Он поплатился жизнью за свою неосторожность...

— Это было что-то ужасное, невероятное, — сказал Руберг. — Человек понесся, как щепа какая. Я бы никогда не мог допустить ничего подобного в действительности, настолько все случившееся похоже на кошмарное видение...

— Что же такое это, это... как назвать то, что мы узнали? — спросил естественник. — Вероятно, то, что вам удалось видеть, еще ужаснее, чем виденное нами? — обратился он к Березину.

— Я отвечу, — сказал инженер, — сначала на ваш первый вопрос. «Это», почему вы не можете приискать наименования, называется пожаром каменноугольного пласта. Что я увидел — превосходит всякое вероятие. Самая пылькая фантазия не сможет вообразить сотой доли того, что сделала природа. Нам удалось видеть редчайшее явление, которое выпадает иногда на долю человека. Пожары каменноугольных залежей могут длиться несчетные годы. В данном случае я видел внутри пещеры горящий пласт угля в десятки сажен толщиной. На какое расстояние идет пещера с выходами в нее угля, трудно себе представить. Стихийная сила огня, вернее, жара, так велика, что раскалила

окружающую землю. Вы чувствовали огромный жар, несмотря на сильнейшую тягу свежего воздуха. Если бы пласти угля шли не по противоположной стороне пещеры, а по стороне, где мы вышли, — нам не удалось бы видеть этот чудесный феномен, если бы только мы не пожелали предварительно изжариться. Температура в пещере адская, чему, должно быть, способствует сильнейший приток воздуха, что тоже надо считать редким явлением.

— А каково было расстояние до ближайших каменноугольных пластов? — спросил доктор.

— Не менее двухсот ярдов. В глубину пещера шла на сто-полтораста сажен, может быть, и больше.

— А проводник так и сгорел заживо?

— Едва ли. Все случилось так быстро, что я даже не видал, куда его унесло. Надо полагать, что он задохнулся прежде, чем его объяло пламя. Когда я выглянул, все уже было кончено.

— Мы счастливо отделались, — довольным тоном заметил доктор. — Очевидно, старик Плутон еще не желает принимать нас в свое царство. А чуть было не угодили живьем.

— Не попади мы так удачно в побочный проход — было бы плохо, — сказал инженер. — В том рукаве, где мы шли, тяга была незначительна по сравнению с гигантской мощью главной трубы, в которой уже ничто устоять не может.

— Не думал я, — улыбнулся доктор, — что в ад может существовать такая удобная дорога: хочешь, не хочешь, все равно тянет.

— А я ногу ушиб, когда упал под тяжестью вашей руки, — сказал студент, наведенный речью Руберга на самый важный момент приключения.

Руберг, в виду такого обстоятельства, предложил сделать привал, на что все с удовольствием согласились. Друзья были разбиты необычным приключением, нарушившим их душевное равновесие. Физическая усталость тоже давала себя чувствовать. Лишь поздно вечером, после многократных отды wholeх, достигли они лагерной стоянки. На вопрос о

проводнике, чтобы не смущать туземцев, отвечали, что он разбился насмерть, сорвавшись в пропасть.

Этому поверили, так как подобные случаи бывали часты.

Тroe европеiцев, все еще не пришедшие в себя, на скoрую руку закусили, чeм Бог послал, и легли спать, причем сон их нарушался самыми фантастическими видениями.

V.

Исчезнувшая гора

Прошло несколько дней. Наши охотники все еще продолжали бродить по горам. Преследуя как-то виденную случайнодишую лошадь, они забрались в глубь горных кряжей востока. Серые скалистые обломки преграждали путь, частые подъемы затрудняли дыхание. Дичь упустили.

Утомленные долгим преследованием охотники расположились отдохнуть на обширном плато, поросшем кое-где травой. Кругозор был ограничен. С севера и запада возвышались ломаной линией снеговые хребты Гиндукуша. С востока надвигались горные цепи Гималайских отрогов. Среди этой цепи гор, километрах в пяти от европейцев, особенно выделялась одна, похожая на сахарную голову. Доктор обратил на нее свое внимание.

— Что это?.. — растерянно произнес он, увидя, что над головой сахара тучей взлетели обломки камней и пыли, а сама голова, как-то нелепо мотнувшись в сторону, опустилась, словно в пропасть. Вместо горы виднелся несколько зазубренный, почти гладкий край, над которым взвились столбы пыли. Доктор, не веря своим глазам, начал противорвать их кулаком.

В тот же момент раздался страшный удар, почва заколебалась под ногами вскочивших путешественников. Громовой раскат, похожий на единовременный выстрел тысячи двенадцатидюмовых орудий, ошеломил спутников. Громкое эхо горных проходов удесятерило этот звук, превратившийся в страшный гул. Облака пыли покрыли место обвала горы.

— Землетрясение, — произнес инженер, собравшийся с мыслями прежде других. — Здесь это явление частое за последнее время.

Руберг пристально взглянул ему в глаза. Николай Андреевич говорил очень серьезно.

Гул начал стихать. Сотрясение почвы прекратилось.

— Нет, это не землетрясение, — проговорил доктор, подумав. — Или извержение вулкана, или...

— Или что? — спросил Березин. — Что вы хотите этим сказать?

— Помните наш разговор о землетрясении в Петербурге?

— Конечно, помню.

— Следовательно, вас не удивит, если я скажу: или — дело рук человеческих...

— Человеческих рук?! — повторил юноша, всем существом своим выказывая крайнюю степень изумления. — Вы не шутите, доктор?

— Менее всего, друг мой.

— Но, на чем вы основываете такое невероятное подозрение?

— Я видел, как свалилась гора, но еще до этого из горы вылетел клуб камней и песка или пыли. Если гора свалилась от землетрясения, то чем вы объясните этот предварительный полет пыли в небеса? Конечно, при вулкане это возможно, но сама гора рухнула, следовательно, это не вулкан. Является естественное подозрение, что произошел взрыв не обычновенный, а взрыв страшной титанической силы. Взрыв же может быть делом только рук человеческих...

Слушатели были уничтожены вескими доводами доктора. Ум протестовал против только что высказанных слов, а реальная действительность убеждала в правоте логических построений Руберга.

— Тогда... тогда мир пропал, — выговорил наконец студент, которому пришла в голову ужасная мысль: «Кто могут быть эти люди, если это только люди, а не силы природы, еще нам неизвестные?»

— Об этом спросите у Николая Андреевича. Пусть он догадывается. Те, кто устроил телеграф в Гималаях, не остаются и перед другим. Я думаю, что гора уничтожилась не без их участия.

— Я уже второй раз слышу о каких-то таинственных телеграфистах, — заявил студент, — и всегда не понимаю, в чем дело, объясните же, Николай Андреевич.

Инженер в кратких словах передал ему уже известный читателю рассказ о таинственных телеграммах, полученных беспроволочными телеграфами четыре года тому назад, изложил свои догадки, а также показал и саму вырезку из газеты, с которой никогда не расставался.

Юноша внимательно выслушал всю историю, а затем сказал:

— Мне кажется, мы стоим на пороге к разгадке тайны телеграфа и землетрясения. Если судьба столкнула нас с такими явлениями, то, очевидно, самому Провидению угодно, чтобы мы раскрыли их тайны. Надо исследовать место провала горы, может быть, это наведет нас на мысль о дальнейшем образе действий.

— Мудрость говорит устами младенцев! — воскликнул доктор, шутливо потрепав по плечу «младенца» чуть не в шесть футов ростом. — Придется нам последовать вашему совету. Ведь не отступим, Николай Андреевич, а? не отступим! — кричал экспансивный доктор, готовый сейчас же броситься к месту исчезновения горы.

— Не так быстро, не так быстро, Федор Григорьевич, — остановил его инженер. — Не следует увлекаться соблазнительной перспективой. Сегодня идти уже поздно. Мы устали, мы разбиты. До пропасти не менее пяти километров, а что нас ожидает при случае, мы не знаем. Вероятно, там нам понадобится весь запас сил, мужества и энергии. Идти исследовать можно только завтра, когда мы соберемся с свежими силами и запасемся веревками и всем необходимым для лазания по скалам.

— Ты говоришь, как Цицерон, а рассудительности в тебе хватит на целый парламент, — ответил доктор. — Ты никогда не увлекаешься и имеешь способность обсуждать

положение. Я тебе повинуюсь. Завтра так завтра, от нас не уйдет.

Отдых был кончен. Разложенная на траве закуска оказалась нетронутой, есть никому не хотелось. Дорогой всякий думал про себя о том, что принесет завтрашний день.

VI.

Невероятное открытие

Наши герои встали с зарей. Багряная полоса на востоке ширилась и алела с каждой минутой. Наконец блеснули солнечные лучи и зажгли ясно-лазурный небосклон. Трое охотников, захватив оружие, необходимое снаряжение и сказав проводникам, что они отправляются в дальнюю экспедицию, направились к месту вчерашнего происшествия.

Часа через три-четыре они уже достигли горного плато, на котором отдыхали вчера. После привала двинулись дальше.

— Надо будет идти к наиболее низкому краю, — заметил инженер, — у нас веревок всего около сотни метров.

— Такой край, по-видимому, будет налево от нас, — ответил доктор.

Действительно, ломаная линия в указанном месте сильно понижалась. Путники прошли не менее семи километров, прежде чем достигли, как они думали, пропасти.

Перед их глазами раскинулась огромная глубокая котловина, похожая на один из американских каньонов. Стены каньона, противоположные зрителям, казались отвесными. Скалы загромождали более половины обширной котловины. На востоке, в светло-голубоватом тумане, мерешилось что-то вроде выходного ущелья.

Середину гигантского оврага, имеющего многоверстную окружность, занимал большой холм из горных пород и обломков скал. Стена котловины, на которой стояли охотники, была изрыта лошинами, каменистые стены их сохранили следы изломов вчерашнего переворота. Масса щебня, лежавшего по менее крутым склонам, указывала на недавнее разрушение. Ничто не напоминало присутствия поблизости вулкана.

Выбрав удобное место, европейцы осторожно стали спускаться, помогая друг другу. Приходилось цепляться руками и ногами. Иногда щебень скатывался по склону, и ноги скользили вниз. Напрягая силы,держивались за веревку. В круtyх местах, особо опасных, веревку закидывали на скалу и, держась за оба ее конца, скользили в пропасть с быстротой падающего камня. Достигнув точки опоры, повторяли тот же прием.

Спуск прошел благополучно. Но на дне котловины был первобытный хаос обломков скал, куч песка и земли. Гору решили обойти справа. Охотники карабкались через большие камни, спускались в мягкую почву, увязали по колени, ежеминутно пробуя путь палками, чтобы не провалиться в нежданную расселину. Так шли с полчаса. Впереди инженер, за ним доктор, сзади студент. Уж недалек был другой край котловины, от которого их отделяла лишь узкая грязь скалистых обломков.

Послышался шипящий звук. Все остановились. Первое впечатление было: змея. Звук слышался сильный. Инженер с ружьем в руках выглянул за ближайшую скалу и обернулся к своим товарищам; на его лице была написана крайняя степень удивления, чего доктор еще никогда не видывал в своем друге.

— Паровоз на рельсах, — объявил он своим спутникам, — тише.

— Паровоз! — воскликнул доктор. — Здесь, в непроходимых трущобах Тибета и Гималаев, паровоз?!

Глаза доктора готовы были выкатиться из орбит от изумления. Горнов от этой вести превратился буквально в соляной столб.

— Т-сс... — остановил Руберга инженер, прикладывая палец к губам. — Взгляните сами, но тише...

Двое охотников подобрались к ближайшим скалам и, чуть приподнявшись от земли, взглянули вперед.

По каменистому грунту, чистому от обломков гранита, насколько хватает взор наблюдающего, тянулись, сверкая на солнце стальным блеском, рельсы. На рельсах попыхивал паровоз. Самый реальнейший паровоз, с котлом, колесами, парой шатунов!.. Во всем этом не замечалось ничего фантастического. За паровозом тянулся длинный ряд колесных платформ, уходивших вдаль, к горным россыпям. Людей, за исключением человека на паровозе, не было видно. Зато около платформ в самой груде обвала какие-то высокие, диковинные машины своими длинными совками, напоминавшими гигантские руки, швыряли на платформы груды красных камней. Видимо, шла нагрузка с помощью механизмов, совершенно незнакомых нашим охотникам. При работе не было ни стука, ни шума. Только паровоз чуть-чуть покряхтывал и изредка пускал шипящую струю пара.

Доктор переглянулся с инженером. В глазах обоих за сверкал огонек решимости.

«Теперь или никогда», — говорили их взоры, что было поймано молодым человеком. Последний, видя, к чему клонится дело, крепче сжал свое ружье.

— Ружья на прицел в машиниста, — скомандовал шептом Березин. — Я пойду вперед.

Несколько огромными прыжками инженер перемахнул расстояние, отделявшее его от паровоза. Машинист не успел сообразить, откуда нападение, а уж Николай Андреевич стоял на подножке паровозной будки, направив на него дуло револьвера.

— Ни с места! Вы — наш пленник, — громко по-русски сказал инженер, жестом указывая машинисту на скалы. Машинист, длинный, сухощавый человек с бритым лицом, с масленкой в руках, казался скорее удивленным неожиданностью, чем испуганным. Он взглянул в сторону, где

блестели два ружейных дула и, не промолвив ни слова, повернулся, чтобы поставить масленку.

Березин свистнул. Доктор и юноша поспешили к нему, на бегу закидывая ружья за плечи.

— Вперед! — вскричал Березин, знаком приказывая машинисту трогаться с места.

— Yes, sir, — ответил тот и одним поворотом рычага дал пар в машину. С шумом задвигались поршни, выпуская из цилиндров пар.

Поезд сорвался с места и быстрым ходом направился к выходу из котловины.

— Вы англичанин? — задал инженер вопрос пленнику по-английски и тотчас же получил ответ па этом языке:

— Да, сэр.

Бритт, увидев из этого, что имеет дело с культурными людьми, уже не казался взволнованным.

— Куда мы едем?

— В Бломгоуз.

— Что это: город, завод или местечко?

— Город.

— Давно ли он основан?

Англичанин промолчал.

— Что там делают?

В ответ хладнокровное молчание.

А поезд мчался уже по узкой извилистой долине, постоянно поворачивая то вправо, то влево. Каменные громады лишь кое-где были покрыты чащей растительности, сменявшейся густым мхом. Иногда склоны лощины сближались настолько, что, казалось, они стремятся сжать поезд в своих теснинах. В таких выемках, похожих на искусственные, на гранитных, уходящих ввысь стенах виднелись следы свежих изломов.

Руберг, понимавший несколько по-английски, передавал студенту результаты разговоров с англичанином.

— Надо спросить, скоро ли мы приедем, — сказал студент Березину.

— Судя по быстроте хода, мы уже отъехали верст на пятнадцать, — добавил доктор.

Инженер хотел обратиться к англичанину с новым вопросом, как всех неожиданно поразила темнота. Страшный грохот оглушил путешественников. Через несколько томительных минут туннель окончился и путники вскрикнули от восхищения.

VII.

Пленники

Ущелье, где мчался поезд, выходило в огромную, не менее пяти верст в диаметре, долину, обрамленную горами, покрытыми хвойным лесом. Но взоры путешественников восхитило не это. Вся долина, частью застроенная до-

миками и причудливыми каменными зданиями, частью занятая большим озером, утопала в зелени, как бы купающейся здесь под горячими лучами солнца.

После голых, бесплодных скал глазу было приятно остановиться на зеленом бархате травы и деревьев. Нашим путешественникам долина показалась местом райского блаженства. Пораженные ее видом, трое отважных искателей приключений не находили слов для выражения своих мыслей.

Паровоз между тем, обогнув справа блещущую всеми красками зеркальную поверхность озера, мчался среди зелени, издавая отрывистые тревожные свистки. Из окон, как показалось Березину, выглядывали женские, а иногда и детские головы.

Паровоз неожиданно остановился, так что путники чуть-чуть не попадали друг на друга. Пользуясь их замешательством, машинист выпрыгнул из будки и исчез. Поезд стоял у открытой платформы. Трое друзей не знали, что предпринять.

На платформе стала собираться толпа народа. Европейские костюмы, высокий рост, рыжие усы, а иногда баки, и цвет лица выдавали в них подданных британского королевства, детей туманного Альбиона. Несколько веселых, подвижных физиономий в рабочих тужурках и белых брюках изображали принадлежность их владельцев французской нации. Наконец, в толпе мелькали белые тюрбаны над смуглыми лицами правильного индусского типа. Разноречивал толпа теснилась к паровозу. Трое друзей, решив выжидать событий, взяли в руки оружие.

Толпа расступилась и пропустила бритого господина среднего роста, лет пятидесяти, одетого в клетчатую пару. Рядом с ним шел скрывающийся машинист.

Клетчатый господин нисколько не смущился, увидав ружья в руках иностранцев. Он подошел поближе и сказал:

— Вы говорите по-английски?

— Да, — ответил Березин.

— На нашей стороне сила. Вы — наши пленники. Будьте любезны следовать за мною.

— Мы не пленники. У нас есть оружие.

— Ваше оружие нам не страшно. Смотрите сюда.

Джентльмен сделал повелительный знак рукой. Толпа отодвинулась и очистила одну сторону платформы. Осажденные выглянули. Англичанин жестом указывал им на каменный столб около площадки.

Он достал из кармана какой-то блестящий предмет, вытянул руку... и столб с треском рассыпался на мелкие части.

— Вот видите, что значит ваше оружие, — повернулся он к ошеломленным русским. — Мы без труда можем уничтожить вас вместе с паровозом.

Березин первый выпрыгнул из будки, приглашая товарищей следовать за собой. Они протянули ружья бритому джентльмену, но тот, очевидно передумав, просил их оставить оружие при себе.

Англичанин вместе с пленниками, пройдя платформу, направился по ровной, усыпанной песком дорожке, извиившейся между зелеными садами, к многоэтажному, из

красноватого с блестками известняка зданию, с башенкой посередине.

На башне развевался флаг, в котором доктор по рисунку — лев и единорог с гордо поднятой головой — узнал эмблему владычицы морей — Великобритании.

«Вот куда мы попали, — подумал Руберг, — ну, подождем, что будет дальше. Эти гималайские англичане чрезвычайно изобретательны. На них любопытно взглянуть».

— Пожалуйте сюда, — сказал сопровождавший их джентльмен, когда они прошли внутри здания несколько больших, по-европейски убранных зал. Перед пленниками отворилась дверь. Русские вошли в комнату, оказавшуюся очень светлой, высокой, с простой, но удобной мебелью, в числе которой находилось несколько кресел.

— Предлагаю вам пока это помещение, — проговорил джентльмен. — Когда судьба ваша решится, тогда получите другое. Спасаться бегством не советую, так как бежать некуда. Вы все равно попадетесь. А пока до свидания...

— Позвольте, — остановил его инженер. — Хотя вы и сильнее нас, но вы не имеете права так обращаться с иностранными подданными. Мы желаем знать, где мы.

— Вы в Бломгоузе.

— Что это за Бломгоуз?

— На это я не имею права вам отвечать. После узнаете, если только позволят.

— А у кого надо спрашивать позволения?

— Вам, как пленникам, этого знать не нужно, — заметил англичанин жестко и затем прибавил уже другим голосом: — Я пришлю вам Сигму. Если что понадобится, он исполнит.

Дверь захлопнулась. Слышно было, как снаружи щелкнул засов.

— Ну, — сказал доктор, обращаясь к своим друзьям, начинавшим складывать ружья и револьверы в угол, — кажется, мы попались, как караси на жаркое. Пленники... Впрочем, для пленников здесь недурно, — заключил он, окидывая комнату взором. — Уж давно мы не бывали в обстановке культурного человека. Теперь, когда мы находимся

среди культурного мира, англичан, не мешало бы нам побочиститься; как вы думаете?

И доктор взглянул на свое запыленное и испачканное платье. Действительно, в смысле чистоты костюмов трое друзей не блистали. Все были перемазаны землей и мелкой пылью.

— Мне кажется, что все это не более как сон, мираж, — заметил юноша, смотря на своих друзей, словно желая видеть в них подтверждение своих слов.

— А я, — отозвался инженер, — думаю, чем мог англичанин разбить вдребезги каменный столб. Очевидно, здешняя техника далеко ушла от европейской. С этой стороны наше приключение смахивает на мираж.

— Один я вижу во всем этом происшествии реальную действительность, потому что начинаю ощущать самый настоящий голод, — ответил Руберг.

Эта неважная сама по себе шутка произвела благоприятную перемену в настроении пленников.

Друзья не заметили, как дверь отворилась и через порог ее переступил красиво сложенный индус высокого роста, в цветном тюрбане. Он нес таз и кувшин с водой для умывания. Очевидно, это и был Сигма.

Доктор живо начал разоблачаться, примеру его последовали и друзья. Все освежились и обчистились, насколько это было возможно. Теперь охотники походили скорее на обычайтелей, сошедшихся для мирной беседы, чем на отважных искателей приключений.

Голод давал себя знать, и пленники знаками показали Сигме, не понимавшему или притворявшемуся, что он не понимает английского языка, что они хотят есть.

Сигма вышел. Руберг выглянул в широкое, светлое окно. Справа от него в роще раскидистых магнолий, зеленых араукарий, развесистых дубов, длиннолистых олеандров, кудрявых пальм азиатских нагорий, выглядывали кокетливые домики, сложенные из того же красного с блестками, похожего на финляндский гранит, камня, что и здание, в котором находились пленники. Слева виднелся кусок водной поверхности, сверкавшей на солнце всеми переливами ра-

дуги. Должно быть, это была часть виденного ими озера. Прямо перед зрителем шли те же зеленые рощи, пересеченные прямыми аллеями.

К доктору подошел Березин.

— Как вы думаете, — тихо спросил он, взглянув на юношу, занятого своим костюмом, — что с нами будет?

— Пока ничего, — ответил врач. — Но как с нами поступят в будущем, трудно судить. Я боюсь только одного.

— Чего именно?

— Как бы не пришлось нам остаться здесь навеки.

— Навеки? Вы думаете, нас убьют?

— Нет. Но что заставят силой остаться здесь до самой смерти, в этом почти нет сомнения. Нас нельзя выпустить: во всем здесь кроется какая-то тайна, а мы уже приподняли часть завесы, скрывающей эту тайну.

— Вы, пожалуй, правы, — задумчиво произнес инженер.

Разговор был прерван появлением Сигмы, явившегося в сопровождении товарища, такого же высокого, статного индуса, как и он сам. Слуги несли в руках дымящиеся кушанья. Доктор открыл миски и облегченно вздохнул: кухня состояла из европейских блюд.

Несмотря на перенесенные волнения, все трое принялись за обед с большим аппетитом. Сигма прислуживал. Разговор не возобновлялся. Помыслы всех были устремлены только на еду.

— Это вовсе недурно быть пленником, — воскликнул оживившийся Руберг. — Со стороны англичан весьма даже похвально такое отношение к иностранцам.

— Хороший вы человек, доктор, во всем видите только лучшую сторону, — заметил Николай Андреевич.

— А иначе нельзя было бы жить, — весело откликнулся доктор. — Мы, врачи, должны быть всегда наготове исцелять недуги не только телесные, но и душевые. Равновесие духа и доза оптимизма нам необходимы.

VIII.

Допрос

После обеда пленникам принесли несколько бутылок эля.

— Уже не полагаете ли вы, что и мы страдаем душевным неравновесием? — вмешался в разговор студент.

— Обязательно, в особенности вы, молодой человек. Когда я увижу вас обоих женатыми, я, пожалуй, соглашусь признать вас душевно здоровыми, — с обычной шуткой в голосе заявил Руберг.

— Кажется, от женитьбы все мы теперь дальше, чем когда-нибудь, — сказал инженер, поддаваясь общему настроению. — Вспомните, где мы и что мы!

— А может быть, в гостях у какой-нибудь Дидоны, — не унимался доктор. — А вы как раз походите на героя, конечно, двадцатого века. Вот на вас-то первого и наложат цепи Гименея. А там и наша очередь настанет.

Конец этого полного необычайными событиями дня прошел без перемен, как и утро следующего. Пленники довольно сносно выспались в своих креслах и сидели за завтраком. Время близилось к полдню.

Неожиданно явился клетчатый джентльмен и пригласил всех следовать за собой.

— Куда вы нас ведете? — спросил Николай Андреевич.

— На допрос.

— Кто его будет производить?

— Этого сказать не могу. Если «Он» захочет, сам скажет.

— Кто «Он»?..

В ответ последовало одно молчание. Доктор тревожно переглянулся с Березиным. В это время вошли в большую залу, служившую, видимо, аудиторией, так как в противоположном конце ее находился покрытый сукном стол с рядом кресел, а все свободное пространство занимали стулья.

— Оставайтесь и ждите, — сказал провожатый и скрылся в дверь, откуда пришел.

В зале было пусто. От непривычной обстановки и ожидания наши друзья начали терять самообладание.

— Вы русские? — раздался вдруг резкий голос со стороны стола. Друзья, пораженные неожиданностью, встрепенулись, устремив взор к столу. Однако, там никого не было видно.

— Что же вы не отвечаете? — продолжал тот же голос. Тут инженер заметил, что в стене, против стола, на высоте человеческого роста находится отверстие, из которого и слышалась речь допросчика.

Инженер смело сделал несколько шагов вперед и отвечал:

— Да, мы русские путешественники. А вы кто такой и по какому праву вы нас держите в плену?

— По праву сильнейшего. Вы шагнули на мою территорию, сделали нападение на моего машиниста, — вы мои пленники.

— Мы не знали, милостивый государь, — отвечал инженер с едва уловимой насмешкой, — что здесь, среди Гималаев, имеется независимое государство, правителем которого, очевидно, являетесь вы. В нашей империи нет вашего консула.

— Вы очень смелы, что дерзаете так отвечать. Такая сместь может стоить вам жизни.

— Мне неизвестно, с кем я говорю, — ответил Березин, нисколько не пугаясь угрозы. — Потому я не могу не проявлять своей независимости, не зная вас в лицо. Может быть, вы и имеете право так разговаривать с нами, как вы разговариваете, но для нас, русских путешественников, такое право является весьма спорным. Что же касается угрозы смертью, — мы ее не боимся, так как уже не раз рисковали своею жизнью.

— Вы хорошо говорите, — заметил невидимый, голос которого как будто смягчился. — Ваши товарищи так же храбры, как и вы сами?

Инженер, в полной уверенности, что за ним наблюдают, лишь безмолвно поклонился.

— Но мне надо знать, кто вы и зачем сюда явились, — продолжал голос. — Допустите на минуту, что вы находитесь в независимом государстве, у которого есть свой правитель. Надеюсь, он имеет право спросить у чужестранцев, зачем, с какими намерениями они явились в его царство, хотя бы для того, чтобы знать, как с ними поступить?

— С такой постановкой вопроса я согласен, — ответил Николай Андреевич. — Мы все — русские. Сопутствовали промышленную экспедицию в Туркестан и тянь-шаньские отроги. Жажда приключений и любовь к природе загнала нас за Памир, где мы блуждали много недель, а в конце концов попали сюда...

— Взявшись силой мой паровоз?

— Да, если хотите. Нас заинтриговало его появление в таких непоказанных местах. Согласитесь сами, что паровоз на рельсах в Гималаях — явление не будничного порядка.

— Вы, к сожалению, правы. А ваши профессии?

— Это — доктор, а это — студент естественных наук, я же — инженер.

— Инженер и врач... Вы инженер — по горному делу или металлургии?

— Я — инженер-электромеханик.

— Электромеханик. Хорошо. Если вы так же знаете свое дело, как умеете отвечать, то вам нетрудно будет найти в Бломгоузе подходящее занятие.

— Но мы вовсе не имеем желания здесь оставаться.

— Вас и не спрашивают об этом. Если вы дадите мне честное слово не делать попыток к бегству, вы будете свободны в пределах города. Если же нет, вас будут держать, как пленников.

— Мы даем слово, — заявил доктор, молчавший до сих пор, — но не более, как на три месяца, — добавил он.

— Так завтра вас представят доктору Блому.

— Кто такой доктор Блом?

Ответа не последовало. Вопросов тоже более не задавалось.

Дверь сзади русских отворилась. Вошел уже знакомый англичанин. Допрос окончился.

IX.

Блом

Возвратившись к себе, друзья решили выяснить свое положение. Прежде всего установили тот факт, что они имеют дело с просвещенными людьми и что им не грозит непосредственная опасность. Далее, пришли к заключению о необходимости полного повиновения владельцу Бломгоуза, как представителю силы. И все единогласно сошлись в том, что они не сделают попытки к бегству из города до тех пор, пока не ознакомятся со всеми особенностями загадочного города. А инженер еще заметил, что они добились своего:

стоят на пороге раскрытия тайны беспроволочного телефона, а также убедились и в том, что частые колебания почвы Средней Азии — дело рук обитателей Бломгоуза.

— Одним словом, — поставил Руберг свое резюме, — мы увидим немало интересного.

— Да, — подтвердил Березин. — Нам суждено видеть не только интересные вещи, а прямо чудеса, чудеса технических работ этого города, где все так необыкновенно.

— Итак, будем выжидать событий.

События последовали гораздо скорее, чем предполагали пленники. Вечером зашел Сигма и знаками показал, чтобы пленники шли за ним. Он их провел в комнату и указал целый магазин разнообразнейших костюмов, начиная с европейских и кончая пестроцветными одеяниями Индии. Доктор выбрал себе пару черного сукна, инженер — смокинг, а студент удовлетворился пиджачным костюмом светло-серого цвета.

На другой день утром к пленникам явился знакомый им джентльмен. Его лицо вовсе не казалось ни строгим, ни озабоченным. Он как будто потерял долю официальности и замкнутости, которая так отличает англичан от прочих наций.

На этот раз он подошел к друзьям и, протянув руку, отрекомендовался:

— Инженер Вилькинс.

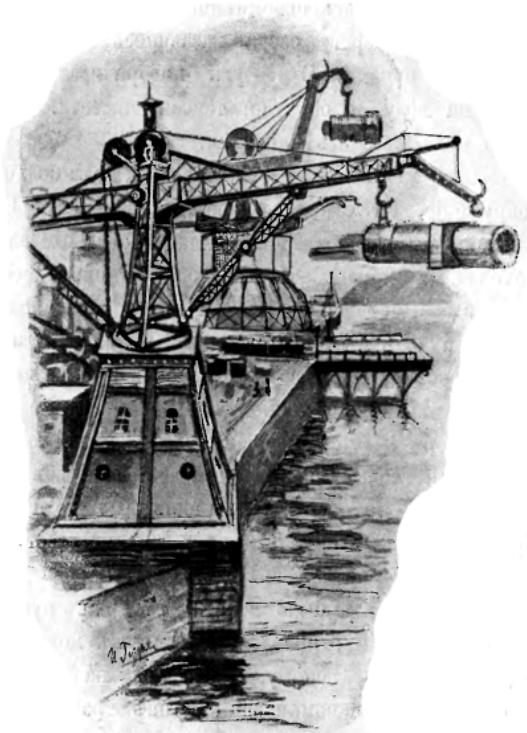
— Очень рад видеть коллегу, — ответил Березин, пожимал руку собрата по профессии.

То же самое сделали и доктор со студентом.

— Будьте любезны, господа, ехать к м-ру Блому. Вас проводит ваш знакомец Кортэр.

Из дома двинулись налево, к озеру. Коттеджи казались вымершими, лишь кое-где изредка колебалась белая занавеска и за ней мелькало женское лицо. Зато на озере, в отдалении, шла созидательная работа. Взору русских представились огромнейшие краны на противоположном берегу озера, казавшиеся отсюда гигантскими руками. Эти руки поворачивались с сушки на воду и обратно, таская тяжести. Люди около них казались пигмеями.

Ближе к середине озера стояло на воде большое сооружение, отчасти напоминавшее черепаху. При ближайшем рассмотрении черепахи она оказалась похожей на броненосец. Только этот броненосец был вдвое больше любого дредноута британского флота, а отсутствие труб и мелких сооружений делало громаду похожей на средневековую крепость со срезанными башнями.

Доктор и его товарищи долго ломали голову, спрашивая себя, что могла представлять из себя эта громада, но ответа не нашли. Если это и был броненосец, то ему было совсем не место в замкнутом горном озере.

Но рассуждать было некогда, так как путники достигли станции отправления, если так можно назвать крытую платформу. Okolo нее, на рельсах, стоял вагон, напоминав-

ший вагон трамвая без одной стороны. Внутри вагона протянулся ряд скамей. В будке с толстыми стеклами, положа руку на вентиль, стоял сухопарый, высокий вожатый. Он обернулся, и все узнали механика, атакованного ими на павровозе.

Увидя трех друзей, Кортэр улыбнулся насколько мог приветливее. Он указал им на скамьи и посоветовал крепче держаться.

В тот же момент вагон дрогнул, колеса завизжали и друзья с удивлением увидели, как платформа, англичанин и коттеджи стали исчезать с глаз быстрее, чем в кинематографе. Хотя вагон не тряслось, а лишь качало, стоять на ногах не было возможности: скорость движения валила путешественников с ног.

Новые и новые ландшафты так быстро появлялись и исчезали из глаз, что друзья не отдавали себе полного отчета в виденном. Они лишь заметили, что сады сменялись каменными домиками, долины — скалистыми холмами. Иногда с грохотом пролетали ущелья.

Через пять минут вагон остановился у новой платформы. Но через минуту началась та же бешеная езда. Русские, не привыкшие к такому способу передвижения, казалось, не могли прийти в себя от изумления, англичанин стоял хладнокровно в своей будке, не спуская рук с различных рычагов и вентиляй.

Три минуты спустя вагон снова остановился. Механик указал путешественникам многоэтажный корпус, находившийся за платформой у склона горы.

Ярким красочным пятном выделялся он из серого однотонного фона горной местности. Справа и слева к главному корпусу жалось несколько мелких зданий.

— Меня удивляет эта чрезвычайная быстрота здешнего трамвая, — заметил Руберг, вступая на платформу.

— А меня поразило совсем другое, — ответил инженер.
— У этого «трамвая» нет проводов для электрического тока, стало быть, это не трамвай.

— В самом деле, — вскричал студент, оглядываясь, — проводов нет?.. Ах, он уж исчез!

Последнее восклицание относилось к вагону, удалявшемуся от платформы с неимоверной быстротой.

Около самого входа в корпус путешественники были встречены рыжеусым субъектом лет сорока пяти, крепкого телосложения, одетым в рабочую тужурку. Его быстрые, проницательные глазки сверкали из-под рыжих бровей подобно раскаленным угольям и разом пронизали путешественников. «Ну и бульдог», — определил его про себя доктор, взглянув в неприятное лицо англичанина.

— Мне поручено представить вас доктору Блому, — отрывисто сказал незнакомец с неприятными глазами.

Русские молча поклонились.

Из обширного вестибюля широкая лестница вела в ярко освещенный зал, служивший как бы приемной. В ее убранстве замечалась какая-то строгая, изящная простота. Стены, двери с резными украшениями и мебель в строгом северном стиле казались сделанными из полированного дуба. Можно было подумать, что находишься в одном из лучших особняков какой-либо европейской столицы, но легкое, чуть заметное дрожание стен, пола и потолка показывало, что приютившее их огромное здание предназначено не для жилья, а для других целей.

Ждать пришлось недолго. Одна из дверей с украшениями распахнулась, и в ней показался старец высокого роста. Обрамленное небольшими седыми баками спокойное лицо было одухотворено такой внутренней мощью и энергией, что само просилось на полотно художника, столько в нем отражалось мысли, ума и силы. Глаза, обладавшие привлекательностью молодости, еще не потеряли способности загораться юношеским блеском. Движения, порывистые и легкие, были проникнуты благородством. Некоторая худощавость вошедшего скрывалась в настоящий момент серым балахоном, спускавшимся до пола. Было очевидно, что обладателя его только что оторвали от лабораторных работ.

— Сэр, — сказал проводник путешественников, низко кланяясь, — вот иностранцы...

— Добро пожаловать, господа, — ответил старец, и звук его голоса показался русским чрезвычайно знакомым: им почудились в нем те же нотки, что и в тоне вчерашнего невидимого допросчика. Только тот голос был резок и не-приятен, а этот ласкал слух.

— Рад вас видеть, — продолжал старец с достоинством, подходя к группе и протягивая руку. — Блом — доктор хими и высших прикладных наук, — отрекомендовался он.

Березин в ответ назвал себя и представил своих товарищей.

— А это мой помощник, — указал м-р Блом на бульдо-гообразного англичанина, — инженер Гобартон.

Русские раскланялись с Гобартоном.

Извинившись за рабочий костюм, доктор Блом попросил иностранцев в свой кабинет.

Часть вторая

ГОРОД ЧУДЕС

I.

Первая неделя в Бломгоузе

Спустя неделю после поездки русских на трамвае, в одной из богато убранных комнат домов Бломгоуза задумчиво сидел в кресле средних лет господин, сосредоточенно куривший сигару. Это был доктор Руберг. Он в одиночестве раздумывал о событиях последних дней.

Нового было много. Начать хоть с того, что неизвестный миру город вел какую-то титаническую работу, результаты которой еще трудно учесть. Люди здесь не стеснялись с природой, они являлись ее полными хозяевами, обладая знанием таких природных сил, какие не счищались мудрецам и техникам Америки и Европы. Обитатели Бломгоуза жили какой-то новой жизнью, где техника играла решающую роль во всем, — в общественной и семейной жизни.

Пребывание у м-ра Блома оставило в трех друзьях неизгладимый след. После короткого разговора с этим поистине замечательным человеком, так умевшим влиять на окружающих, путешественникам показалось, что они знали его уже весьма долгое время, почему разговор с их стороны принял откровенный характер.

Вслед за тем Блом повел своих гостей внутрь здания. Они остановились в комнате, сплошь заставленной принадлежностями химических и физических опытов, моделями невиданных машин и приборов, поблескивавших медью в лучах пробивающегося в окна солнца, искрящимися пробирками и сосудами на полках.

И здесь доктор увидел своего друга инженера в состоянии такого восхищения, каким никогда его еще не наблюдал. Николай Андреевич задавал Блому тысячи вопросов и на все получал короткие, ясные и обстоятельные ответы. Даже Руберг, незнакомый с сутью многих технических терминов и выражений, вполне понимал все объяснения ста-

рого ученого, настолько они были естественны и просты. Это вполне законное любопытство и любознательность со стороны русских понравились мистеру Блому, который, закрыв оконные жалюзи, проделал несколько опытов с электричеством. Так, в темноте совершенно неожиданно ярким светом загорались лампы и фонари, у которых не было ни фитилей, ни проводов. Руберг запомнил, что Березин при этом что-то говорил об опытах Теслы, а Блом утвердительно кивал головой.

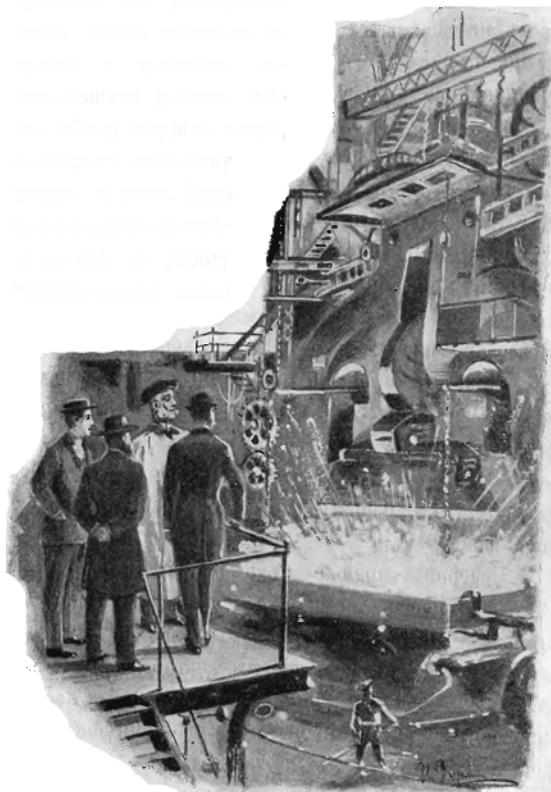
На стене открылся экран перед зрителями. И вскоре они увидели движущиеся фигуры, в которых узнали Блома и самих себя. Картина исчезла, а ее место занял горный вид, как будто бы им уже знакомый. На картине появился вагон беспроволочного трамвая. Каково было удивление русских, когда в пассажирах вагона они узнали самих себя!

Блом, впоследствии называвший все это детскими забавами, объяснял сущность явлений. Но доктор из научных объяснений на этот раз ничего не понял, тогда как инженер все время удовлетворенно кивал головой. После этих опытов посетили еще целый ряд больших и маленьких помещений. Некоторые из них по обилию инструментов и моделей напоминали лаборатории средневековых алхимиков, другие — научные музеи политехнических институтов.

Одна из комнат была вся уставлена часами и часовыми механизмами, из которых одни достигали величины человеческого роста, а другие — свободно умещались в коронке перстня. Комната сильно походила на часовой магазин, и Руберг не мог уяснить себе, зачем он понадобился ученому. По-видимому, такого же мнения был и студент Горнов. В противоположность им, инженер с огромным наслаждением рассматривал механизмы и особенно долго говорил с м-ром Бломом о некоем необычайно остроумном сочетании рычагов в одном из аппаратов.

Гораздо более удовлетворенным остался доктор от осмотра нижнего этажа. Оттуда доносился шум, а иногда и словно подземный гул, от которого толстые стены дрожали, как парусное полотно. Сначала русским при входе через массивную железную дверь показалось, что они попа-

ли в ад: так здесь было мрачно, шумно и суетливо. Огромные маховики ворочали целые ряды шкивов под потолком, покрытым сетью цепей, рельсовых соединений, блоков и пр. Черный фигуры рабочих в кожаных передниках, освещенные зловещим блеском раскаленного металла, казались сонмом дьяволов, собравшихся на шабаш.

В глубине помещения на двух гигантских чугунных ногах возвышалось сооружение, походившее на допотопное чудовище. Доктор узнал в нем ковочный пресс. Как раз в этот момент к нему с помощью системы блоков подвезли бесформенную глыбу горящего металла. Ударил молот — и почудилось, что разверзлась земля, откуда вылетели, с гу-

лом и треском, заставлявшим дрожать стены, целые мириады искр, подобных огненному дождю вулкана. Как зачарованные смотрели русские на работу гномов-людей около глыбы. А удары молота становились, по мере того как металл остывал, все крепче и крепче: металл на виду всех подавался страшным ударам, меняя свою форму. Обозначилась толстая, около аршина, плита, площадью в шесть-восемь квадратных сажен. Блом пояснил путешественникам, что они видят выделку броневой плиты, могущей служить для покрытия любого дредноута. Он предлагал им взглянуть на закалку массивной плиты, но путешественники отклонили предложение под предлогом усталости от массы совершенно новых, неиспытанных впечатлений, подавляющих их своей грандиозностью.

В свое помещение под британским флагом они возвратились тем же путем, как и прибыли, т.-е. на трамвае. Во время проезда им удалось заметить несколько высоких сооружений в виде решетчатых башен, назначение коих осталось невыясненным.

Вечером пришло приглашение, в котором друзей прошли пожаловать к доктору Блому во дворец. Известие было принято всеми различно: студентом — с восхищением, доктором — с крайней степенью удивления, а инженером — хладнокровно, как будто он считал приглашение на обед к ученному в порядке вещей.

Дворец Блoma, к которому их проводил Сигма, сверкал огнями. Ясно вырисовывались готические окна. Аллея из олеандров и акаций вела к широкому крыльцу с лестницей, украшенной мраморным парапетом и изящными вазами с экзотическими растениями.

На крыльце иностранцев встретил высокий индус в зеленой чалме. Он, приложив руку к сердцу, приветствовал их глубоким поклоном.

— Пожалуйте, сагибы, — вымолвил он, отворяя внутрь тяжелую с затейливыми украшениями дверь.

Потоки мягкого, но яркого света ударили в посетителей. Приемная представляла из себя квадратную залу со стенами, украшенными мозаичными цветами богатой ин-

дусской флоры. Широкие, мягкие диваны шли по стенам. Двери были прикрыты разноцветными индийскими тканями. Шандалы в виде фигур странных, невиданных на земле животных изливали тот мягкий свет, который так ослепил спутников.

Обладатель зеленой чалмы вел их дальше. Только после ряда комнат, богато убранных в восточном вкусе, путешественники вступили в столовую, обставленную по-европейски. Редкие цветы и граненый хрусталь украшали стол. На белоснежной скатерти стояло шесть приборов. Гнутая мебель коричневого цвета гармонировала с остальным убранством комнаты: тяжелым резным буфетом, обоями под кожу и драпри из лучшего лионского бархата. Масса цветов и тропических растений придавала столовой особый уют.

Не успели гости осмотреться, как вошел мистер Блом, одетый в удобный домашний костюм. Он приветствовал гостей любезно и даже весело. Отдав приказание подавать на стол, он с умением светского человека начал интересный разговор, в котором приняли участие Руберг и Николай Андреевич. Горнов лишь изредка вставлял несколько слов и то когда к нему обращались по-французски.

В соседней комнате послышались возня и звонкий смех. Оттуда, вслед за выскочившей маленькой обезьянкой, стремглав вылетела миловидная черноволосая девушка, которой нельзя было дать больше восемнадцати, девятнадцати лет. Увидав незнакомые лица, она как будто сконфузилась и смущенно проговорила:

— Ax, сэр, эта Биби опять шалит!

Следом за смущенной девушкой вошла стройная блондинка. Чудесный овал лица и прямой, классически правильный нос с несомненностью выдавали в ней дочь туманного Альбиона. Ее голубые глаза, подобно двум звездам мерцавшие из-под длинных ресниц, были в состоянии очаровать всякого, на кого глядели. Густые золотистые волосы ниспадали прядями на маленькие ушки. Белое платье делало ее похожей на сильфиду, явившуюся обольщать смертных своим серебристым смехом.

Все взоры обратились на нее, причем во взгляде м-ра Блома можно было прочесть глубокую нежность.

— Кэт — моя внучка, — сказал старец, беря ее за руку.

— А эта вострушка, — указал он на брюнетку, — m-elle Софи, ее компаньонка.

Между тем обезьянка успела уже вскочить на руку, а оттуда на плечо Ивана Михайловича. Софи подошла к нему, желая освободить гостя от своей любимицы. Француженка бросила на студента искрящийся смехом взгляд своих черных глаз и им обоим сразу стало весело. Всух же они обменялись несколькими общими фразами.

Во время обеда мистером Бломом старательно поддерживался оживленный разговор. Много говорили о политике, о разных видах спорта, о последних событиях. Наши путешественники, будучи уже три месяца отрезаны от всего мира, с некоторым недоумением слушали рассказы хо-

зяина, бывшего в курсе политической и общественной жизни Европы, Азии и Америки.

— Каким путем вы получаете газеты, м-р Блом? — решился, наконец, задать долго мучивший его вопрос Руберг.

— Один раз в неделю, через Индию.

— Разве отсюда в Индостан путь доступнее, чем в Памир?

Блом взглянул на доктора.

— Нет, этого нельзя сказать, но все-таки сношения с Индией нами установлены.

— Но мне кажется, что вам известны самые последние новости, интересующие народы. Это как-то не вяжется с ожиданием европейских газет, которые должны доставляться чересчур поздно.

— Я могу ответить на интересующий вас вопрос: наиболее важные известия мы получаем по телеграфу.

— Вы связаны с остальным культурным миром телеграфом? Как же в таком случае ваше местопребывание остается под покровом тайны? Это должно бы вас выдать.

— Нет, так не случится. Телеграф беспроволочный и известен только нам.

— Вы сумели применить здесь гениальное изобретение Маркони? — вступил в разговор Николай Андреевич, до того оживленно беседовавший с мисс Кэт. — Но каким же образом вам удалось настолько усилить его действие, чтобы быть в состоянии переговариваться с Европой?

— Я должен вам на это сказать, что я не утверждал, будто мной применен телеграф Маркони.

— То есть как? Я вас что-то не понимаю.

— Очень просто, здесь применен к делу телеграф, который мною усовершенствован и в состоянии давать волны, способные обежать вокруг всего земного шара и возвратиться обратно. Конечно, надо сознаться, что труды Герца и Маркони послужили для меня исходной точкой отправления.

Руберг и Березин оба вперили свои взоры в этого удивительного человека, скрывавшего дарования редкого ученика.

— Как-нибудь на днях, господа, вы сами увидите мои аппараты и тогда убедитесь в истине моих слов.

— Да, беспроволочный телеграф — величайшее благодеяние людей, — произнесла мелодичным голосом мисс Кэт. — Не будь его — на «Титанике» все бы погибли.

— Как? — вскричал инженер, — вы говорите о «Титанике», величайшем судне в мире, о том, который строился в Саутгемптоне и должен был превзойти размерами «Лузитанию» и «Мавританию»? Неужели он погиб? Быть этого не может!

— Да, погиб, — печально подтвердила девушка, — погиб от столкновения с ледяной горой, а вместе с ним тысячи человеческих жизней.

И она горячо, блестя глазами от волнения, принялась рассказывать гостям подробности ужасной катастрофы, в свое время потрясшей весь цивилизованный мир.

— Как славны подвиги безвестных героев и ужасна постигшая их часть, — сказал, вздохнув, инженер. — Можно ли было предполагать, что величайшее из творений рук человеческих погибнет в волнах океана? Неужели человеку никогда не подчинить себе природу?

— Природа, как избалованная женщина, кажется то кроткой и послушной, то капризной и мстительной, — промолвил учений. — Весь секрет умения управлять природными силами, для чего нужна несокрушимая воля и желание взять ее в руки, состоит лишь в знании того, как, когда нужно с ними обращаться.

— Это можете сказать только вы, — заметил Руберг. — Мне кажется, что вы находитесь на пути к полному подчинению себе природы и ее творческих и разрушительных сил.

— Из чего вы заключаете?

— Да хотя бы из того, что ваши инженеры одним мановением руки способны превращать в ничто камни и даже целые горы.

— А-а, — странно протянул м-р Блом. — Так это вам известно, откуда же?

— Ваши инженеры показывали, — ответил всегда осторожный Руберг.

— Кстати о творческих силах природы, — вмешался инженер, желая изменить направление разговора. — Вам, м-р Блом, все-таки удалось одну из капризных женщин заключить в стальной цилиндр и заставить возить себя с быстрой ветра.

— Вы говорите о трамвае? Что же тут удивительного? Вам, как инженеру, должно быть известно, что скорость электрического трамвая Сименса и Гальске доведена до 205 километров в час. Все дело в рельсах. Выдержат рельсы такую скорость — возможно ее достичь, не выдержат — ничего поделать нельзя. Наша заслуга здесь в том, что удалось создать рельсы из хорошего материала.

— Все это так, — согласился инженер, — но ваш трамвай не походит на остальные. Он не зависит от проволоки, я думаю даже, способен не зависеть и от рельс. Он пользуется своей собственной силой, находящейся внутри него.

— Ах, вы вот о чем! Да, мне удалось сконструировать особый аккумулятор большой силы. В этом и есть разгадка скорости вагона.

Разговор о предметах техники прервался как-то сам собою. Нашлись другие, более общие темы. Француженка, считая себя дома, старалась занимать своего соседа-студента, который, не понимая по-английски, всецело ушел в беседу с интересной брюнеткой. Ее веселая болтовня ему нравилась, француженке, в свою очередь, казалось забавным его странное произношение французских слов. Она смеялась, но безобидно. Ее веселость заразила Горнова, который тоже смеялся, сам не зная почему. К концу обеда студент и m-lle Софи сделались совсем друзьями.

Вспоминая теперь об этом, доктор Руберг улыбнулся: его молодой друг и в настоящий момент находился в аппартаментах француженки.

— Совсем голову потерял парень, — заключил вслух холостяк. — Впрочем, это не вредно. Софи, кажется, славная девушка. Инженер, вот кто меня удивляет. Совсем другой сделался. Эту многовековую его меланхолию как рукой сняло, носится с Бломом целыми днями, не зная устали. И вся его задумчивость куда-то пропала. Что бы это значило? Раз-

ве на него повлияла так новая обстановка, полная интереса для всякого техника? Постой, уж не действуют ли тут прекрасные глазки мисс Кэт?... Ну, и осел же я! Конечно, так. Эта ласковая кошечка, того и гляди, зацепает моего Николая Андреевича. Как пить дать, зацепает...

Доктор достал платок и вытер пот со лба — результат его мыслительной работы, а затем продолжал философствовать.

«Вот и остался без друзей. Надо же было тащиться в этакую даль, чтобы потерять их. Не мог сделать умнее. Ба! Дело-то серьезнее, чем я думал. Ведь мы — пленники, хоть к нам и благоволят. Если они тут засядут с своими балаболками до конца жизни, то и я не выберусь. Одному не управиться с этим делом. Надо подумать, пораскинуть мозгами... как и что?»

Руберг задумался.

«Что из себя представляет этот Блом? Какой-то невидимый, да и весь город... Ну, скажем, что выделяют они тут стальную броню, да, спрашивается, на кой она им черт здесь, в непроходимых горах?!! От медведей, что ли, защищаться? Архиглупость какая-то! — продолжал сердиться Руберг. — Даже если вырабатывать и прочие предметы военных снаряжений. Разве они не могли выделывать их в дру-

гом месте, в тех же прекрасно оборудованных заводах Англии? Нет, надо было забраться сюда, куда и птица-то редко залетает, а не только человек. Заколдованный круг, из которого не выбраться. Дернула же нелегкая впутаться в этакую кашу. Расхлебай ее, мудрый Эдип! Живем неделю, даже к самому м-ру Блому во дворец перебрались, а что узнали? — Ровно ничего. Мой друг восхищается их работой, обстановкой, жизненными удобствами, совершенством машин, да ведь самой-то сути, подоплеки-то всего этого он не видит и не знает. А тут еще этот бульдог с его хищным взглядом, инженер Гобартон. Как он посмотрит на нас, так мороз по коже подирает, тьфу, образина!»

И возмущенный воспоминанием об инженере, честный русак ожесточенно плонул.

«С ним надо держать ухо востро. Сильно он мне не нравится, человек же, видимо, не без влияния. Помощник нашего старца, что чего-нибудь да стоит. Взор его как-то особенно блестит, когда он смотрит на Николая Андреевича. Я это хорошо заметил, когда он был во дворце в последний раз. Уж не начинает ли он видеть в нем себе соперника? А что, ведь возможно? Мой друг далеко не дурак. В своей области не уступит всякому другому. Много видел, много изучал, всем интересуется. К тому же и сам Блом к нему чувствует некоторое тяготение. Тогда все становится понятным... Ага, я разгадал тебя, толстый бульдог!..»

И, обрадованный своими выводами, Руберг прошелся по комнате.

«Не устроил бы он ему какую пакость. Надо будет предупредить инженера. А впрочем, что предупреждать. Еще взмолнется, тогда и с ним горе, способен наделать глупостей. Лучше сам буду следить за всем, особенно за моими спутниками, чтобы им не приключилось какой беды. Впрочем, птенцу ничего не грозит, а если какая опасность и угрожает, так разве лишь со стороны m-lle Софи... Ну и пусть его... Впрочем, вот он и сам, легок на помине».

II.

Тайна телеграфа

Действительно, в комнату не вошел, а ворвался студент.

— Федор Григорьевич, там прибыл м-р Блом с инженером. Они хотят ехать на станцию беспроволочного телеграфа и ждут вас в гостиной! — выпалил он сразу.

— Ну, подождут еще, если надо, а то и без меня уедут. Этот телеграф теперь мне ни чуточки не интересен.

— Как же не интересен, подумайте, доктор, сколько стремились, какие трудности преодолели!...

— Трудности, трудности, — передразнил доктор, — не бось, вы тоже теперь преодолеваете трудности? а?..

Юноша смешался и покраснел.

— Не краснейте, не надо. Я ведь не в укор. Она, кажется, девица славная. Если бы я был помоложе, так сам составил бы вам конкуренцию! Каково?

Довольный своей штукой, доктор засмеялся.

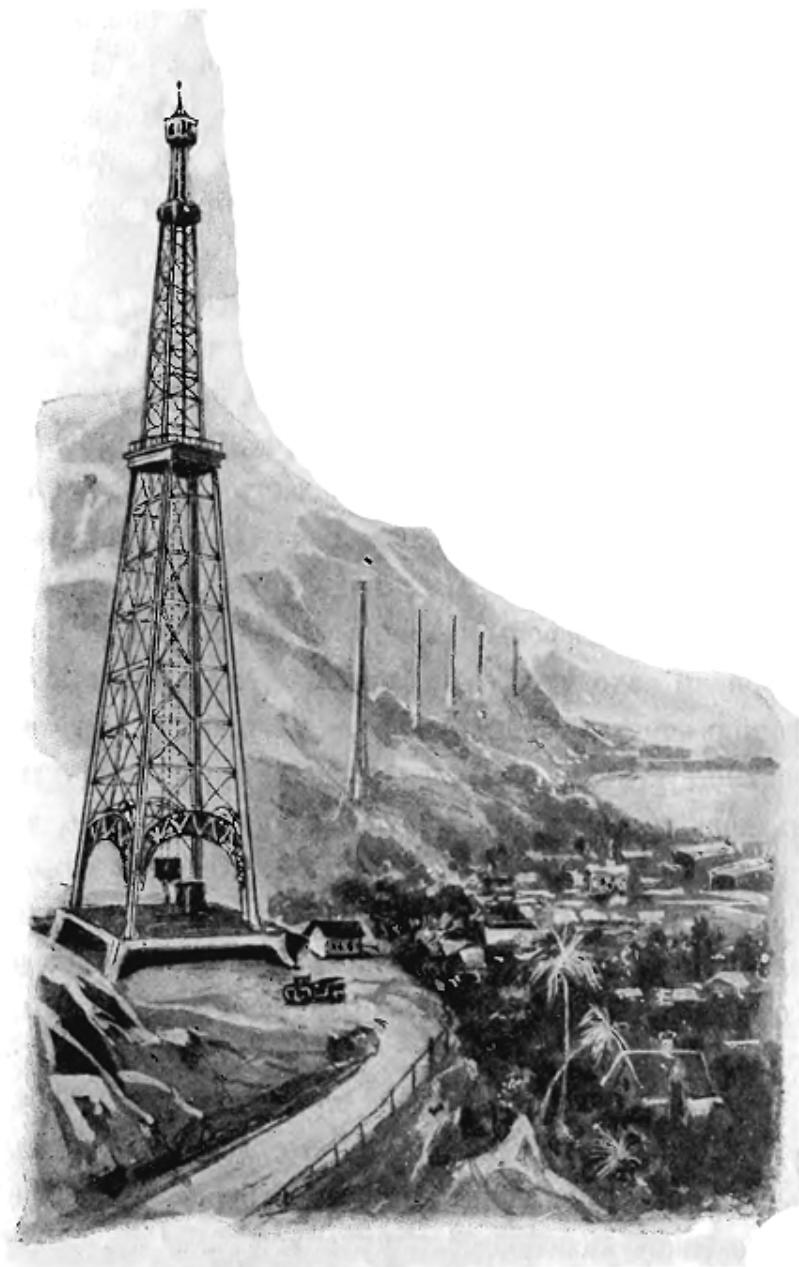
— Однако, пойдем-ка, — промолвил он.

В гостиной сидели в ожидании Блом и Березин. Они встретили Руберга упреками.

— Пожалуйте, мы ждем вас полчаса, где вы запропали?

Запоздавший извинился. Все вышли. У подъезда стоял автомобиль. Он принял пассажиров. Погода стояла чудесная. Солнце сияло, лазурная даль в ущельях и горных проходах была подернута дымкой тумана. Дыхание теплого дня шло навстречу мотору, уносившему пассажиров все дальше и дальше к снеговому покрову горных вершин, тонувших в холодных поднебесьях.

Хотелось остановки, чтобы насладиться чудным видом окрестностей, покрытых зелеными деревьями, чтобы прислушаться к рокоту немолчных ручьев, рассыпавшихся жемчужинами под радостными солнечными лучами. В воздухе

носились, блестя крылышками, разноцветные мухи и бабочки.

Путь шел вверх и становился все круче. Автомобиль пополз вперед, еле дыша. Внизу, далеко, неожиданно развернулась чудная панорама: окутанная прозрачной дымкой виднелась часть Бломгоуза — зелень садов, синева озера и шахматы кварталов. Автомобиль, пробежав широкий круг, повернул направо, и русские ахнули от восторга.

Впереди на каменистой горе находилась странная четырехсторонняя башня, вышиной около 150, а в основании до 100 метров. Границы ее переливались и блестели на солнце, как чешуя гигантского змея. При ближайшем рассмотрении оказалось, что эта четырехгранная пирамида состоит из четырех отдельных башен, между которыми вертикально к земле натянуты блестящие, словно серебряные, проволоки.

— Какое гигантское сооружение, — заметил Березин. — Лишь такая станция и способна давать волны той необычайной длины, о которой говорите вы, м-р Блом.

— Да, мы сносимся непосредственно со старой Англией, где имеется приемная станция. Мое небольшое приспособление, — Блом при этом указал рукой на ряд высоких башнеобразных столбов, идущих к северо-западу, — дает возможность знать тайну сношений только нам, минуя нежелательных посредников в виде других телеграфных станций Европы и Азии. Большая высота, на которой мы находимся, — не забывайте, что мы на высочайших точках земного шара, — у Гималаев, — тоже содействует тому, что наши сношения трудно заметить в долинных пунктах материков Старого Света.

— Года четыре тому назад, — заговорил инженер, — беспроволочные телеграфы Европы были удивлены получением отрывочных депеш странного содержания. Очевидно, это были ваши телеграммы, попавшие не по адресу?

— В них говорилось что-то о грузах, об удаче, о приступлении к чему-то, должно быть, к работам, — поспешил сказать Руберг. — Вообще было много неясностей и туманностей.

— А не говорилось, к каким работам? — чуть заметно дрогнувшим голосом спросил Блом.

— Нет, не говорилось, — ответил доктор, состроив самую невинную физиономию, какую только мог.

— Мне бы хотелось знать, как действует беспроволочный телеграф, — заявил студент. — Я совершенно не в курсе дела. Какие такие волны и куда они идут?

— Постараюсь объяснить вам в двух словах, — ответил ученый. — Электрическая волна, как и всякая другая, будь то световая, звуковая или иная какая-нибудь, способна передаваться в пространство. В звуковых волнах можно усилить звук посредством правильного резонанса. Издающий звук камертон может вызвать колебательные движения в другом камертоне, если он настроен в один тон с первым. Так и электрические токи способны через пространство вызывать в проводнике на расстоянии колебания, которые соответствовали бы их собственным. Ученый Герц открыл, что электрические лучи не могут проникать через металлические проводники, а отражаются от них. Если поставить друг против друга параболические зеркала, то исходящие из разрядов проводника лучи отразятся на кривой поверхности металла и устремятся в другое зеркало, которое собирает их, посредством отражения, в своем фокусе. Если теперь в этот фокус поместить стеклянную трубку с железными опилками (когерер), а от нее проводник к электрическому звонку, то он начнет звонить. Следовательно, лучи из первого зеркала возбуждают электрические токи в проводнике к звонку. Но если в это время между зеркалами поместить металлическую пластинку, явление прекращается. Убирая и помещая такую пластинку, можно достигнуть различных промежутков в возбуждениях тока в стеклянной трубочке. Опыты заставляют нас предположить, что тела могут действовать друг на друга на любом расстоянии. Этим воспользовались для телеграфа и целый ряд исследователей, как Маркони, Браун, Арко, стали отделять проводники и зеркала друг от друга все большим и большим расстоянием. Здесь вы видите одну из станций беспроволоч-

ного телеграфа, развивающего такую мощность герцевских волн, что они в состоянии обежать кругом всю землю.

— Это поистине удивительное открытие человеческого ума, — заметил доктор. — А не будет нескромным спросить, м-р Блом, для каких известий предназначается ваш телеграф? Разве ваши сведения так важны для Англии, чтобы для них явилась нужда в создании такого сооружения, как это? — кивнул Руберг головой на башню.

— Не только важны, а даже необходимы для ее спокойного существования и будущего процветания, — просто сказал м-р Блом. — Господа, мы теперь одни и это подходящий случай выяснить наши обоюдные отношения. Вы — мои пленники на честное слово. Но за время вашего краткого пребывания вы мне понравились своей энергией и благородством, чем могут похвалиться в наш век очень немногие. Вы же, любезный Березин, — обратился он к Николаю Андреевичу, — в своей области проявляете столько любознательности и знания, что из вас в конце концов должен выйти замечательный человек. Итак, надеясь на ваше честное слово, я думаю, что вы не станете разглашать тайн Бломгоуза, если бы даже и вышли из него («гм... это мы еще посмотрим», — подумал про себя Руберг). Мне нечего скрываться перед вами. Господа! Бломгоуз настолько важен для Англии, нашей старой Англии, что, в случае неуспехов его научных изысканий, это может изменить политическую карту Европы. Известно ли вам, что Британия в течение многих веков справедливо считалась владычицей морей? Она во все времена старалась ослаблять значение тех держав, которые могли быть опасными для английского господства на море. И вот сейчас у нее есть противник, враг серьезный и опасный — Германия. Постоянный рост ее морских сил заставляет даже таких знатоков, как адмирал Бэрсфорд, думать, что британскому могуществу на море настает конец. Постоянная опасность нападения Германии на Англию создает в обществе тревожное настроение. Когда-то английское правительство заботилось о поддержании престижа своего военного флота во всех морях, омывающих берега всего мира.

Теперь эскадры, которые защищали английские интересы во всех частях мира, или удалены, или значительно сокращены. Английские морские силы сконцентрированы в водах метрополии. Шесть из тринадцати морских баз, которые были у Англии в различных морях земного шара, потеряли все свое значение. Гарнизоны остальных семи морских баз уменьшены, вооружения их сокращены. Флоты крейсеров, назначение которых состояло в том, чтобы защищать торговлю, значительно уменьшены. Вместо шестидесяти осталось только двадцать, которые не могут гарантировать достаточной безопасности торговли. Тот факт, что для увеличения сил в водах метрополии Англия должна была отозвать все эскадры, которые были у нее за границей, и оставить без достаточных сил важные пункты Средиземного моря, показывает, что морская политика не сумела гарантировать защиту империи при наличных средствах.

Но Англия с ее торговлей, с ее высокоразвитой промышленностью не может, не должна отказаться от своего господства на море, не подвергнув страну тяжелой опасности. Однако, вооружение морских сил, постройка новых и новых дредноутов поглотили и поглощают сотни миллионов фунтов стерлингов. В конце концов нация не в состоянии будет переносить тяжесть военных вооружений. Но общественное мнение Англии не может примириться с ролью второй морской державы. Необходимо было всеми силами отстаивать свое первенство в мировом концерте. И вот, по мысли покойного короля Эдуарда, — при упоминании имени монарха м-р Блом снял шляпу, — возник Бломгоуз...

— Чем же может помочь Бломгоуз морскому могуществу Англии?.. — воскликнул доктор, внимательно слушавший речь ученого.

— Указанием новых путей в военной защите и нападении. Мы здесь вырабатываем новые военные вооружения, производим, совершенно скрыто от глаз всего света, опыты. И то, что оказывается пригодным, немедленно вводится в Англии. Соблюдение строжайшей тайны необходимо,

иначе все, через шпионов, станет достоянием других держав.

— Да, — задумчиво произнес инженер, — и тайна свято хранилась до сих пор?

— Скажите лучше: продолжает храниться, м-р Березин, так как вы с товарищами в счет идти не можете.

— И вы достигли многоного в смысле улучшения техники защиты и нападения?

— Вы сами удивлялись нашим средствам,— ответил м-р Блом, намекая на рухнувшую гору и разрушенный столб.

Русские всецело отдались своим мыслям, порожденным грандиозными замыслами ученого. У доктора Руберга, как и у прочих, мысли были не из веселых.

— Скажите, м-р Блом, — спросил инженер, когда все сидели уже в автомобиле во время спуска с горы, — как вы попали сюда? — и он указал рукой на окрестности. — Как удалось проникнуть сюда через неприступные горы, черные пропасти, непроходимые дебри, снежные вершины?

— Со стороны Индии эта часть уже не так неприступна, как с севера, — ответил с обычным спокойствием м-р Блом. — Но она становится, все-таки, недоступной для человеческого взора. Я избрал эту местность, как удобнейшую и наиболее отвечающую нашим целям. Кроме того, суеверные индузы, если бы они забрались глубоко в горы и случайно увидели бы одно из моих сооружений, не осмелились бы выдать тайны, так как приняли бы все за чудесный мираж, не более.

— Так эта замечательная местность избрана вами, доктор? — спросил Березин.

— Мною. Я тоже, несмотря на свои годы, участвовал в 1904 году в военной экспедиции полковника Ионгхэсбанда в Тибет. Уж и тогда ближайшей моей задачей было осмотреть подходящую для города местность.

— Так Бломгоуз основан уже давно?

— Именно не так давно, как вы полагаете. Всего четыре года. Мы думали, что город с удобством можно было бы устроить где-либо поближе к Пенджабу (Пятиречье). Для этой цели исследовались предгорья Гималаев между реками

Индом и Сетледжем, но они оказались непригодными, так как туда случайно могли заглянуть и европейцы. Потому-то было решено идти дальше на север. Место было найдено. Это и есть долины Бломгоуза.

— Каким же образом вы могли доставить сюда людей, материалы и запасы? Пространство между Бломгоузом и Пятиречьем все же огромно и для караванов недоступно.

— Вы правы. Сначала было трудно. Но расстояние от Пенджаба уже не так велико, если принять во внимание, что Бломгоуз находится как раз против большой излучины Инда к северу. По Инду можно подняться до этого места, а от него около сотни миль до Бломгоуза. Кстати, вот и он снова пред нами, — закончил м-р Блом свои объяснения.

Действительно, приближались к городу. Через минуту автомобиль стоял у подъезда.

III.

Заговор обитательниц Бломгоуза

В одной из роскошно обставленных комнат дворца находились две молодые девушки, мисс Кэт и ее неразлучная подруга m-lle Софи. Кэт стояла у окна и задумчиво глядела в сад.

— И я уж давно замечаю, — говорила Софи, продолжая начатый разговор, — что ты сделалась задумчивой и грустной. Мне кажется, я открыла причину твоей грусти.

— Не говори, не говори! — живо обернулась Кэт к своей компаньонке: — знаю, что скажешь какую-нибудь глупость.

— Глупость? Зачем непременно глупость? Можно сказать и умную вещь. Что же тут странного или невозможного, что ты...

— Замолчишь ли, несносная! — воскликнула англичанка, подбегая к Софи и зажимая ей рот рукой.

— Ну, не сердись, милая, больше не буду. Да не буду же, — говорила Софи, видя, что подруга снова намеревается сделать ее безгласной. — Право, с тех пор, как сюда прибыли русские, ты сама сделалась невозможна капризной: то разговаривай с тобой только о русских, то не говори ни слова, не знаешь, что и делать. Но я все-таки довольна: они внесли большую перемену в наше монотонное существование, за это я им благодарна. Вообще мне все прибывшие очень нравятся, особенно этот доктор, он такой веселый.

— Милая Софи, — заметила Кэт, не удержавшись от желания подразнить француженку, — ты, должно быть, ошиблась: хотела сказать не доктор, а студент.

— Ну что же, — спокойно согласилась Софи, — пусть будет студент. Он тоже веселый и хороший. Даже Биби его полюбила и теперь все с ним играет. Помнишь, как она прыгнула ему на плечо в тот вечер? Какая у него была тогда забавная физиономия, смущенная!..

И француженка весело засмеялась, вспомнив случай с обезьянкой.

— Как ты можешь так смеяться? — томным голосом промолвила белокурая красавица с легкой гримасой досады. — Ты и с ним весела и беспечна.

— А почему бы нам не смеяться, если нам очень весело. Он очень хорошо говорит о своих приключениях в горах, а иногда рассказывает такие истории, что нельзя не смеяться. Да и когда я его вижу, мне всегда становится весело. Потом, он так забавно говорит французские слова, что просто прелесть. Мне иногда почему-то кажется, что он должен быть моим братом.

— Уж не мужем ли, Софи? — с улыбкой заметила Кэт. — Уж сознайся, что он тебе нравится; ты его любишь?

— Конечно люблю; — смело тряхнула волосами француженка, — побольше, чем ты своего инженера...

— Ax, что ты! — воскликнула внучка м-ра Блома, покрывшись румянцем до корня волос. — Зачем ты так говоришь, когда знаешь, моя рука отдана другому?..

— Это пузатому-то помощнику? Нашла клад! Старый, глаза навыкате. Фи, какой противный! Тогда как у мистера Березина одни глаза чего стоят: темные, глубокие. Да я бы за такие глаза все отдала, если бы не мой Жан, — высказала горячая француженка.

— Ты, Софи, прекрасно знаешь, что я не по своей воле отдала руку Гобартону. Зачем же ты меня мучаешь? О, если бы не дедушка, — с тоской вымолвила несчастная девушка, терзаемая разнообразнейшей борьбой чувств.

— Прости меня, дорогая Кэт, — мягким голосом, в котором сквозило непритворное участие, обратилась к ней Софи, — я тебя очень огорчила. Но это потому, что я тебя люблю, а старого Гобартона терпеть не могу. Глаза у него, как у степного волка.

— Я не сержусь, но мне тяжело. Ты, моя сестра, знаешь почему, — тихо проговорила Кэт, застенчиво взглянув на подругу.

— Еще бы не знать, — проговорила бойкая француженка. — Не буду, не буду! — закричала она со смехом, видя, что Кэт опять покраснела и отвернулась.

И Софи, обняв подругу, покрыла ее лицо поцелуями, а потом принялась утешать ее, как могла.

— Не печалься, дорогая. С кем не бывает несчастий? А твое поправимо. Не из таких бед выходят целыми. Времени много. Мы что-нибудь придумаем до той поры. Если сама не придумаю, так мне Жан поможет. Надо только узнати мнение русского инженера, что он думает о тебе. Я уже спрашивалась. Все они холостые. Даже Руберг и тот не женатый. Эх, жаль, что у нас нет здесь еще какой-нибудь знакомой подруги. Я обязательно женила бы на ней доктора.

— Хорошо тебе так говорить, когда ты свободна, ни от кого не зависишь. Что захочешь, то и делаешь. Ты всегда была самостоятельна. Еще девочкой бегала в Лондоне куда хотела. А я? обязательно должна считаться с дедушкой, с его желаниями. Ах, если бы был жив папа!

— Милая Кэт, ты такая же сирота, как и я. Твой дед тебя меньше любит, чем свою науку. Ради чего он затащил нас в это гнездо, где ничего нет, кроме гор и куска неба? Мог бы оставить нас в Париже, где мы жили в последнее время. Я полагаю, что теперь ты ему ничем не обязана. Да ты и должна бороться за свое счастье.

— Ты думаешь, это возможно?

— И еще как возможно-то, дорогая Кэт. Не я буду, если мы не перехитрим этого толстого Гобартона.

— Милая Софи! — радостно воскликнула Кэт.

— Заключим же союз: бороться не на жизнь, а на смерть!

— Идет, — храбро заговорила Кэт. — Союз оборонительный и наступательный.

Подруги поцеловались.

— Я начну завтра же действовать, — сказала Софи.

— А я тебе помогать во всем, — заключила ее подруга.

В эту минуту постучали в дверь.

Вошел Горнов. Увидев его, француженка бросилась на встречу с радостным возгласом:

— Вот и вы. Вас-то мне и надо!

— Очень рад служить вам, m-elle, — галантно произнес молодой человек, — и вам, мисс, — поклонился он в сторону Кэт.

— Пожалуйста, без церемоний, — шутливо заметила ему Софи. — У нас будет очень важный разговор. Но сначала садитесь и рассказывайте, где вы были и что видели?

— Да, да, — оживленно подтвердила Кэт, — рассказывайте, что делали?

— Были мы, все трое, в центральном корпусе м-ра Блома. Делать ничего не делали, а лишь слушали, что нам рассказывал м-р Блом. О, он великий ученый!

— Подите вы прочь с этой ученостью, — стараясь казаться сердитой, проговорила француженка, — она нам еще до вас надоела. Если вы опять видели какие-нибудь научные затеи, лучше замолчите и слушайте меня.

— С большим удовольствием, m-elle, я готов вас слушать хоть два дня подряд.

— Без глупостей. Слушайте, вникайте, разбирайте и дайте нам дельный совет.

Тайное совещание началось. К какому заключению пришли участники совещания, читатель узнает из дальнейшего рассказа.

IV.

Невидимый — ученик Фарадэя

В этот день, когда в отсутствие м-ра Блома его воспитанницы решили устроить маленький заговор, трое русских, как верно сказал студент, вновь посетили центральный рабочий корпус Бломгоуза, где они несколько недель тому назад познакомились с его руководителем.

На этот раз они не видали востроглазого Гобартона. Их встретил маленький живой англичанин с веселым лицом, мистер Вилькинс. Он поклонился им, как старым знакомым.

Проводив русских до кабинета м-ра Блома, Вилькинс куда-то исчез. Старый англичанин принял всех очень милостиво. Прежде всего спросил Николая Андреевича, не желает ли он взять на себя руководство работами в одном из отделов Бломгоуза, на что последний ответил, что он сочтет удовольствием работать под одной кровлей с таким замечательным человеком, как мистер Блом.

Видимо, ученый был обрадован получением столь быстрого согласия инженера и сказал, будто он впервые видит человека с подобными знаниями. Спутники инженера тоже удостоились получить от м-ра Блома несколько комплиментов по своему адресу, впрочем, ничем не заслуженных.

Старый ученый, пригласив русских следовать за собою, подошел к правой стене большого приемного зала и нажал рукой одно из рельефных стенных украшений. Часть стены отодвинулась, образовав отверстие, достаточное для прохода одного человека. М-р Блом знаком пригласил следовать за собою.

Русские очутились в полутемной, круглой комнате. Средину ее занимала зиявшая впадина. М-р Блом, закрыв вход, повернул незаметную кнопку в темной части помещения. Через минуту в круглом отверстии что-то тускло мелькнуло. Показались какие-то переплеты и перед взорами русских предстали медные перила, окаймлявшие уходящую в глубь винтовую лестницу.

— Господа, — сказал ученый, спускаясь по лестнице, вдруг осветившейся бледным светом, — я намерен показать вам то, что живит, греет, одухотворяет и кормит Бломгоуз. Следуйте за мной.

Глубина лестницы была около пяти сажен. С последней ступенькой шедшие увидели коридор, замыкавшийся гладкой белой стеной. Старик направился к ней и открыл ее одному ему известным способом. У путников вырвалось невольное восклицание удивления.

Перед ними находилась обширная зала, белые стены которой уходили ввысь на десяток сажен. Лившийся в несколько ярусов окон дневной свет давал возможность с отчетливостью видеть ее внутренность.

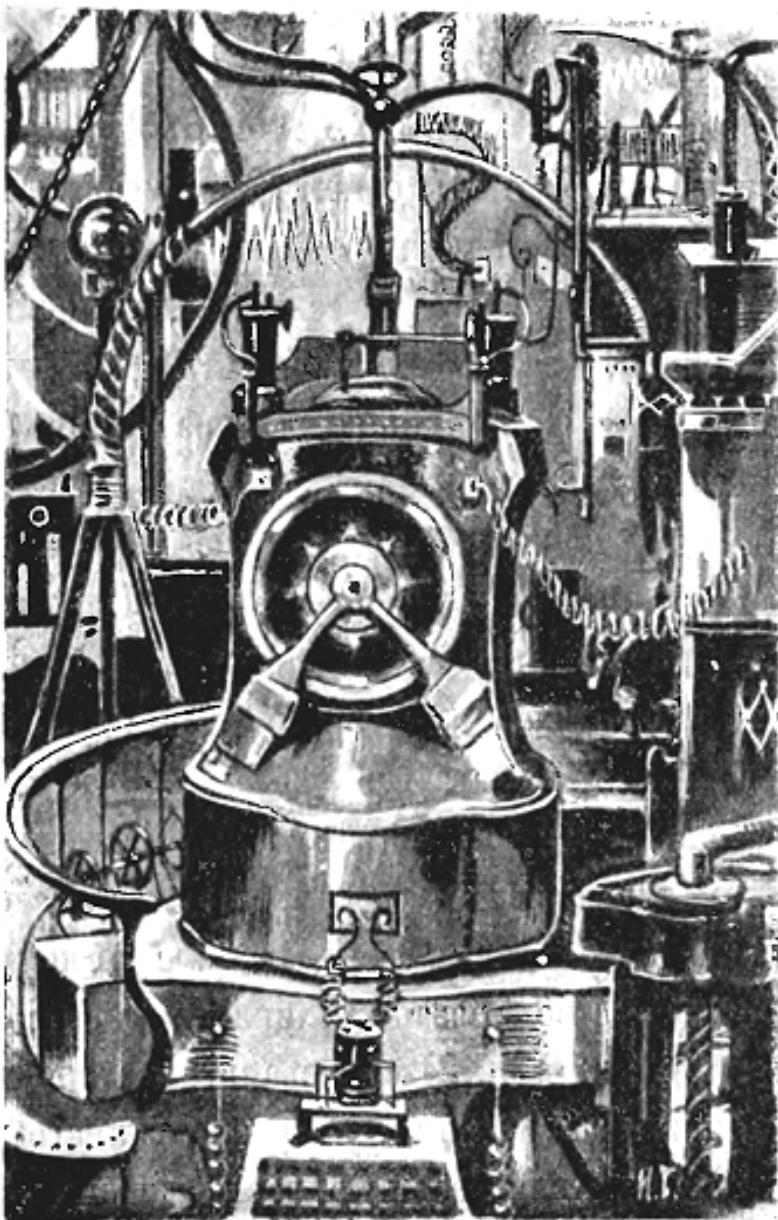
С гранитных фундаментов поднимались к потолку титанические сооружения. Необыкновенные сочетания блестящих рычагов двигались с неуловимой быстротой, стройно и бесшумно. Гигантские спирали, блестя медью, как змеи, извивались в горизонтальном направлении. Середину помещения занимало сооружение, подобное колесу. Это не было настоящее колесо, но имело с ним отдаленное сходство. В массе металла была сделана выемка в виде окружности, футов тридцати в диаметре. Центр ее занимал вертящийся вал с толстыми спицами из белого и желтого металлов. Верхние концы спиц не были соединены между собой ободом. Но каждой спице на внутренней части окружности соответствовал кусок металла, двигавшийся в ту же сторону, что и спицы. Между последними и спицами вала не существовало осязательной связи, между тем куски скользили по окружности с быстротой, еле уловимой глазом.

От центрального механизма во все стороны мерно выбрасывались, через определенные промежутки времени, блестящие пружины, состоящие из соединенных, как ножницы, коленчатых рычагов. Вид этих сверкающих в своей неустанной беготне стальных машин слепил глаза и затемнял разум.

— Видите ли вы, господа, — сказал доктор, отойдя в сторону на возвышение, — какая сила приводит их в движение?

— Это какое-то *perpetuum mobile* (вечное движение), — ответил инженер, с трудом отрываясь от созерцания невиданной картины.

— Вы чуть не угадали, любезный Березин, — но «вечного движения» нет и не может быть. Однако, машины, что вы видите — единственные во всем мире. И только я, — с понятной гордостью сказал ученый, — открыл секрет, над которым много веков думают лучшие умы человечества. Что

не удалось открыть Эдисону, то удалось открыть и даже привести в действие мне, ученику Фарадэя.

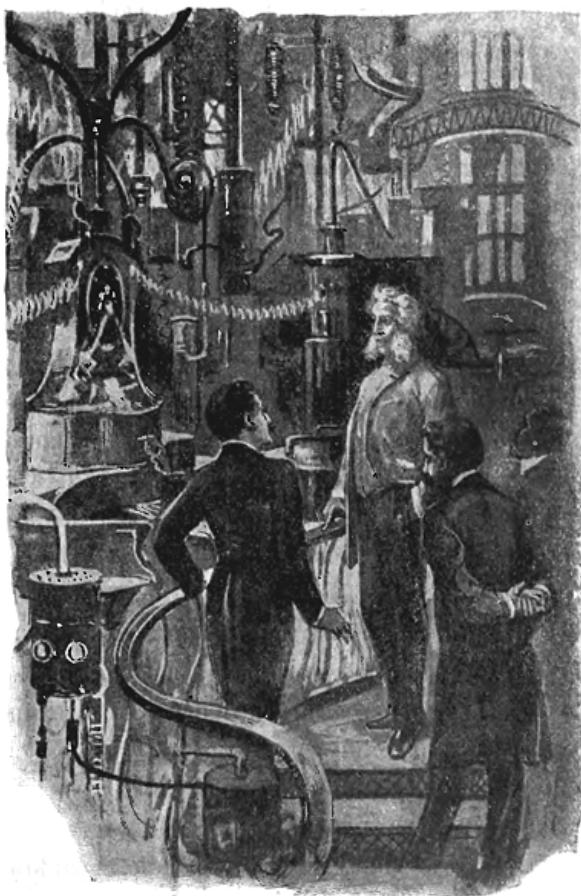
— Вы!.. вы ученик Фарадэя, великого «отца электричества»! — вскричал инженер голосом, исходящим из глубины души. — О!.. я тогда не удивляюсь виденным чудесам науки, я преклоняюсь перед вашим гением, как преклонился бы перед гением самого Фарадэя...

И инженер действительно был готов упасть на колени перед ученым. А м-р Блом, как Прометей с небесным огнем в руках, стоял недвижно на возвышении среди покорных ему механизмов, и в этот момент, будучи освещен лучами солнца, казался не простым смертным, а сверхчеловеком с лицом титана, способным перевернуть мир.

Читателю, может быть, покажется странным, что одно упоминание имени Фарадэя могло произвести такое влияние на инженера, в обыкновенное время столь хладнокровного и рассудительного и не склонного поддаваться экстазу. Но нужно заметить, что Фарадэй наравне с Эдисоном и Араго был одним из самых замечательных мужей прошлого века. Именно ему, а не кому другому, человечество обязано великими открытиями в области электрохимии. Исследования электромагнетизма и так называемого индуктированного электричества поглотили большую часть жизни Фарадэя. Еще мальчиком он интересовался химией и физикой. Верность этим наукам он сохранил навсегда и из целой плеяды ученых того времени выдвинулся огромными открытиями, давшими человеку новое орудие в борьбе за существование: неизведенную до 1840-х годов новую силу — индуктированное электричество. На пользовании его покоится весь прогресс современной электротехники. Только открытия Фарадэя дали возможность человеку превратить электричество в своего слугу.

Телеграфы, телефоны, электрическая железная дорога, электрическое освещение, передача силы на расстояние — все это сделалось возможным только после открытий Фарадэя, после приложения индуктированных токов, дающих тепло, свет и движущую силу. Обрисовать значение «отца физиков» для своего века довольно легко. До Фарадэя элек-

тричество было лишь ученой забавой, после него — сделалось новой, огромной отраслью науки. Фарадэй, прожив 77 лет, скончался в 1867 году, сделав в своей жизни больше, чем кто-либо другой.

Фарадэй был велик в своих опытах, и видеть его ученика, как это случилось с русскими, для всякого, интересующегося прогрессом техники, значило видеть частицу его самого.

Минутное молчание было прервано голосом размягчившегося м-ра Блома:

— Мой великий учитель дал много заветов: один из них тот, что наука, прежде всего, должна облегчать человечество в его борьбе за существование. Хотя Фарадэй был последователь чистой науки, но я, его ученик, всю жизнь старался применять великие научные открытия на практике, чтобы извлекать из них пользу для людей.

— Итак, вы осуществили здесь одну из великих идей «царя физиков»? — спросил инженер.

— Нет, — ответил ученый, — нет. Эта мысль принадлежит Эдисону. Впрочем, ему принадлежит постольку, поскольку и всему нашему веку. Речь идет об утилизации энергии каменного угля без добычи его из копей. Этим вопросом в последние годы, в особенности после забастовки английских углекопов, занялись многие химики Европы, не подозревая, что я уже блестяще решил задачу и применил свое открытие на практике.

— Так вы пользуетесь для своих машин каменноугольным газом?

— Вы говорите о метане? Каменноугольным газом в Германии и Америке уже живут целые города, фабрики и заводы. Нет, мое открытие гораздо глубже и важнее, чем получение каменноугольного газа. Известно ли вам, что топливо, хотя бы каменный уголь, дает всего 10-15% той полезной работы, какую оно должно бы давать. Современные технические усовершенствования не в состоянии уловить всего или хотя бы половины настоящего эквивалента работы. Лишь 10-15% энергии идет на действительную работу, а 85-90% пропадают, бесследно распыляются в воздухе, превращаются в то, что профессор Ауэрбах зовет рассеянием энергии.

— Начинаю что-то припоминать, — сказал внимательно слушавший инженер. — Вы предвосхитили идею Рамзая, предполагавшего, как пишут газеты, утилизировать каменный уголь сжиганием в пластах и собирать газ в огромные центральные коллекторы, через что он думает получить 30% энергии. Да, это произведет колossalный переворот в промышленности.

— Вы подошли близко к разрешению вопроса, мистер Березин, но не разрешили его. Это удалось мне и, клянусь Всевышним, только я один знаю истинный секрет утилизации каменного угля. Надеюсь, он умрет со мной, так как я вовсе не настолько жесток, чтобы через свое открытие подвергать моих братьев, английских углекопов, голодной смерти от безработицы. Нет, я не сделаю этого! — громовым голосом заключил старый изобретатель. — Эти механизмы питаются скрытой теплотой каменного угля из огромного пласта, лежащего под нами. Подобно тому, как электрический ток передается по проволоке, так и девяносто процентов энергии каменного угля течет к моей станции по проводам, находящимся в толще каменноугольных рождений. Здесь, — указал он торжественно на машины, — вы видите станцию, дающую столько энергии, которой вполне достаточно для приведения в движение всех промышленных городов Англии.

— Как! — вскричали инженер и доктор вместе, проявляя все признаки глубокого изумления: — даже девяносто процентов?! Вы решили задачу, неразрешимую для лучших химиков нашего времени! Такое открытие ограничит с чудом!

— Воочию убеждайтесь, господа, — сказал старец, делая жест в сторону механизмов.

А машины, как огромное разбуженное чудовище, по-прежнему бесстрастно двигались, мелькая своими блестящими частями, словно панцирем. Колесо без обода вращалось с изумительной быстротой, рычаги продолжали выбрасываться и сокращаться.

— Нам пора идти, — заметил м-р Блом.

Наверх поднялись в обратном порядке. Стена сомкнулась и огромнейшая из мировых станций, силовая станция английского ученого была опять скрыта от всех нескромных взоров.

В зале остановились. Доктор Руберг, до того погруженный в свои мысли, подошел к м-ру Блому и спросил:

— Так это вами подожжен пласт каменного угля милях в тридцати отсюда?

Ученый удивленно взглянул на говорившего.

— Разве вам и это известно? Вы знаете, что верхний пласт угля, к западу отсюда, горит? Мне не было нужды его поджигать, он сам воспламенился, скажу более: это далеко не соответствует моим видам. Я бы желал видеть пласт в состоянии покоя, так как мне не надо огня для извлечения энергии, нужной моей станции. Но я желал бы знать, как вы, будучи без инструментов, без приборов, определили горимость каменноугольного пласта?

— Мы видели пламя собственными глазами, — спокойно отвечал доктор. — Из этого ада мы вышли целыми только благодаря инженеру.

Пришла очередь для м-ра Блома изумляться словам доктора. Он недоверчиво взглянул на трех друзей, думая в словах Руберга найти признаки хвастовства, но, увидев их благородные, решительные лица, предположил, что они подверглись под влиянием невиданных вещей внезапному сумасшествию.

Однако, доля правды в первых словах доктора заставила его отвергнуть и это предположение.

— Вы меня мистифицируете, — проговорил м-р Блом.
— Нельзя поверить, чтобы человек мог пробраться в самое пекло, где и сатане будет жарко. Я, поверьте, глубоко ценю вашу неустранимость, ваши способности выпутываться из сложных положений, но... видеть собственными глазами пожар каменноугольного пласта — это, как хотите, превосходит всякую долю вероятности.

— Между тем, это — факт, не подлежащий сомнению, так как перед вами трое очевидцев, — начал Березин. — Мы вас можем уверить, только заставив выслушать наш рассказ.

— Жду с нетерпением, — объявил ученый, приглашая всех садиться.

Инженер начал с того, как случайно убитая саксаульная сойка дала пищу их размышлению, со всеми подробностями передал путешествие по гроту с воздушной тягой, рассказал о гибели проводника, о виденной им страшной и величественной картине пожара огромной подзем-

ной пещеры и о вынесенных из этого кошмара впечатлениях.

Старый профессор с величайшим вниманием следил за рассказом, вглядываясь в изменявшиеся лица друзей, переживавших теперь еще раз весь ужас пребывания в пещере. Он уже не сомневался в правдивости их слов. Да, эти русские — великие герои, способные идти безрассудно на самую глубочайшую опасность. Такие люди редки, их необходимо беречь, как зеницу ока!..

— Господа, вы проявили редчайшее мужество и хладнокровие в смертельной опасности, — заговорил ученый, — что делает вам честь. Я же очень рад, что судьба столкнула меня с такими людьми, как вы. Прошу извинить мое вполне понятное при данных условиях сомнение. Усомниться мог бы всякий, а не только я, заядлый скептик.

Ученый с чувством крепко пожал руки трех друзей.

«Гм... — думал про себя доктор Руберг, — этот старец начинает мне нравиться все больше и больше. Несмотря на гениальность и кладезь всякой учености, он понимает людей». После такого рассуждения холостяк успокоился.

— Я не стану вас задерживать, — заявил м-р Блом, — попрошу остаться со мной только м-ра Березина.

Руберг и Горнов вышли, простиившись с Бломом, а он вместе с инженером перешел в свой кабинет и здесь изложил перед ним свою теорию извлечения рабочей силы для центральной станции, заключив ее словами:

— Секрет должен остаться похороненным навсегда. Но я уже стар и не могу, вследствие многосложных обязанностей по управлению Бломгоузом и производству опытов, постоянно следить за станцией. Среди моих инженеров, к величайшему сожалению, нет ни одного, который бы любил науку ради науки, а не ради карьеры и обогащения. Таким лицам я не могу доверить тайны управления станцией. Увидев вас, я подумал: вот человек, который мне нужен и которого посыпает мне судьба. Я питаю надежду, что вы, любезный Березин, согласитесь заменить меня в руководстве механизмами станции.

Совершенно сбитый с толку этим неожиданным предложением, Николай Андреевич выразил свое согласие. В беседе с преемником «царя физиков» его слух поразился одной фразой. Эта фраза, заключавшаяся в словах: «обязанности по управлению Бломгоузом», напомниала Березиу их допрос невидимым и он тотчас решил потребовать от м-ра Блома объяснений.

— Позвольте, — сказал он, — задать вам один вопрос: если вы, кроме руководительства техническими приемами, несете еще обязанности управителя Бломгоуза, то что же тогда остается делать невидимому, тому, что нас допрашивал по прибытии сюда?

Старый ученый чуть заметно улыбнулся.

— Надеюсь, вы простите меня за маленькую мистификацию. Единственным хозяином и вершителем судеб Бломгоуза являюсь я, доктор Блом. Я не мог поручить никому такого важного дела, как допрос иностранцев, но не мог и показать вам своего лица, не зная вас совершенно.

Инженер понял, что его подозрения о том, что Блом и невидимый допросчик — одно и то же лицо, оправдались. Больше ему ничего не было нужно.

— Итак, я могу надеяться на вас, как на моего помощника? — задал на прощание вопрос м-р Блом.

— Вполне можете рассчитывать на мою преданность интересам науки, — серьезно ответил инженер.

V.

Несчастье

К дворцу мистера Блома прилегал чудный сад, насаждения которого уходили вверх по склону горы. Природа не пожалела своих красок, чтобы сделать его живописным.

Густолиственные зонтичные пальмы перемешивались с зелеными рододендрами. Хинные деревья сменялись не дающими тени эвкалиптами. Лианы и подобные им чужеядные растения обвивались вокруг стволов, создавая чудный узор для глаз. Часть сада не имела дорожек, была запущена. И там-то в ясные солнечные дни многочисленное пернатое население, воссыпая хвалу Создателю жизни, наполняло сад немолчным гомоном и стрекотанием.

Среди глухой части сада показалась дородная фигура доктора Руберга. Он был не один, а с своим учеником, Горновым. Озабоченное лицо последнего показывало, что друзья говорили о чем-то серьезном.

На самом деле они наедине, не боясь быть услышанными, обсуждали вопрос большой важности: как спасти мисс Кэт от несносного жениха, а инженера уберечь от мести Гобартона?

Доктору только что сделалось известным семейное положение м-ра Блома. Он раньше знал, что старый ученый являлся единственным распорядителем всего промышленного городка; про себя полагал, что инженеру, как гостю, не должно грозить большой опасности. Но когда увидел, что все дело осложняется еще непредвиденным соперничеством из-за женщины, тогда доктор призадумался.

— Не будет добра, коли вмешались женщины, — сказал он. — И она очень страдает от мысли, что ей придется выйти замуж за этого... бульдога?.. Впрочем, что я спрашиваю, конечно, страдает. Достаточно взглянуть на его богопротивную физиономию, чтобы понять это.

— Софи утверждает, что она очень мучается, бедняжка. Она на все согласна, даже на побег из Бломгоуза, только бы избавиться от ненавистного Гобартона.

— Фьюй! — свистнул Руберг. — Про побег-то еще вилали на воде писано. Как убежишь, скроешься отсюда, когда кругом вон какие горы, — он махнул рукой на еле видневшиеся, покрытые дымкой тумана вершины. — Жаль, что мы не птицы, а людям подняться здесь трудненько...

— Постойте! Вот мысль, дорогой доктор, — воскликнул студент с таким жаром, что Руберг вполоборота взглянул

на него. — Мне Софи что-то болтала о том, будто м-р Блом имеет аэропланы или что-то в этом роде...

— Тише, — понизил голос доктор. — Деревья могут иметь уши. Вы не шутите, мой дорогой?

— Какая шутка, доктор. Я только не вслушался хоршенько, но знаю, что и мисс Кэт, и Софи летали на них.

— Э-эх, плохо, плохо, молодой человек, — с легкой укоризной заметил Руберг, — голова-то у вас занята, я вижу, более этой француженкой, чем аэропланами. Впрочем, *m-elle* Софи мне очень нравится, она деятельная особа и, кажется, не походит в этом отношении на свою подругу. Надо будет мне самому переговорить с ней.

— Очень хорошо сделаете. Она на это согласится с большим удовольствием.

Друзья с минуту помолчали.

— А вам не кажется странным, Федор Григорьевич, — начал опять студент, — что инженера до сих пор нет здесь? Ведь с полчаса, как он должен был бы прийти.

— Должен бы. Но у него теперь много дела; вероятно, м-р Блом задержал. Хотя Николай Андреевич аккуратен в своих словах и обещаниях.

— Это меня и беспокоит. Не случилось ли с ним какого-нибудь несчастья?

— С Березиным-то! Видно, вы еще мало его знаете? Это, доложу я вам, человек редкой неустранимости и присутствия духа. Чем сильнее опасность, тем он бывает хладнокровнее. Он не теряется ни в каких положениях. Впрочем, нельзя не сознаться, что в переделках, подобных настоящей, мы еще не бывали, здесь кругом такие чудеса, что и во сне не увидишь.

— Я, доктор, даже начинаю бояться всех этих научных приспособлений, которые могут двигать горами и убивать. Многое виденное нами превосходит всякое вероятие, хотя бы эта станция...

— Сказать правду, мне тоже не по нутру все здешние чудеса, — признался Руберг, — а одно так мне вовсе не нравится.

— Что?

— Да эти ихние пистолеты, могущие превратить в прах человека, или столб, или целое строение.

— Но ими вооружены только высшие агенты, исключительно инженеры. В их руках это оружие не может быть опасным.

— А в руках Гобартона?

Страшная мысль пронизала мозг Горнова.

— Вы думаете, он осмелится?

— Ничего не думаю. Только от такого человека можно всего ожидать...

Разговор оборвался, так как друзья подошли к террасе, соединявшей дворец с садом.

— Сагибы, — встретил их слуга, запыхавшийся от быстрого бега, — пожалуйте в главное управление, автомобиль ждет вас у подъезда.

— Что случилось, почему в управление? — разом спросили с беспокойством в голосе Руберг и Горнов.

— Вас туда просил сагиб Блом, — ответил слуга.

Через минуту друзья были внутри автомобиля. Он пыхнул и, зашумев, двинулся по направлению к красному дому, который они занимали по прибытии в Бломгоуз.

Доктор с понятным нетерпением ожидал появления дома с флагом. Три минуты показались ему вечностью. Наконец, экипаж остановился у каменного крыльца. Предчувствуя недоброе, русские двинулись внутрь апартаментов. Их самочувствие еще ухудшилось, когда на повороте они встретили инженера Гобартона, поклонившегося им с противной улыбкой. Рубергу показалось, что в глазах англичанина блеснул насмешливый огонек.

— Господа, — встретил их м-р Блом в дверях одной комнаты, — не тревожьтесь и не беспокойтесь за вашего товарища, он будет жив...

— Что, что с ним? — крикнули оба, отстраняя Блома и проникая в комнату.

Там, на кожаном диване, в одном белье, лежал Николай Андреевич. Лицо было иссиня-бледное, глаза закрыты, зубы крепко сжаты. Все тело подергивалось невероятной

судорогой, словно через него пропускали гальванический ток.

Доктор подбежал к распростертому Березину и приложился ухом к его груди. Сердце билось, но работало очень неравномерно. Руберг, не понимая, в чем дело, вопросительно взглянул на м-ра Блома.

— Это явление сейчас кончится, м-р Руберг, — ответил старик, и голос его дрожал от внутреннего волнения. — Я принял свои меры, и наш дорогой Николай Андреевич будет спасен.

— Чему или кому мы обязаны, — почти грубо спросил русский врач, — что находим нашего друга при смерти? — Руберг сделал ударение на слове «нашего друга».

М-р Блом с некоторым беспокойством взглянул в лицо говорившего и как будто выпрямился.

— Ваш друг получил удар радиоэлектрического луча. Удар был очень силен, но не опасен для жизни. В этом виноват, конечно, я, как руководитель Бломгоуза, но большая часть вины лежит на м-ре Березине и инженере Гобартоне.

— Гобартоне? — подпрыгнул доктор: — я тогда не удивляюсь тому, что случилось.

— Разве вы не доверяете Гобартону?

— Не имею оснований не доверять, но думаю, что без него несчастия бы не случилось.

— Могло случиться и без него. М-р Березин, не зная, конечно, того, прошел через линию сильнейшего напряжения радиоэлектрических лучей и получил заряд.

— Почему же эти опасные места не закрыты?

— Зону их действия нельзя закрыть. Это линия нашего беспроволочного трамвая.

Руберг понял все. Для него было ясно, что Гобартон подтолкнул Николая Андреевича пройти по линии напряжения тока какой-то невидимой силы.

— Я вас пригласил, доктор, — сказал ученый, — чтобы под вашим наблюдением перенести больного ко мне в дом. Смотрите, ему уже лучше.

Студент и Руберг обернулись к своему товарищу. Судороги его как будто прекратились, и на лице появился румянец, хотя глаза оставались закрытыми.

— Перенесемте его в автомобиль и доставим домой, — сказал м-р Блом. — Теперь опасаться уже нечего.

Через десять минут бесчувственный Николай Андреевич лежал в удобной постели, а около него безотлучно кошатился Руберг.

VI.

Среди тайн Бломгоуза

Болезнь приковала инженера к постели дней на десять. Руберг и Горнов в первое время не отходили от него ни на шаг, бессменно дежуря днем и ночью. Обитательницы дворца старого ученого, узнав о несчастии с Николаем Андреев-

вичем, сделали все возможное, чтобы обставить его выздоровление самыми нежными женскими заботами.

Экспансивная француженка, едва узнав о случившемся, первая влетела в комнату, несмотря на противодействие Руберга. Взглянув на больного и осведомившись у Горнова о состоянии его здоровья, она упорхнула к подруге, чтобы несколько успокоить ее разгоряченное воображение, уже рисовавшее самые ужасные картины. Как только Березину сделалось лучше настолько, что он в состоянии был открыть глаза, обе девушки явились к больному и своим участием старались облегчить его положение.

Мистер Блом в этот день и в последующие посыпал спрашиваться о здоровье своего гостя, а вечерами и сам заглядывал в комнату больного. Друзья последнего, находясь почти безотлучно у Березина, узнали от него и причину прошедшего несчастья.

Догадки доктора о том, что тут не обошлось без участия Гобартона, подтвердились. Березин вместе с ним прибыл на платформу из центральной станции. Вагон трамвая ушел дальше. Вместо того, чтобы идти кругом через платформу, Гобартон предложил пройти через рельсы трамвая. Инженер, ничего не подозревая, двинулся вперед вместе с Гобартоном, но, очевидно, последний в нужную минуту успел отступить, а в тело Березина попал целый радиоэлектрический заряд. Николай Андреевич помнил только, что его при вступлении на путь пронизали словно тысячи игл. Ощущение было похоже на сильный разряд электричества через человеческое тело. Он упал, и что было дальше, сказать не мог, так как ничего не помнил.

Впоследствии м-р Блом сознавался, что он лично был удивлен, что инженер сравнительно благополучно отделался. Старый ученый объяснял это лишь тем, что сила лучей была столь огромного напряжения и быстроты, что проходила тело человека без тех страшных потрясений организма, какие могла бы наделать, будучи не столь велика. Только от радиолучей на теле инженера остались как бы ожоги, прошедшие лишь через две недели.

В период полного выздоровления больного его комната сделалась как бы гостиной для всех обитателей дома. M-elle Софи и мисс Кэт проводили в ней целые часы, беседуя с Николаем Андреевичем о последних событиях всего мира, о литературе, — а с английской и французской литературой обе девушки выказывали недюжинное знакомство. М-р Березин, в свою очередь, рассказывал им о России, повествовал о русском житье-бытье, о русских нравах и обычаях, обо всем нашем укладе жизни, столь непохожем на жизнь европейцев Запада.

От Горнова девушки уже знали кое-что о приключении в пещере. Им хотелось выслушать этот рассказ из уст инженера, и они с затаенным дыханием, блестящими от страха за участь путешественников глазами, в десятый раз «слушали» рассказ Николая Андреевича о пребывании в «пред-

двериях ада», о страшной силе ветра и о раскаленных до-бела каменноугольных пластиах.

— Это гораздо ужаснее, чем полет на воздушном корабле, — сказала как-то мисс Кэт, выслушав повествование еще раз.

— А вам, мисс, разве приходилось совершать полеты на воздушных кораблях? — спросил инженер, смотря на белокурую красавицу глубоким взором черных глаз.

— Не раз приходилось, мистер Березин, — ответила она, — мы ежегодно два раза бываем в Лондоне, где живем по неделе и по две.

— И гуляем по паркам, посещаем театры, бываем в магазинах, — заговорила француженка. — Это самые лучшие моменты нашей жизни!

— Вы, мисс, вероятно, хотите сказать, что на воздушном снаряде вы достигаете до того пункта, откуда можно попасть кратчайшим путем в Лондон? — переспросил инженер глубоко изумленным тоном.

— Да нет же, м-р Березин, — капризным голосом заговорила Кэт, сердясь на инженера за его непонятливость. — Мы вместе с Софи летали отсюда на корабле прямо в Лондон... Дедушка имеет несколько таких кораблей.

— Инженеры их почему-то называют вовсе не кораблями, а аэро-пла-нами, — протянула шутливо Софи.

— И вы нигде не останавливались? — спросил спокойно инженер, при имени мистера Блома вспомнивший, что он имеет дело не с обычновенными людьми, а с гениальным учеником самого Фарадэя, уже приучившего его ничему не удивляться.

— Иногда останавливались, а иногда нет, прямо летели в Англию, без всяких остановок.

— Но как же вы были с провизией? И, вероятно, сильно уставали?

— Да откуда вы свалились, м-р Березин, что задаете нам такие вопросы? — засмеялась Софи. — Неужели вы не видели здешних воздушных кораблей? Там вовсе нет надобности запасать провизию в узелочках, когда к услугам пассажиров есть целая столовая...

Как ни был подготовлен Березин ко всему, но при слове столовая он невольно сделал жест удивления.

— Не верите? — спросила мисс Кэт. — Ну так я сама попрошу деда показать вам здешние воздушные экипажи. Сегодня же скажу.

— А, кстати, завтра м-р Березин может уже выходить и мы все вместе отправимся смотреть этих крылатых драконов, — оживленно закончила француженка.

Вечером того же дня м-р Блом, сидя с тремя русскими в гостиной, завел разговор о воздухоплавании.

— Кэт передавала мне, что вы очень интересуетесь воздухоплаванием, вернее, парением в воздухе, — сказал он инженеру. — Вам желательно взглянуть на имеющиеся в Бломгоузе новые типы аэропланов.

— Это наше общее желание, — за всех отвечал инженер.

— Мне крайне интересно узнать, какими аппаратами подарили вы человечество, вы — царь науки в полном смысле этого слова.

— Царь науки не всегда бывает повелителем природы, — отвечал ученый. — С большими трудами, после продолжительной подготовительной работы с такими светилами науки, как Фарадэй, Тиндалль, мне удалось кое-что изобрести, кое-что открыть. Не буду ложно стыдиться достигнутого успеха. Мое принадлежит мне. И, конечно, я не откажусь от своих изобретений, всецело клонящихся к пользе моего дорогоого отечества. Но должен сказать, что и в сфере воздухоплавания, или летания, хотя много достигнуто, но задача летания не решена окончательно.

— Однако, я слышал что-то о воздушных кораблях, совершающих такие большие рейсы, о каких человечество еще не слышало, — осторожно заметил Березин.

— Совершенно верно. Конструкция этих кораблей — больших монопланов — принадлежит мне. Но как только техника даст двигатели, подобные моим, все государства без исключения обзаведутся такими же летательными аппаратами.

— Вы все время говорите о летательных аппаратах? Нам бы хотелось знать, подразумеваете вы под ними и дири-

жабли, подобные цеппелиновскому, или только говорите о всевозможного рода аэропланах?

— Я, как и мой собрат, Робюр, герой фантазии Жюль Верна, признаю только аппараты тяжелее воздуха. Изменчивую воздушную стихию могут покорить приборы тяжелее ее. Громоздким дирижаблям, представляющим огромную площадь сопротивления ветру, это не под силу.

— Мне кажется, — начал Руберг, — что, прежде всего, аппараты тяжелее воздуха страдают отсутствием устойчивости, чего нет у дирижаблей.

— Разве вы не читали в «Times» о морских маневрах у берегов Англии* в присутствии короля Георга? — отвечал вопросом на сомнение доктора Руберга м-р Блом.

— Вы говорите о грандиозных маневрах конца апреля месяца? Я видел это известие мельком. Там еще говорится о гидропланах или морских аэропланах, — отвечал за друга инженер.

— Как раз о них я и хочу говорить. Это была всемирная проба аэропланов, изобретенных здесь, в Бломгоузе. — Да, да, в Бломгоузе, — подтвердил ученый, заметив жест удивления со стороны слушателей, собиравшихся возражать. — Строитель аэропланов — Шорт является моим учеником. Он конструктировал морские аэропланы. С тех пор, как к ним применены новые аппараты для придания устойчивости, человек сделался настоящим царем воздуха.

— Простите мое невежество, — сказал Руберг. — Это какой же аппарат для придания устойчивости, о котором вы упоминаете?

— Главный недостаток аэропланов состоял в том, что эти механические птицы были неустойчивы в воздухе, т. е. могли опрокидываться набок, несмотря на стабилизирующие поверхности. Последнее изобретение и состоит в том, чтобы придать аппарату такую же устойчивость, как и всякому другому кораблю. Для этого внизу, под крыльями, устраивается резервуар в виде цилиндра, со сжатым воздухом от 300 до 500 атмосфер. Если аппарат вследствие чего-либо

* Эти маневры происходили в мае 1912 г. в Снитхэде (*Прим. авт.*).

начинает сильно крениться в ту или иную сторону, под опускающуюся поверхность крыла дается сильная струя воздуха из резервуара, которая и поднимает опустившуюся сторону, выравнивая аэроплан.

— Это весьма остроумно, — заметил доктор. — Право, нашим соотечественникам никогда бы не додуматься до такой простой вещи.

— Напрасно обижаете своих соотечественников, мистер Руберг. Как раз не кто иной, как русский авиатор Ефимов придумал приспособление, дающее летуну возможность подняться на аэроплане без помощи других людей.

— А зачем тут нужны были люди?

— Вероятно, вы видали, что при взлете аэроплана за хвост его держатся несколько человек.

— Да, видал, на полетах в Петербурге.

— Это громадное неудобство, особенно для военных авиаторов, вынужденных подниматься со всякого места и при всяких условиях, устранило приборчиком, придуманным Ефимовым. Весь прибор для мелких аэропланов весит около двух фунтов, а при нем не нужно людской помощи.

— Следовательно, аэроплан может взлететь с любого места?

— Вот именно. Возвратимся лучше к Шорту, — сказал инженер. — Так вы считаете теперь человека царем воздуха? Это вполне возможно, когда найдена устойчивость в воздухе. В том же известии об английских маневрах было указано, что авиаторы бросали вниз с аэропланов тяжести от 8 до 15 пудов. Это самый опасный шаг для авиатора, так как облегченный аппарат всегда делает скачок вверх и может опрокинуться. Насколько мне помнится, — проговорил инженер, — Шорт обещал в ближайшем будущем сбрасывать уже не 15 пудов, а даже 60 — огромную тяжесть.

Старый ученый улыбнулся.

— Это обещание, господа, уже приведено в исполнение и на глазах у публики, которая все-таки ничего не знает.

— Как так? Где же было испытание?

— Во время тех же маневров флота. Аэропланы на самом деле сбрасывали не 8-пудовые тяжести, как было сказано газетным корреспондентами, а грузы в 60 пудов. Эта тайна не была разглашена, чтобы «не дразнить гусей», как выразился ваш талантливый баснописец.

— То есть, иностранные государства, — вставил доктор.
— Умно придумано. А вы полагаете, что международные шпионы не проникнут в эту тайну?

— Тайны, выходящие из Бломгоуза, только тогда делаются известными, когда того пожелают их владельцы, — гордо произнес м-р Блом. И в словах этого истого сына своего учителя звучало столько любви и преданности родине, что произнесенная им фраза нисколько не походила ни на напыщенную, ни на трескучую.

VII.

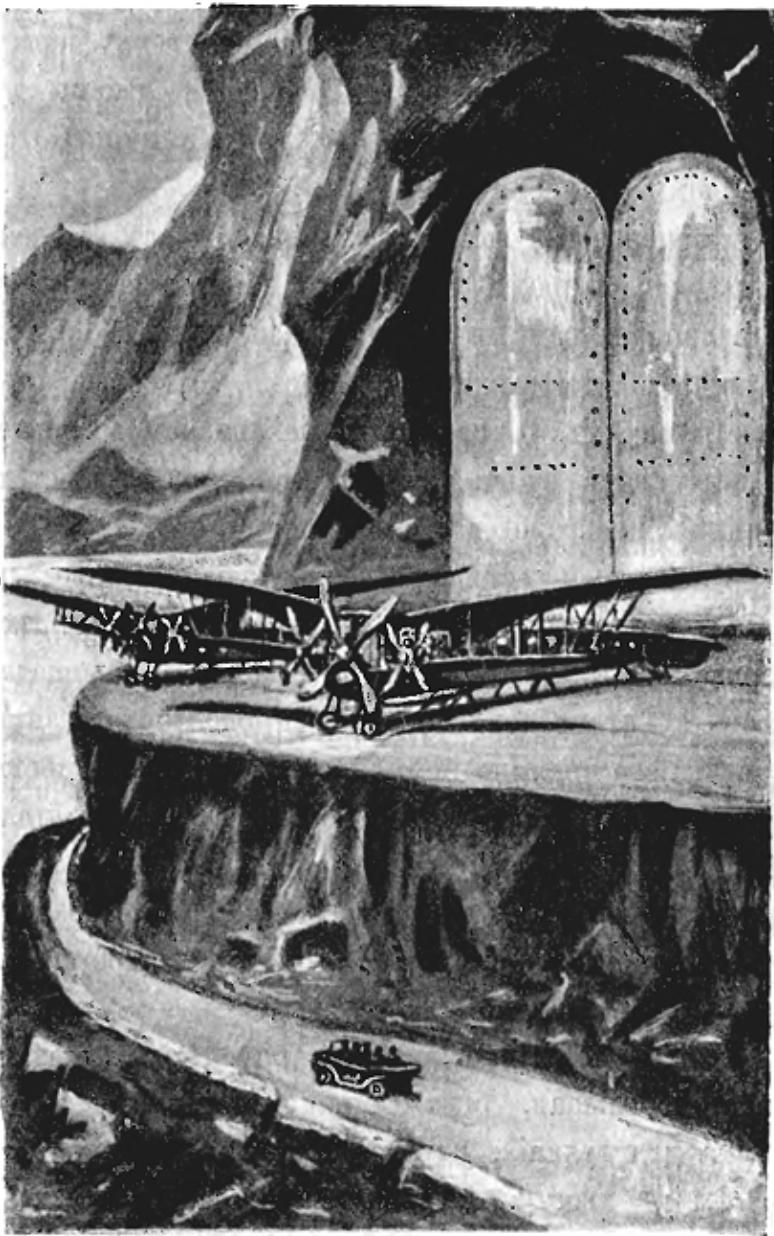
В воздухе

На следующий день наши друзья проснулись рано. Не успели они позавтракать, как слуга-индус доложил, что в гостиной их ожидает м-р Блом. Все трое поспешили одеться. М-р Блом сидел с мисс Кэт и m-elle Софи. Молодые девушки были одеты в короткие платья из серой материи, плотно охватывавшие их изящные фигурки; на ногах их красовались полуботфорты, а на головах — маленькие шапочки с перьями. В этих костюмах они походили на наездниц.

— Нас ждет автомобиль, — сказал Блом. — Идемте.

Все двинулись к выходу, а через пять минут, пролетев мимо озера, автомобиль был за пределами города.

По извилистой горной дороге экипаж взбирался вверх. Через несколько минут заслонявшие горизонт горы отошли

в стороны и образовали широкую, почти круглую долину, сажен 600 в поперечнике. Автомобиль остановился у отвесной скалистой горы.

Путешественники вышли. На большой площади, представляющей твердый уступ скалистой горы, вершина которой поднималась чуть не до облаков, находились два больших сооружения, отчасти напоминавшие распластанных огромных птиц с удлиненным телом.

Сзади этих чудовищ в гладкой скале виднелись гигантские створки из блестящего на солнце металла. По величине эти ворота могли быть только сооружением циклопов.

Эти сверкающие щиты на темном фоне скалы настолько бросались в глаза, что доктор прежде всего обратил внимание на них.

— Ангары, — ответил ученый, — лучше всего их было сделать в горе, а эти огромные двери сооружены из никелевой стали.

— А-а?! — изумленно протянул доктор в ответ.

При ближайшем рассмотрении чудовища оказались исполинских размеров монопланами, имеющими отдаленное сходство с райтовскими.

— Взойдемте внутрь, — предложил м-р Блом.

Но маленькой лестнице все общество взбралось в хвостовую часть машины, на корму. Из большой, просто, но изящно убранной каюты, служившей, по-видимому, столовой, в переднюю часть корабля вел коридор, освещавшийся сверху через стеклянные иллюминаторы. Небольшие дверцы в стенках коридора показывали, что за ними имеются еще помещения.

В передней части аэроплана, тотчас за двойным пропеллером, находилась капитанская рубка, заполненная самыми разнообразными приборами: цилиндрами, змеевиками, рычагами, буссолю, манометрами и т. п. сложными механизмами. Три передние стенки рубки состояли из толстых стеклянных перегородок.

Посетители двинулись из рубки вправо, по одному из широчайших крыльев, огражденных перилами. Пройдя две каюты, вышли на площадку и опять наткнулись на двой-

ной пропеллер-гигант. Лопасти его превышали тройной человеческий рост.

— На той стороне — то же самое, — просто стал объяснять гениальный ученый. — Через две каюты вы встретите такой же пропеллер, дающий возможность непрерывно оставаться в воздухе какое угодно время. А теперь пожалуйте сюда.

И м-р Блом открыл дверцу. Перед глазами была небольшая, огражденная перильцами платформа для гуляния, идущая под окнами кают от головы к хвосту. Спереди она была закрыта боковыми каютами, а сзади — стенками столовой. Через последнюю посетители вышли на платформу, окаймлявшую левый борт удивительной летательной машины.

— Теперь попробуем работу пропеллера, — сказал м-р Блом, направляясь вместе с гостями в капитанскую рубку. Там он нажал один из рычагов. Появившийся блестящий круг за стеклом перед глазами и жужжание винта объявили, что аппарат в исправности. Поворот — и пропеллер остановился.

— Вы, стрекозы, — обратился ученый к девушкам, — пока я буду управлять полетом, займитесь гостями и пошлите мне механика. — Господа, прошу держаться крепче. Начинаем.

Снова раздалось жужжание пропеллера, пол под ногами дрогнул. Инженер, держась за какой-то выступ, взглянул через стекло. Ровная площадка исчезла и на аппарат как-то боком, со страшной быстротой двигалась каменистая громада горы. Но в тот же момент гора начала проваливаться, словно в пропасть. Перед взорами стали расстилаться другие более отдаленные пейзажи — горные склоны и покатости, покрытые, словно щетиной, хвойным лесом.

— Скорей на палубу! — кричала француженка, схватив инженера за руку. Он взглянул на дверь: в нее выходили его друзья вместе с мисс Кэт. Кинув взор на старого ученого, сосредоточенно стоявшего в середине каюты с руками на рычагах, Березин бросился за француженкой «на палубу». Открывшийся вид был восхитителен.

Аэроплан поднимался все выше и выше, летя по спиральной линии, как ястреб, намеревающийся схватить свою добычу. Громады гор отходили вдаль, кругозор расширялся с каждой секундой. Вот под ногами еще раз мелькнул и в то же мгновение пропал каменистый выступ, который можно было узнать по оставшемуся там аэроплану. Как отсюда, с этих вершин, все мелко и ничтожно!.. Аэроплан казался не более ласточки. Прозрачный горный воздух как-то особенно скрашивал панораму дальних гребней гор, чуть-чуть мерещившихся своими белыми вершинами сквозь дымку прозрачной густевшей синевы.

— Смотрите, смотрите, — воскликнула мисс Кэт, крепко держась белыми ручками за перила,— вот виден наш Бломгоуз!

Все взглянули туда, куда она указывала. Среди бурых гребней гор ярким зеленым пятном вырисовывался неведомый миру город. Правая сторона его темнела от большого озера. Отдельных зданий различить было уже невозможно, но кварталы выделялись, как квадраты шахматной доски.

А аэроплан, словно огромная птица, плавно несся ввысь, как бы поднимаясь по винтовой лестнице. Уже пропали из глаз туманные очертания отдельных горных кряжей, пейзаж быстро менялся. Аппарат, вполне заслуживающий наименование воздушного корабля, круто повернул и направился на восток к высоким горным пикам с вечными снеговыми шапками. Европейцы были очарованы чудными картинами, ежеминутно представлявшимися их взору.

— Ну, как вам нравится мой «Левиафан»? — раздался позади них голос м-ра Блома.

— Я восхищаюсь его творцом, м-р Блом, — сердечно сказал инженер, протягивал руку ученому, которую тот с чувством пожал.

— Я никогда бы не подумал, что что-нибудь подобное может существовать на свете! — воскликнул доктор, обращаясь к старцу, а студент восторженно добавил:

— Вы, мистер Блом, настоящий, подлинный царь природы.

— Хорошо сказано, друг, — поощрил доктор студента. — И почему я не молод — я бы кувыркался и бегал от восторга. Здесь, в небесах, особенно легко дышится...

Прочувствованные слова русских тронули сердце старого ученого. Он благодарил всех за сочувственное отношение к его детищу.

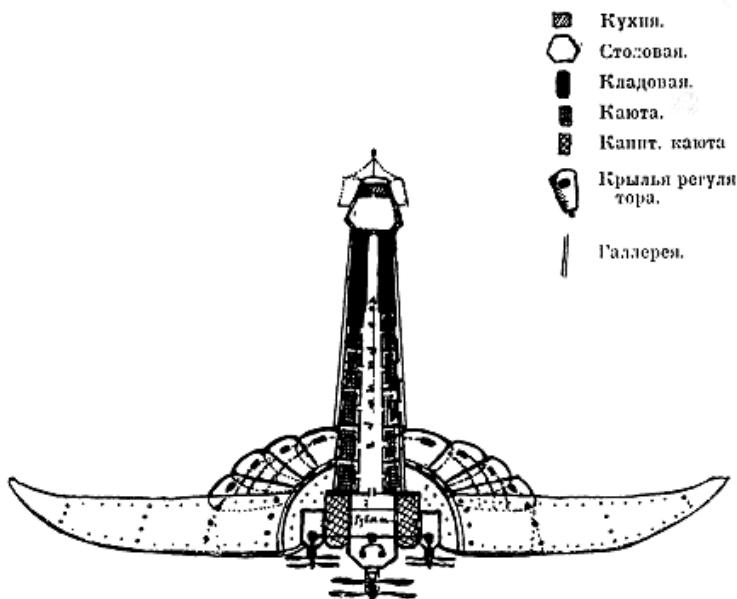
— Становится довольно свежо, господа, — сказал учений, — не пожалуете ли пока в кают-компанию?

Кают-компания и была та столовая, о которой мы уже упоминали. Широкие стеклянные окна на три стороны пропускали много света, давая возможность обозревать три стороны горизонта. Как только вошли внутрь каюты, разговор возобновился. Березин навел его на интересующий всех предмет — несущий их аэроплан, спросив, из какого материала построен «Левиафан».

— Главным образом из алюминия и искусственной дре-весины, которая свободно заменяет дерево и обладает гораздо большей, нежели оно, сопротивляемостью.

— Искусственной? — переспросили все присутствующие:
— мы что-то не слыхали о таком продукте, посвятите нас в
подробности.

СХЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗРЯЗЬ „ЛЕВІАФАНА“.

— С удовольствием. Мы воспользовались здесь изобретением француза Л. Шарре, который в течение шести лет работал над проблемой добывания искусственного дерева и, в конце концов, разрешил ее удачно.

При массовом производстве искусственное дерево обходится гораздо дешевле настоящего. Добывается оно очень просто. Сырым материалом служит солома. Колосья при помощи специальной машины механическим путем расщепляются вертикально. Затем к приготовленной таким образом соломе прибавляются известные химические вещества, и весь этот материал варится при высокой температуре и сильном давлении. При этом солома превращается

в однородную массу и прессуется. Добытому таким путем материалу можно придать любую форму: брусков, широких досок или толстых балок какой угодно толщины и длины. Искусственная древесина тверже и обладает большей сопротивляемостью, нежели обыкновенное дерево. Ее можно распиливать, разрез чистый и гладкий.

При многократной прессовке получается материал довольно легкий, очень твердый, обладающий большей крепостью, чем все известные сорта дерева; как раз такой материал подходит для постройки воздушных аппаратов. Поэтому-то и наш аэроплан, несмотря на кажущуюся громоздкость, очень легок. Все постройки его, как и эта комната, сделаны из искусственной древесины.

— А ваши пропеллеры? — спросил инженер.

— Сделаны из того же материала, — закончил м-р Блом.

— Следовательно, вы не боитесь потерять их? — вывел заключение Руберг.

— Случайности всегда возможны, — отвечал м-р Блом, — но это у моих аэропланов не поведет за собою несчастья.

— Как так? Разве вы можете держаться на воздухе без винтов?

— Нет, в данном случае не могу. Но вы заметили, что у меня всюду двойные пропеллеры.

— Я видел, — сказал доктор, — и хотел вас спросить, что это значит, да забыл за массой новых впечатлений.

— Это значит, что я применил к делу изобретение вашего другого талантливого соотечественника, инженера Луцкого.

— Боже мой, сколько талантов, — комически вздохнул доктор, — а мы, близорукие, и не видим ни одного.

— Оно, — продолжал ученый, — состоит в том, чтобы авиатор в случае потери пропеллера имел в запасе второй. Винты пропеллеров (стержни) входят один в другой, наподобие стержней часовой и минутной стрелки в часах. Если будет сломан один пропеллер, то остается еще один, который от того же механизма всегда можно привести в действие.

— Чрезвычайно важное открытие, — согласился инженер.

— «Левиафан», как вы заметили, обладает еще двумя парами пропеллеров. Если, скажем, он потеряет два первых винта, то у него остается еще четыре.

— О, о, — заметил доктор, — целых четыре! С ними можно лететь...

— Даже предположим, что он сломает два боковых пропеллера, но с парой оставшихся он может преспокойно лететь, куда ему вздумается.

— Мистер Блом, вы гениальнейший человек в мире! — вскричал инженер.

— Допустим самое худшее, что может случиться, — продолжал развивать свою мысль ученый, — допустим, что аэроплан потерял пять пропеллеров...

— Пять пропеллеров! — крикнул доктор, задыхаясь: — не может быть!

— Допустим, милый доктор, допустим. Тогда еще не все кончено. Потеря будет громадной, но она вовсе не будет значить, что аэроплан погиб. С помощью одного винта и

кое-каких приспособлений он может благополучно спуститься на землю в избранном месте...

— Уф, — облегченно воскликнул доктор, словно освободившись от огромной тяжести, лежавшей на его груди.

— А если сломается движущая машина? — полюбопытствовал Березин,

— Этого не может быть.

— Но предположим, что несчастье лишит ее возможности действовать.

— А большой ли силы ваши двигатели? — спросил молчавший студент.

— А вы бы как предполагали? — спросил в свою очередь ученый.

— Я полагаю, — сказал инженер, — что такой корабль, как этот, может двигать машина не менее 500 лошадиных сил.

— Это чудовищно, — заметил доктор; — на всех аэро-планах двигатели не могут развивать более 150 сил.

— Не чудовищнее действительности, — ответил Блом. — «Левиафан» обладает тремя двигателями по 1000 лошадиных сил каждый...

— По тысяче? вы шутите! Да где же эти чудовищные механизмы, способные развивать такую энергию?

— Об этом, господа, мы поговорим после, — серьезно сказал м-р Блом, — а теперь выйдемте на палубу взглянуть на природу.

— Одно слово, м-р Блом, — скажите, сколько пропеллеров действует сейчас?

— Только один, передний.

— А сколько проходим в час?

— Сто километров, мы идем малой скоростью.

— Сколько же может проходить «Левиафан» большой скоростью?

— Если пустить в ход все двигатели, от 200 до 300 километров в час.

— Но это невозможная, колоссальная скорость для человека.

— Вспомните авиатора Ведрина: этот отважный летчик на маленьком аэроплане достигал быстроты 170 километров в час.

Все были уже на палубе. Под ногами, в туманной дали, неясно выступали контуры горных хребтов, идущих на воссток. Впереди, уже близко, виднелась блещущая вечными снегами цепь горных вершин. Прозрачная глубина воздуха наверху давала горным вершинам чуть-чуть розоватую окраску, которая ниже переходила в буро-лиловую, а еще ниже темнела крупными полосами скалистых построений. По крутизnam гор, к их подошвам, пенясь о камни, с шумом неслись бешеные потоки.

Скоро аэроплан вступил в горные проходы, искусно лавируя между отдельными горными цепями. Тенистые облака спускались под аппаратом все ниже и ниже, как будто хотели прикрыть его своей пеленой.

— Мы в Гималаях, — объявил ученый. — Советую, господа, крепче держаться, сейчас начнем подъем за облака.

Он в рупор передал приказание в капитанскую рубку. В тот же момент с шумом заработали боковые пропеллеры, палуба корабля сильно наклонилась в сторону хвоста и «Левиафан», как стрела из лука, понесся ввысь, словно скользя вперед по крутой горе. На мгновение панorama горных цепей и хребтов скрылась под густой простыней тумана. Кругом потемнело.

Проходили слой облаков.

Снова блеснуло солнце в ясной синеве неба. Было холодно. Дышалось с трудом. Перед взорами авиаторов высились группа из пяти или шести снежных вершин, переливающихся на солнце всеми цветами радуги.

— Какой чудный вид! — вскричали русские.

— Эверест, — сказал м-р Блом; — холодно, пора спускаться.

И «Левиафан», повинуясь его указаниям, помчался на запад быстрее урагана.

— На какой высоте мы только что находились? — спросил инженер.

— На высоте 8500 метров, — ответил ученый. — Вершина Эвереста достигает 8840 метров.

— Вы не захотели подняться выше?

— Нет, потому что очень холодно и притом, вы видели, надо заставлять действовать все машины. Я этого избегаю по вполне понятной осторожности.

— Почему же необходимы все силы двигателя?

— На такой высоте, как 8 тысяч километров, упругость воздуха уменьшается вдвое и работа машин не может быть использована в полной мере.

— Мы сейчас идем обратно? — задал вопрос студент.

— Не совсем. Я хочу показать вам интересное место — воздушный провал.

— Как? Разве существуют воздушные провалы?

— Не только провалы, а даже ямы, овраги; в воздухе есть все, что хотите.

— Что же, собственно, вы называете воздушными провалами?

— Нисходящее воздушное течение, когда воздух из высоких слоев столбом стремится в низшие слои. Аэроплан, попав в такой провал, камнем летит на землю, словно у него обрезаны крылья.

— И вы думаете поднести нам такой сюрприз? — с улыбкой вмешался доктор.

— О, не беспокойтесь. Мы не упадем. «Левиафан» не совсем обыкновенное судно, для него ямы и воздушные провалы не страшны. Именно о таком аэроплане мечтал покойный Вильбур Райт.

Вильбур Райт

— Что вы? Творец первого аэроплана Вильбур Райт умер?

— Телеграммы сегодня принесли мне известие, что он скончался в городе Дайтоне. Величайший из людей, гений, каких мало, скончался. Человечество должно почтить его память. Это был первый из людей, отделившийся от земли и пролетевший против ветра на аппарате тяжелее воздуха, — торжественным тоном произнес учёный, обнажив седую голову.

— Вы говорите таким торжественным и печальным тоном, каким говорят лишь о близких. Вы знали покойного? — заинтересовался инженер.

— Не только знал, а и имел честь быть его другом, — грустно сказал м-р Блом. — Если бы тогда было то, что теперь есть у меня — Вильбур летал бы на таких же аэропланах, как и мой.

— А что же не хватало для Райта?

— Моих усовершенствованных двигателей. Как Икар о своих крыльях, мечтал Вильбур о легких, удобных двигателях, но мечте тогда не суждено было сбыться.

— Что же, Вильбур Райт был механиком по призванию?

— полюбопытствовал студент. — Расскажите нам о нем что-нибудь.

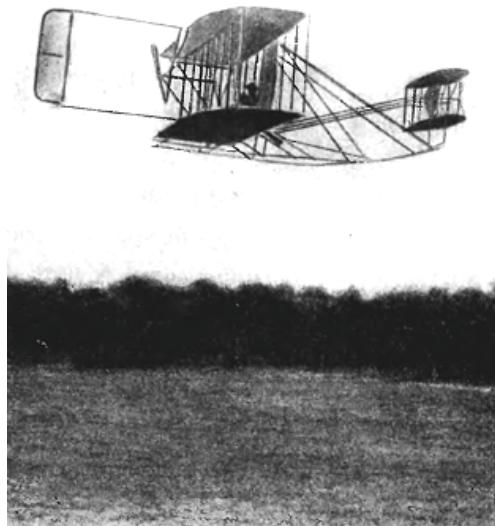
— Это — скромнейший и честнейший из людей. Он был не патентованным механиком, а просто сыном деревенского пастора около Дайтона, в штате Огайо. Жизнь Райта проходила совместно с братом его Орвиллем, и нельзя рассказывать об одном, забывая о другом. В начале своей спортивной деятельности братья Райт отличались, как велосипедные гонщики. Затем они открыли свою мастерскую для велосипедов, а в 1900 году стали заниматься воздухоплаванием на планере немца Лилиенталя.

Прежде всего, они построили свой планер (аэроплан без мотора), а затем совершили полеты на берегу моря с песчаных дюн. В 1903 году братья Райт построили первый в мире аэроплан с бензиновым мотором. В 1905 году этот аэроплан уже был настолько усовершенствован ими, что летал 36 минут. 1908 год в жизни Вильбура Райта может считаться началом его блестящей воздухоплавательной карьеры. В этом году он со своим аэропланом приехал во Францию и рядом блестящих полетов убедил долго сомневавшуюся Европу в возможности победы над воздухом. В конце 1908 года он уже пролетал 2 часа 30 минут и достиг высоты 150 метров, что тогда считалось всемирным рекордом.

В настоящее время аппараты Райта летают через всю Америку. Вильбур Райт явился творцом первого аэроплана с искривлением крыльев. Он с полной уверенностью мог сказать про себя словами поэта: «И вот, закон стихий задавлен, на нем лежит рука моя».

— А что же дальше?

— Дальше явились разные талантливые люди, вроде Морана, Блерио, Фармана, которые стали вводить свои улучшения, совершенствовать идею, так что в Европе об аэропланах Райта и не слышно.

Первые полеты в 1908 г. Вильбура Райта на изобретенном им с братом аэроплане.

— Забвение — общий удел, — грустно проговорил Березин, взглядывая при этом на мисс Кэт.

— Хоть на барышень-то не нагоняйте тоски вашим ми- норным тоном, — шутливо заметил на это доктор. — Что это, шум как будто затих?

— Это пара пропеллеров прекратила работу, — отозвался ученый. — Мы вышли из сферы воздушных облаков.

— Вышли, вот и отлично! Я вообще недолюблюю опасных соседств, — сострил доктор.

Все улыбнулись.

VIII.

Воздушная пропасть

— Так как до провала еще далеко, а разговоры утомляют, не пожалуете ли в столовую позавтракать, — сказал м-р Блом. — Там я вас, пожалуй, ознакомлю с историей воздухоплавания вообще и авиации в частности.

— Это должно быть очень интересно! — воскликнули русские.

Ученый сдержал свое слово. Он начал с братьев Монгольфье — первых воздухоплавателей, поднимавшихся на изобретенном ими шаре в 1783 году, упомянул о знаменитом Бланшаре, сделавшем за свою жизнь несколько сот подъемов на воздух и перешел к управляемым аэростатам.

Сантос-Дюмон 19 октября 1901 года первый обогнул в воздухе, на высоте 300 метров, Эйфелеву башню. Немцу, графу Цеппелину, удалось построить жесткий аэростат из алюминия. Несчастья с цеппелинами общеизвестны. Осенью 1906 года германская публика любовалась полетом его дирижабля над Боденским озером. Однако, изобретатель не счел себя удовлетворенным и вновь продолжал совершенствовать свое детище. Теперь Германия имеет целые эскадры цеппелинов.

С 1906 года все нации, в погоне за лучшим типом военного дирижабля, строят всевозможные машины легче воздуха десятками. Лихорадочно спешат вооружиться новыми гигантами Франция, Германия, Россия, Англия и другие крупные державы.

Гораздо подробнее мистер Блом остановился на аппаратах тяжелее воздуха. Еще на заре человечества будущий царь природы уже мечтал летать в воздухе подобно птице. Легенда об Икаре, растопившем свои крылья в жарких солнечных лучах, создалась не случайно: она всегда жила в сердце народа в виде ясно выраженного желания.

— Недаром же я слышал, — вмешался доктор, — что лет десять тому назад какой-то американский пастор открыл, будто в книгах пророка Иеремии содержатся указания на построенный этим пророком летательный аппарат. Что вы об этом думаете, м-р Блом?

— Правда это или ложь — теперь определить трудно, — продолжал ученый. — Но вот нельзя обойти молчанием опыта, о котором, как это ни странно, молчит большинство сочинений по истории авиации. По документам, хранящимся в городской библиотеке Берлина, перелет через Ла-Манш был произведен впервые на 34 года раньше Бланшара иезуитом Гримальди и притом не на аэростате, а на летательной машине с крыльями. Документ был опубликован в 1910 году доктором Локателли и представляет письмо из Лондона, описывающее подвиг Гримальди и его аппарата. Изобретатель разработал конструкцию аппарата в свою бытность миссионером в Индии. Аппарат имел вид гигантского орла с размахом крыльев в 22 фута. Корпус механической птицы был сделан из пробки и металлических проволок, а крылья из кожи. Как и чем приводились крылья в движение, в письме не описано, но перечисляются части двигателя: металлические кольца, шарики, цепочки, гири, сосуды со ртутью и колеса. Скорость же полета доходила до семи миль в час. Перелетев из Кале в Лувр, авиатор полетел в Лондон, а оттуда в Виндзор.

С 1850 года проблема летания по воздуху стала разрабатываться целой плеядой ученых и изобретателей. Эти аппараты, не могущие плавать в воздухе, а держащиеся в нем движением, разделяются на три разряда: геликоптеры, орнитоптеры и аэропланы.

Геликоптеры все прекрасно летали в виде моделей. Их винт перпендикулярен земной поверхности. Но полная беспомощность при остановке мотора у этого вида механизмов заставляет думать, что этой идеей нельзя воспользоваться для больших аппаратов.

Орнитоптеры подражают полету птиц, они тоже хорошо летают в виде небольших моделей, но в размерах, достаточных для поднятия человека, пасуют, так как автома-

тический двигатель не в состоянии в совершенстве подражать птице, которая инстинктом знает, где нужно менять изгиб крыла, увеличивать или уменьшать его поверхность, переходить от полета к парению и проч.

Успех третьей группы летательных машин, аэропланов, всем известен. Они подражают парению птицы, когда она летит с распластанными и, по-видимому, неподвижными крыльями. Одна, две и больше плоскостей удерживают его в воздухе при движении винта или дают возможность спускаться, подобно птице, скользящим полетом.

Крупную услугу в деле завоевания воздушной стихии оказал человечеству германский ученый Лилиенталь, сделавший более тысячи полетов на своих аппаратах-змеях (планерах). Он и погиб при одном из таких опытов 10 августа 1896 года.

После Райтов, целый ряд воздухоплавателей доказывает на деле пригодность аэроплана. Много отважных авиаторов гибнет, но их места сейчас же занимают все новые и новые лица. Такие имена, как Блерио, Куртис, Латам, Фарман, Вуазен, Шавез, Ефимов, Васильев, Ведрин, не забываются. Они популяризовали идею воз душного полета на тяжелых аппаратах по всей Европе. В настоящее время трудно найти город, где бы не видывали летающего человека. Авиаторы стали так популярны среди всех стран мира и среди всех слоев народа, как не был популярен ни один ученый, ни один мыслитель или государственный деятель.

— Это вполне понятно, — прервал рассказчика инженер. — Человечество видит среди авиаторов выполнителей близкой всем идеи полета, подобно птице. Стремление подняться в воздух, воспарить, для большинства неисполнимая мечта. Потому авиаторы, как люди, презирающие опасность, стремящиеся оторваться от земли и взлететь чуть не к самому солнцу, дороги и близки сердцу каждого, кто хоть раз видел их полет в высоту.

— А нам, господа, пора выходить на палубу, — сказал мистер Блом, взглянув на часы. — Мы прибыли к месту.

Земля под ногами путешественников медленно ползла на восток. Пепельно-серые покатости гор с высоты казались полосами, наведенными по полотну грязной кистью неумелого художника. Лесные оазисы являлись в виде темно-зеленых пятен. Где-то вдали еще мелькали белые вершины снежных гор.

— Прошу держаться крепче за перила, хотя опасности нет никакой, — посоветовал всем м-р Блом. — Сейчас мы начинаем падать.

Он лично занял место в штурманской будке, смотря на барометр.

В тот же момент находящиеся на палубе почувствовали, что они валятся вниз: пол уходил из-под ног. Несмотря на вращение пропеллера, земля приближалась к зрителям со страшной быстротой, как будто несясь вверх. Рельефы гор стали обозначаться совершенно ясно. Огромное широкое ущелье неожиданно выросло перед их глазами и,казалось, хотело поглотить аэроплан. На горных склонах стали ясно выделяться отдельные деревья.

Мисс Кэт, видя, что земля приближается к ней с неимоверной скоростью и как будто хочет раздавить своим стремлением всех путешественников, вскрикнула и в страхе закрыла глаза. Она бы упала, если б инженер не поддержал ее.

В то же мгновение аэроплан сильно тряхнуло и накренило несколько набок. С шумом заработала пара боковых пропеллеров. «Левиафан», не долетев до земли каких-нибудь 20 сажен, понесся в сторону и, как потревоженный охотником орел, стал подниматься ввыс.

Испуг внучки м-ра Блома скоро прошел. Она очень мило поблагодарила инженера за его услугу. Старый ученый, узнав о случае со своей дорогой девочкой, выразил сожаление, что испытание вышло таким сильным и чуть на самом деле не закончилось катастрофой. А Руберг во всеуслышание сознался, что он перетрусил не на щутку, когда ему показалось, что падение на землю неизбежно. Только француженка, Березин и Горнов были сравнительно спо-

койны: они слишком верили гению творца летательной машины, чтобы беспокоиться о своей судьбе.

— А вы знаете, где мы были? — спросил м-р Блом, когда встревоженные мысли улеглись.

— Не имеем ни малейшего понятия, — ответил за всех доктор.

— Я хотел показать вам отверстие главного вентилятора, дающего воздух в горящий каменноугольный пласт, — заявил старый ученый.

— Неужели это правда?! — вскричала Кэт: — мы были над тем местом, где они, — она кивнула на русских, — чуть не погибли такой страшной смертью?

— Нет, милая, мы были не над тем проходом, — ответил старик. — Мы сейчас видели главную артерию, в которую воздух стремится с большой высоты с ужасной силой. Это самая большая воздушная пропасть, которая мне известна. Ни один аэроплан не справится с этим нисходящим

течением, кроме моих. И то, вы видите, для этого понадобилось привести в действие все моторы.

— Ax, как я сильно напугалась! — выговорила Кэт, смотря благодарным взором на инженера.

— Я так ни чуточки не струсила, — уверяла француженка, — подумай сама, для чего бы мы попали туда, если бы нам грозила опасность?

— M-elle, вы рассуждаете совершенно правильно, — смеясь, прервал ее доктор, — но я про себя должен сказать, что мне в эту минуту было вовсе не до правильных умозаключений.

Все улыбнулись откровенности Руберга, а м-р Блом, входя в капитанскую рубку, предупредил, что сейчас будут спускаться. Путешественники поспешили на палубу.

Через некоторое время «Левиафан» свободно, без всяких приключений, опустился на свою площадку в горах Бломгоуза.

IX.

Замыслы м-ра Блома

Жизнь обитателей таинственного города текла мирно. Русские уже освоились с привычками коренного населения Бломгоуза. Они тоже вошли в обычную колею: Руберг занялся практикой, навещая больных, Горнову нашлось дело в качестве монтера в одном из многочисленных отделов, а Березин неустанно пополнял свои знания наблюдениями в лаборатории, в машинном отделении и мастерских.

Как-то он заглянул в кабинет м-ра Блома и застал учёного за рассматриванием блестящего, фута полтора в длину, круглого предмета, очень похожего на развертку для котельных труб.

— Вот предмет, — обратился он к инженеру, — за который дорого бы дали в Европе.

— Вероятно, какое-нибудь новое ваше изобретение, — улыбнулся Николай Андреевич. — Во всяком случае, оно будет не удивительнее вашего воздушного корабля, м-р Блом.

— Что же вас особенно поразило, дорогой м-р Березин, в моих воздушных кораблях? Как вам известно из моих рассказов, мои корабли — только увеличенные аэропланы, которыми пользуются уже везде.

— Далеко нет, — ответил Березин. — Вы словом не обмолвились о самом главном — о ваших двигателях. А в них, я полагаю, и есть самый секрет существования таких кораблей.

Блом пытливо взглянул в честное лицо инженера.

— Вы, по обыкновению, остановились на самом главном, м-р Березин. Центр тяжести всей идеи именно в двигателях. Не обладай я такой силой — не было бы и кораблей...

— Дающих 3000 лошадиных сил! — докончил инженер с таким жаром, что было очевидно стремление его узнать тайну этих 3000 сил, покоривших изменчивую воздушную стихию.

— Послушайте, м-р Березин. Вы следили за последними успехами исследователей радия?

— Ну, конечно, как и весь мир.

— Следовательно, вам известно, что многие тела, разлагаясь на свои составные части, дают огромное количество энергии. Изыскания Кюри, Рамзая и других над радием открыли перед изумленным взором ученых возможность разложения не только сложных тел, но и элементов, из которых образованы эти тела. Один грамм радия выделяет в час 1,2 калории тепла. В сутки выделяется уже 30 калорий, в год 10.000. И это лишь с одного грамма. Какую же колоссальную работу может дать килограмм того чудесного вещества, которое зовется радий?

— Но... радий так трудно получать. Он реже всякого драгоценного металла! — пробовал возразить инженер.

— Ошибка ученых, что радия нет. Он есть всюду, везде, только его надо найти.

— И вы, гениальный учитель?..

— Я нашел его. Не сам радий, как осязаемое вещество, а радиацию, т. е. излучение радия. Солнечная энергия, дающая в виде тепла или света жизнь нашей земле, разлитая повсюду в многоразличных видах. Так называемые ультрафиолетовые (невидимые) лучи пронизывают всю атмосферу, всю землю, все предметы. Рентгеновские, бекерелевские радиоактивные лучи есть только видоизменения лучевой энергии. Из них самыми сильнейшими являются последние. Уже доказано, что весь воздух пронизан радиоактивностью слабой силы, т. е. активность воздуха малоуловима. Для исследователя вся задача сводилась к тому, чтобы найти способ собрать эти незначительные дозы энергии, подобно тому, как электричество собирается в аккумуляторе. Я изобрел прибор, могущий собирать огромные количества радиоактивной энергии из воздуха. Пустить же ее в дело, заставить выполнять любую работу — уже не представляло затруднений.

— А этот прибор?

— Называется радиатором. Два цилиндра, что вы видели в капитанской рубке, и есть радиаторы, находящиеся в постоянной работе.

— Так радиаторы дают вам 3000 лошадиных сил даровой энергии?!

— И притом неиссякаемой, любезный м-р Березин, что позволяет нам держаться в воздухе необыкновенно долгое время.

— Я подозревал это, — прошептал инженер, опуская голову.

— Вы как будто недовольны успехами науки, — заметил ученый, проницательно смотря на собеседника.

— Нет, — ответил инженер, — успехи науки меня радуют, как всякого специалиста, но в то же время меня угнетает мысль, что ваша великая идея в настоящее время принесет человечеству много горя. Снова польются реки крови и

принесутся в жертву Молоху войны целые гекатомбы человеческих жизней.

— Вы правы, но не совсем, м-р Березин. Никогда новое оружие не обратится на завоевание народов, как никогда оно не придет в столкновение с вашим благородным отечеством. Вы знаете, что между Англией, Францией и Россией заключено тройственное соглашение? Этот новый союз просуществует долгие и долгие века, так как он основан на общности их интересов. Если бы я был молод, как вы, я бы сказал, что моему изобретению суждено даровать человечеству великую милость — прекратить навсегда войну и освободить народы от тяжести милитаризма, давящего всех не только постоянным призраком войны, но — что еще ужаснее — непосильными государственными поборами, идущими не на жизнь, а на усовершенствование смерти, которую несет каждая армия.

— Уничтожить войну?!? Как бы вы думали это сделать?!

— вскричал Николай Андреевич, пораженный замыслом великого старца.

— С помощью моих аэропланов и прочих открытий. Ничто в мире не может противиться мне. Англия, т. е. я, потребовала бы разоружения всех армий земного шара под угрозой полного их уничтожения. Достаточно двух-трех больших битв с участием моих аэропланов — и все народы покорятся, увидев полную невозможность сопротивляться. Под защитой Британии им обеспечено мирное существование.

— Вы увлекаете меня вашими колоссальными замыслами, м-р Блом! — сказал после некоторого молчания инженер. — Но ведь вступить на этот путь небезопасно. Народы не подчинятся так легко, как вы думаете. Они не простят ни вам, ни Англии своей независимости и всегда будут тайком готовиться к борьбе с вами.

— Вовсе нет. Они не потеряют независимости. Она будет лишь номинальной. Во всяком государстве останется то же управление, те же порядки и обычаи, только не будет армий и военного флота.

— Это едва ли возможно, — заметил Березин.

— Это необходимо. Война — всегда величайшее бедствие. А теперь, когда столкнутся многочисленные армии троиственного соглашения и троиственного союза, она разорит всю культуру и цивилизацию. Опасность столкновения возрастает ежедневно. На Балканах опять что-то зреет и этот полуостров может вновь послужить поводом к распре народов. Надо торопиться с реализацией войны. Но я чувствую, что этот замысел мне уж не по силам. И приведет ли кто его в исполнение — я не знаю.

— Мне кажется, лондонское правительство во главе всего дела может поставить другого человека, помимо вас?

— Оно может это сделать, но он не будет в состоянии справиться с великой задачей.

— Почему же?

— Потому что у него не будет моих изобретений. Я никому не доверяю своих крупных открытий. Только вы знаете одно из них, — проговорил профессор, намекая на свою силовую станцию.

— Да, но ведь вы, м-р Блом, говорили, что вы работаете для своего отечества и свои аэропланы уже предоставили в его пользование?

— Это все так, но я не сказал одного. Никому не известен секрет приведения в действие моих радиаторов. Хотя мои инженеры пользуются ими и летают, однако им неизвестно, что через определенный промежуток времени, именно через год, радиатор остановится и энергия иссякнет. Чтобы он начал снова напитываться ею, его надо привести в действие, для чего необходимо присутствие знающего лица.

— Следовательно, вместе с вами ваши секреты будут навсегда утеряны?

— Очень возможно. Если до тех пор я не найду человека, которому мог бы их вверить, — промолвил ученый, вперив свой вопрошающий взор в инженера. Последний ничего не ответил на этот безмолвный вопрос.

— Взгляните-ка сюда, — сказал, помолчав, м-р Блом, указывая на круглый кусок металла, положенного им на

стол. — Мы этим пользуемся для закладки мин в горных породах. Прибор довольно интересный.

Любопытство инженера было возбуждено. Он взял тяжелый цилиндр в руки.

— Как будто похоже на бур, — заметил Березин, обратив внимание на острый винтообразный шпиль из неизвестного металла, украшавший узкий конец цилиндра.

— Вы угадали, это бур, но он снабжен механизмом и при своей кажущейся незначительности может самым быстрым образом прокладывать себе дорогу в твердой породе.

— Так он действует сам по себе, отдельно от всяких механизмов?

— Да. И способен пробить ход в любой горной породе, хотя бы твердость ее превосходила базальт. Собственно, он не пробивает путь, а проворачивает его, выжимая своими стенками проход для себя. После работы этого механизма остается круглый ход, наподобие хода древоточца в сосновом стволе.

— Для этого нужна страшная сила. Я не могу поверить, что такой небольшой прибор вмещает в себе столь сильный двигатель, равный по энергии сотне лошадей.

— Я, пожалуй, согласен с тем, что работа его необычайна. Но удивляться его силе не приходится. Его движет тот же радий, что и аэропланы. Завтра вы на практике можете посмотреть на его действие.

— Разве вы предполагаете заложить мину?

— Да. Необходимо, видите ли, с пути убрать небольшой утесистый холм, мешающий движению. Вы, кстати, посмотрите и на взрыв.

— Так подготовительные работы к взрыву уже начаты?

— Работы будут исполнены завтра. Бур проходит в граните по метру в минуту. В час времени все работы будут окончены.

— Вы полагаете? — спросил озадаченный инженер, разившись быстроте буровой работы.

— Примеры бывали, — ответил м-р Блом. — Не забудьте пригласить и ваших друзей, — закончил он.

X.

Взрыв горы

Разорванные клочковатые облака быстро неслись по мглистому небу. Внизу ветер рвал одежду и яростно налетал на скалистую грудь горных цепей, как будто стараясь унести с лица земли все живое и растительное царство.

В десять часов утра в скалистых горах, составляющих часть Гималайских отрогов, копошилась кучка людей. Среди них были доктор Руберг, инженер Березин, студент Горнов, профессор Блом, инженер Вилькинс и двое-трое рабочих, одетых в крепкие кожаные куртки и такие же брюки.

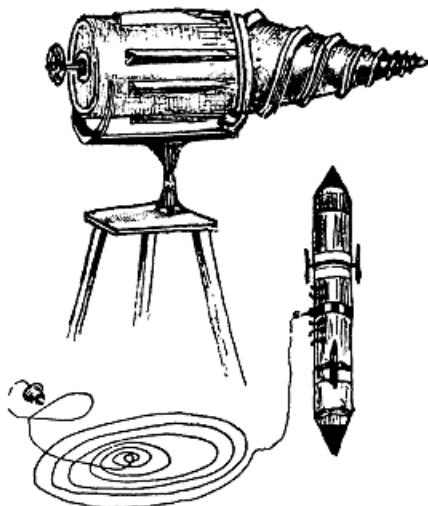
Рабочие у подошвы каменистой громады, загромождавшей путь, устанавливали похожую на стол металлическую площадку с двумя рогообразными укреплениями. Громада, возвышаясь метров на 70, имела в диаметре почти столько же.

Ножки металлической площадки крепко установили в каменистом грунте. На вилы, сделавшиеся опорой, положили бур, виденный накануне Березиным в кабинете м-ра Блома. Инженер Вилькинс подошел к столу и нажал в аппарате какую-то кнопку.

Тотчас послышался легкий шум. Острие бура вонзилось в породу, вращаясь с огромной быстротой. На глазах всех блестящий сталью цилиндр стал уходить в гранит, как будто бы его тянула туда какая-то неведомая сила. Через минуту виднелась только задняя часть аппарата, а еще через несколько минут зрители могли видеть лишь отверстие круглой трубы, диаметром в толщину цилиндра.

Минут через двадцать аппарат показался в отверстии и остановился в вилке площадки. Металлический стол вместе с буром перенесли в новое место с таким расчетом, чтобы новый ход был параллелен первому, находясь от него шагах в двадцати.

Бур снова завертелся и, въедаясь в гранит, скрылся в нем на несколько минут. Когда буровая работа была окончена, Вилькинс объявил, что к взрыву все готово.

— Заложите мины, — приказал м-р Блом, передавая Вилькинсу маленькие патроны.

К патронам прикрепили шнур, а к нему проволоки длиной до 200 метров. Концы проводов были соединены между собой и заканчивались шариком с пуговкой или кнопкой. С помощью длинных шестов патроны были введены в пробитые отверстия и все пошли от минированной горы к западу, развертывая за собой проволоки.

— Господа, — предупредил м-р Блом, — мы стоим еще слишком близко. Как кнопка будет надавлена — я просил бы вас всех стремиться на то возвышение, — он указал на довольно отлогую каменистую гряду, — там есть площадка, где удобно стоять. Между сигналом и взрывом пройдет три минуты. Начинаю.

С этими словами м-р Блом протянул руку к шарику, кнопка была нажата. В тот же момент все присутствующие

стали быстро удаляться от шарика, перепрыгивая с камня на камень. Скоро они стояли на указанном месте.

Русские с нетерпением ожидали момента взрыва. Им казалось, что время тянется томительно долго. И все-таки взрыв раздался неожиданно: гора как будто сначала раскололась на две части, в воздух поднялись два клуба, состоящие из скал, каменистых обломков, мелкого щебня и пыли. В то же время раздался страшный гул, почва заколебалась под ногами, а напором воздуха наблюдателей отбросило шага на три назад. Туча обломков и пыли затемнила на несколько минут горизонт.

Зрители, поднявшись с земли и отряхнувшись, словно пудели, желающие сбросить с себя воду, поспешили к месту взрыва. Картина разрушения была полная. Местность,

которую с основания мира занимала скалистая гора, была свободна. Только мелкие гранитные обломки свидетельствовали о происшедшем взрыве. Главные же массы скалистых обломков упали на склоны ближайших гор. Проход сделался свободным, оставалось его только выровнять.

— Ловко сделано! — похвалил доктор. — Раскинуло все — и следов нет.

— Вас можно поздравить, мистер Блом,— обратился Березин к старику, — с открытием, делающим честь любому ученому мира. Если я не ошибаюсь, вы применили новое взрывчатое вещество необычайной силы?

— Я назвал его радиотитом. Оно гораздо сильнее, чем все известные до сего времени взрывчатые вещества. Сила его огромна, способна уничтожить хоть гору, хоть целый кусок железа величиной с броненосец.

— Мне тоже кажется, что сила взрыва колоссальна, — прибавил юноша, — но я не могу даже приблизительно себе представить ее относительную мощность.

— Видите ли, — сказал Блом, — вам известно, что динамит в десять раз сильнее простого пороха, а мелинит гораздо сильнее динамиита. Так вот, радиотит находится в таком же отношении к мелиниту по силе взрыва, в каком мелинит превосходит простой порох.

— Так поэтому-то вы, мистер Блом, — вставил доктор Руберг, — так и швыряетесь целыми горами, как простыми мешками. Вы нисколько не стесняетесь с природой...

— Добавьте — и с людьми, — заметил м-р Блом. — Ведь и вы не хуже меня знаете, что первые взрывы радиотита были ужасны: они вызывали целые землетрясения во всей горной области. Были даже несчастья с людьми...

— Вы указываете на пример Верного, разрушенного землетрясением несколько лет тому назад, — продолжал доктор. — Да, это было большое несчастье...

— И большая неосторожность с моей стороны, хотите вы сказать, — с живостью подхватил м-р Блом. — Что же, обвиняйте меня, вы правы. Я допустил эту ошибку, но мы сами чуть не сделались жертвой своей оплошности. Несколько пудов радиотита как будто хотели разрушить весь

мир. Взрываемую гору разбило в мелкую пыль. Сотрясение почвы и воздуха было так велико, что скалистые массы и даже целые горы рушились сами собой, а все мы, оглушенные, убитые, обескураженные, в течение многих часов находились в полуобморочном состоянии. Мы хотели устраниить препятствие, а вместо того чуть сами не нашли смерть. С тех пор, т. е. со времени основания Бломгоуза, мы стали гораздо осторожнее в обращении с радиотитом и употребляем его лишь в самых минимальных количествах.

— А как же чувствуют себя во время искусственных землетрясений обитатели города? — спросил инженер. — Сотрясение при взрывах должно быть очень сильным и может разрушить обитаемые помещения.

— Все жители всегда предупреждаются даже о маленьких взрывах, поэтому их нельзя застать врасплох. Землетрясения не так страшны, как кажется на первый взгляд. Наших зданий они разрушить не могут, потому что стены сложены из гранита и песчаника на цементе, да и к тому же сильных взрывов вблизи мы не производим, ограничиваясь самым необходимым. А если делаем взрыв, сопровождаемый такими колебаниями почвы, которые отмечаются европейскими сейсмографами, то это производим вдали, милях в 20-30 от Бломгоуза. Наши рудники, как вы сами видели по прибытии, находятся как раз на таком расстоянии.

— Судя по вашим словам, котловина, в которую мы спускались — ваш рудник? — проговорил доктор.

— Открытый рудник, дающий на редкость хорошую железную руду. Вместо того, чтобы рыть в горах шахты, мы просто взрываем их, а затем остается только выбирать руду. В данном случае не надо тратить даже этого труда — гора, подобно уральской Благодати, вся состоит из чистого железняка.

— Когда мы появились в котловине, — заметил инженер, — мне показалось, что нагрузка производится механическим способом, без помощи людей?

— Да. Там поставлены особые нагрузочные машины, действующие электричеством. Работа их очень продуктивна.

— А в других рудниках работы ведутся таким же способом?

— Тоже через открытую разработку. Это гораздо удобнее, чем прокладка штолен и штреков.

— Но ведь во всем этом есть громадное неудобство, — продолжал инженер. — Предположим, что вы решили взорвать часть горы или целую гору, но чем вы гарантированы, что откроется именно то месторождение, которое нужно, что его не завалит обломками скал, могущих образовать опять целую гору?

— В этом-то и состоит главное достоинство радиотита, — серьезно проговорил ученый, — что он действует с наибольшей силой в одну какую-нибудь сторону, а не во все одинаково, как другие взрывчатые вещества. Руководителю операции стоит только определить желаемое направление действия взрыва и радиотит сделает свое дело. Благодаря такому свойству взрывчатой энергии, мы можем ее направить в любое место. Пользуясь этим, мы свободно несколькими патронами, словно ножом, отрезываем часть горы, раскалывая ее взрывом надвое. Желательная половина взрывается особо, причем одна из линий распространения взрыва идет параллельно земной поверхности.

— Большие горы вы всегда так взрываете? — не утерпел доктор, которому хотелось выяснить одно недоумение.

— Да, а что? — откликнулся м-р Блом.

— Мы видели взрыв горы с расстояния пяти или шести километров. Меня поразили вылетевшие вверх тучи пыли и мелких осколков, а гора продолжала оставаться несколько секунд на своем месте и уже затем она как-то боком сползла в пропасть.

— Это потому, что сначала был произведен вертикальный взрыв для отреза, а потом уже горизонтальный. У вас и получилось впечатление, как будто гора ушла под землю.

— Да, да, — подхватил доктор, — впечатление было именно такое, как вы говорите. Но все-таки, м-р Блом, вы творите здесь прямо чудеса. Рассказать бы в Европе, ни за что не поверят, а еще сочтут за дерзкого обманщика...

— Европа поверит всему тогда, когда придет время, — жестким тоном сказал ученый.

— А вы думаете, что оно скоро наступит? — спросил Березин.

— В современной политике трудно разобраться, — ответил м-р Блом, — всегда можно ожидать худшего. Но рано или поздно Англия должна столкнуться с Германией, которая теснит ее развитием своей промышленности. Это столкновение послужит сигналом для общей мировой борьбы. И вот тогда-то Европа узнает, чем обладает Великобритания в лице мистера Блома. Мы должны во что бы то ни стало сокрушить мощь немецкого орла. Если бы даже не было моих изобретений, — Англия и тогда не могла бы допустить развития могущества своей соперницы. Не может же Великобритания находиться в постоянной опасности от растущих немецких вооружений.

— Но если бы началась война, то какие же средства вы стали бы пускать в дело?

— Прежде всего мои воздушные корабли, способные засыпать неприятеля градом взрывчатых снарядов, оставаясь сами вне пределов досягаемости. Германия не может выставить ничего подобного, так как тяжелые дирижабли не могут идти в счет, а аэропланы современных конструкций пригодны лишь для разведок. Такие флотилии я легко могу уничтожить даже при малых силах. Тогда уже ничто не помешает стереть с лица земли их армии и флот: для этого достаточно двух-трех сотен моих снарядов.

— Они будут защищаться, а дальнобойные пушки не подпустят близко воздухоплавателя.

— Всякий из моих аэропланов может быть в короткое время обращен в боевое судно, снаженное как боевыми запасами и провиантом, так и выбрасывателями снарядов. Последние могут бросаться не прямо вниз, а набок, в лю-

бом направлении. Устойчивость аэроплана вполне позволяет применить маленькие пушки.

— Тогда, действительно, против вашего нападения почти нельзя защищаться! — сказал доктор.

— У нас есть и другие средства для атаки неприятеля, но о них пока не стану рассказывать, — проговорил м-р Блом.

— Вероятно, к ним относится ваше оружие, которым вы можете уничтожать каменные столбы? — спросил инженер, вспомнив о разрушении столба во время своего пленения.

— Вы говорите о воздушных револьверах? Они действуют только на близком расстоянии, шагов на тридцать сорок и больше служат, как домашнее оружие. Ими вооружены все мои инженеры.

— Револьверы имеют ужасную разрушительную силу, — заметил Березин: — это очень опасное оружие.

— Это потому, что они действуют маленькими шариками из радиотита, который при ударе взрывается и производит разрушение. Шарики выбрасываются сжатым воздухом.

— А вы не опасаетесь, — вставил доктор, — что ваши инженеры злоупотребят доверенным им оружием?

— Не думаю, чтобы они решились на это. Здесь они под моим надзором, а за пределы Бломгоуза оружие им не дается.

— Почему же? — заинтригованный этим обстоятельством, спросил Руберг, про себя радуясь, что они за Бломгоузом избавлены от опасности попасть под воздушный пистолет.

— Очень просто, — пояснил м-р Блом. — Мне и инженерам часто приходится по делам бывать в Индии. Представьте, что в случае какого-нибудь приключения, обладатель оружия употребит его в дело и разнесет выстрелом нескольких человек, или какое-нибудь сооружение, что, без сомнения, вызовет нежелательные толки в среде индусов. Слух о чудодейственном оружии может дойти до европей-

цев, которые и доберутся до тайны существования Бломгоуза.

— Совершенно верная оценка вещей, — согласился доктор. — Показывать действие оружия — опасное дело.

— Господа, вы заговорились, — прервал разговор инженер Вилькинс, — и не замечаете, что начал накрапывать дождь. Если мы не уберемся вовремя, нас промочит до костей.

Путешественники поспешили перебраться через каменистый гребень, отделявший их от автомобилей. Через несколько минут дождь барабанил в крытые верха экипажей, направлявшихся к Бломгоузу.

XI.

Лаун-теннис

Мягкий вечерний свет солнца обливал площадку для лаун-тенниса в саду м-ра Блома. Этим родом спорта здесь занимались мисс Кэт, m-lle Софи, Березин и Горнов. Игроки разделялись согласно своим симпатиям. Один город защищали Березин и Кэт, а другой Горнов с Софи. Доктор Руберг, находясь неподалеку, занимался совсем несвойственным ему делом: поднимал вышибленные неловкими ударами за пределы города мячи, что являлось вовсе не легкой работой, если принять во внимание его почтенные размеры.

А дела было много. Мячи то и дело перелетали через изгородь. Игроки увлекались не столько результатом боя, сколько самым процессом игры, доставлявшим возможность всем влюбленным видеться и разговаривать друг с другом. Блестящие глаза игроков, их быстрые, порывистые движения указывали на то, что все они опьянены не одной иг-

рой, а и еще чем-то другим. Доктор, в качестве наблюдательного лица, не упустил этой подробности и решил выжидать событий.

Мячи летали все быстрее и быстрее, причем вместо противного города чаще попадали за ограду. Руберг, со всем рвением друга ставившегося услужить играющим, в конце концов взмолился:

— Помилуйте, господа! Вы все так ловко играете, что совсем замучили меня. Нехорошо молодым людям задавать такую работу старику...

Слова доктора как будто отрезвили играющих, возвращая их к действительности, которая, впрочем, была прекрасной. Чудный вечер спускался на землю, легкие кружеевые облака, казалось, застыли в лазурной выси. Солнце садилось за пики гор, отбрасывавшие от себя огромные тени. Деревья в саду затихли, не было слышно даже шелеста листьев. Только немолчные хоры певчих птиц перекликались где-то далеко-далеко.

Француженка нашлась первая. Нимало не смущившись замечанием Руберга, она сейчас вступила с ним в препирательство.

— Доктор говорит правду, — заметила она играющим, — пора прекратить игру. А вам, доктор, стыдно жаловаться на нас! Ну какой же вы старый? С вашими годами другой бы прыгал не хуже нашего. Да и где ваша пресловутая дряхлость? — Вон рука-то какая, посильнее будет, чем у молодых, — закончила француженка, со свойственной ей живостью вцепившись в широкую, крепкую руку старого холостяка, которому ее лесть была очень приятна.

— Вас, барышня, я могу поднять на воздух и левой рукой, — сказал доктор, ловко подхватив *m-elle* Софи и поднимая ее выше головы. Софи не удержалась от крика испуга, на который явился Горнов. Но доктор, шутя, подхватил юношу правой рукой и, держа парочку выше головы, пошел по аллее, говоря:

— Попались! вот вам наука, не шутите над стариками. После будете осторожнее...

Француженка хотела, как сумасшедшая. Студент, ухвативший ее за руки, вторил ей во все горло. Руберг, сделав несколько шагов, спустил хохочущую молодежь на землю, приговаривая:

— Благословляю вас и в будущем смеяться тем же беззаботным смехом и не забывать своего старого друга...

— О, доктор, как вы можете так говорить? — заметил студент.

— Милый доктор, — зашебетала Софи, — вы такой... такой хороший, что я, не знаю почему, люблю вас, как отца, как брата. И если от меня будет зависеть, обещаю: я никогда, никогда с вами не расстанусь. А ты, Жан, обещай доктору то же самое... — тормошила она юношу.

— Обещаю и клянусь! — провозгласил по-русски студент таким тоном, что его собеседники покатились со смеху.

— Благодарю вас, мои молодые друзья, — говорил расстроганный доктор. — А где же остальные, — оглянулся он вокруг, — куда они скрылись?

Кэт и Березина поблизости не было. Пока доктор показывал свои физические упражнения, Николай Андреевич предложил внучке старого ученого свою руку и направился с ней по одной из дорожек. Цветущий сад и наки-

нувшая на него свое покрывало теплая, благоухающая ночь располагали к откровенности и мечтательности. Близость локтя молодой девушки, к которой он был давно неравнодушен, подавала инженеру радостные надежды. Он сбирался заговорить о самом главном, что его интересовало, но чем ближе подходила роковая минута, тем более он терялся, чего с ним прежде никогда не бывало. Мисс Кэт, предчувствуя важность наступившей минуты, больше молчала, и только румянец на прелестных щеках выдавал ее внутреннее волнение.

Наконец, Березин преодолел свою робость и заговорил... о себе, своей жизни, стал рассказывать разные эпизоды из детства и юношества.

Он постепенно воодушевлялся, стал говорить красиво, образно, заинтересовывая свою спутницу. Он, увлекшись рассказом, даже не заметил, что она несколько раз обращалась к нему с вопросами, показывающими вообще ее интерес к затронутой теме. Между ними устанавливалась какая-то невидимая связь, общность интересов. Мисс Кэт, заразившись примером инженера, заговорила о своей однокой девической жизни, в которой было столь много нижоких на первый взгляд, но действительных огорчений для юного, впечатлительного сердца, которое совсем не знало материнской ласки и рано лишилось попечений отца. С рыданиями в голосе молодая девушка передавала своему другу печальную повесть о смерти отца, мягкого и редкой доброты человека, совсем не похожего на могущественного деда.

— Бедная вы, мисс Кэт, — от всего сердца выразил сожаление Николай Андреевич.

Молодая девушка посмотрела на него темными глазами, полными глубокого горя. В это время они стояли у деревянной скамейки, под раскидистым дубом. Березин опустился на скамейку, что сделала и мисс Кэт.

— Дорогая мисс, — вдруг решился Николай Андреевич излить перед ней свое сердце, — неужели вы не замечаете большой перемены вокруг вас? Неужели же вы не знаете, что около вас находится человек, который давно страстно

желает вырвать вас из этой обстановки!.. Дорогая Кэт, — воскликнул он, падая на колени перед девушкой и беря ее за руку, — не может быть, чтобы вы не видели всей моей любви к вам. Я вас люблю, обожаю, вы та грэза, которая явилась ко мне во сне, вы ангел, о котором мечтаю много лет!.. Знаю, я — обыкновенный смертный, недостоин вас, но не отталкивайте меня, позвольте мне обожать вас, мою богиню...

Березин говорил, не замечая, что Кэт и не думала освобождать от него свою руку. Девушка, растерявшаяся от неожиданного приступа, зачарованная потоком слов, не знала, что сказать. Она многое хотела бы выразить словами, но язык не повиновался, и голова кружилась.

— Кэт, милая моя Кэт, скажите хоть слово, — доносился до нее как из тумана голос Березина.

Она не выдержала и, под наплывом неизведанного чувства, без всякого жеманства, протянула обе руки к Березину:

— О, мой любимый!

Между тем, в другой стороне сада происходила следующая сцена:

— Так, значит, решено, барышня? — говорил доктор: — вы последуете за своим женихом?

— За женихом, обязательно, — бойко отвечала француженка. — Если бы вы, доктор, знали, как мне здесь надоело! Одни горы, скалистые вершины да небеса, то голубые, то серые, то совсем темные от туч. А когда настает здесь зима, вовсе скучно. Кругом белая пелена, ветер завывает где-то в ущельях, есть от чего с ума сойти!..

— Зимой здесь, должно быть, страшно холодно, — заметил Горнов.

— Нет, холода не так велики, какие можно было бы ожидать. В Бломгоузе ветра не чувствуются. Они там запирают какие-то двери, чтобы ветер не носился по ущельям.

— Неужели так-таки запирают целые ущелья?

— Да нет же! Наша долина со всех сторон ограждена горами, проходы в соседние ущелья давно все заложены...

— А как же попадают в соседние места? — прервал Руберг. — Мы приехали сюда на поезде?..

— Ах, какой вы несносный, — улыбнулась француженка в сторону доктора, — все перебиваете меня. Слушайте. Через горы есть туннели. Их и запирают, когда нужно. Поняли?..

— Плохо, *m-elle* Софи. Вы плохой наставник, — школьничал студент.

— Дерзкий мальчишка! — вскричала учительница: — он осмеливается грубиянить!.. и кому? мне. — Вот я вас!..

И она помчалась за убегавшим студентом. Через минуту оба были около Руберга, запыхавшиеся и уставшие от быстрого бега.

— Вот что, дети, — сказал Руберг, — все это хорошо, но надо заранее решить одно важное дело, подите-ка сюда. — Как же мы убежим отсюда? — спросил он шепотом, привлекая к себе обоих молодых людей.

— Я уже думала об этом, — тихо ответила Софи, — надо бы поговорить с Березиным. Он лучше нашего знает, как отсюда можно убраться.

— Он и слышать не хочет о бегстве, — отвечал Руберг. — Я указывал ему на опасность еще тогда, когда он был болен. А уж раз он сказал, то так и будет.

— Не беспокойтесь, он теперь изменил свое мнение, — сказала француженка, лукаво блеснув в сумерках глазами.

— Сам будет торопить.

— А вы почем знаете? — спросил доктор.

— Вы — слепой, что этого не видите. Где Кэт, по-вашему? — поставила она прямо вопрос, глядя на Руберга.

— Ага... понимаю, — протянул доктор. — Итак, вы думаете...

— Что Березин сам будет желать того же, что и мы...

— Вы так уверены, м-elle? А если мисс Кэт не согласится?..

— Кэт!.. Ха-ха-ха! Да я за нее отвечаю, как за себя. Кэт все сделает, только бы угодить Березину. Она так, бедняжка, измучилась за это время сомнениями в его постоянстве...

— Значит, его привязанность не считается искренней?

— Нет, не то. Просто не было причин считать себя вправе на его привязанность, а теперь такие причины, без сомнения, явятся.

— Наша задача упрощается. Но как «это» сделать? На чем выбраться за пределы гор? Нельзя же с женщинами идти пешком, да это было бы безрассудно...

— А вы забыли аэропланы? — чуть слышно прошептала Софи доктору. — Надо научиться ими управлять, Березин-то здесь и необходим. Он один может это сделать.

— Совершенно верно, — подтвердил доктор. — Я, было, и забыл о нем. Но надо все держать в тайне. Одно неловкое слово, жест — и все погибнет. Нас разъединят.

— Положитесь на меня, милый доктор. Я — не выдам тайны. У Кэт тоже нет привычки болтать. Она со всеми молчалива, даже с дедом. А вы?

— За нас не беспокойтесь, — отвечал Руберг, — мы видывали еще не такие виды. Только опасайтесь одного — Гобартона: у него проницательный взгляд, он и без слов все узнает.

— На всякого мудреца довольно простоты. На то мы и женщины, чтобы провести хоть десять Гобартонов. Я предупрежжу Кэт, чтобы она не выдавала своих чувств. Но вы

все берегитесь. Он способен подстроить вам какой-нибудь подвох. Держите, пожалуйста, оружие при себе. У вас оно есть?

— Только наше, т. е. европейское, ружья, ножи и револьверы.

— Так имейте при себе револьверы, в особенности когда выходите из дома. Никого не подпускайте к себе близко. Я же, в свою очередь, запасусь кое-чем из лаборатории м-ра Блома.

— Разве вы можете туда входить?

— Во всякое время. Я говорю про домашнюю лабораторию, помещающуюся во дворце, рядом с кабинетом. Она только двумя комнатами отделяется от моей.

— Следовательно, надо готовиться и готовиться не на шутку к скорому отъезду? — проговорил Горнов.

— Да, если тому не помешает Гобартон, — докончил доктор.

Студент пристально посмотрел на Руберга и уже взволнованным голосом спросил:

— Вы серьезно его опасаетесь, Федор Григорьевич?

— Серьезнее, чем кого-либо когда-нибудь. Припомните-ка случай с Николаем Андреевичем: смерть витала над ним. Не дай Бог, если он теперь заподозрит об истинных чувствах мисс Кэт к инженеру, тогда он способен нас всех отправить на тот свет.

— О, это было бы огромным несчастьем, которого я не перенесла бы, — сказала Софи, бросив томный взор на студента.

— Чтобы этого не случилось, надо бороться, — ответил доктор.

— Бороться до конца за свое счастье! — поддержала француженка.

— И добавьте: за свою жизнь! — заключил Горнов.

Все крепко пожали друг другу руки.

На средней аллее показались два силуэта: то были Бerezин и Кэт.

Часть третья

ПОСЛЕДНЯЯ БОРЬБА

I.

Митинг в Калькутте

Ослепительно яркое тропическое солнце еще не достигло зенита. Оно изливало свои лучи на землю, где от нестерпимой жары, казалось, должно было бы попрятаться в норы все живущее, чтобы не сгореть заживо. Однако разноцветная, многошумная толпа, заполнившая всю площадь от края до края, не думала обращать внимания на губительные солнечные лучи, раскалившие почву и стены бэнглоу так, что они представляли из себя одну огромную пылающую жаром плиту.

Многоголовая гидра, называемая толпой, волновалась, как море. Людские волны были в непрестанном движении. Белые, синие, красные и зеленые тюрбаны на головах издали напоминали цветник, но цветник живой, волнующийся. В толпе, по благородной осанке и высокому росту, без труда можно было сейчас же отличить раджпутов в серьгах и ожерельях, сикхов с умными выражениями лиц, обрамленных белым тюрбаном, смуглых сингалезцев, едва прикрытых одеждой и парсов с черными уборами, наподобие митр. Огромное количество высоких, стройных чалмносцев часто прорезывалось белыми пятнами темнокожих, крепких бабу с непокрытыми головами, не боящими-ся солнца.

Иногда индусская толпа расступалась, чтобы дать дорогу важно выступающему брамину в белой одежде или надменному англичанину, а затем опять тесно смыкалась.

Вот среди народа произошло движение. Носители тюрбанов поспешили стесниться к средине площади, где над головами всех поднялся человек, видимо, намеревающийся говорить. В стороне, там, где площадь кончалась, сирот-

ливо стояла кучка людей в европейских костюмах, беседующих между собою. Среди них были две дамы.

— Так вы думаете, что Англия не поддержит Турцию в ее войне с Италией? — говорила по-французски маленькая брюнетка, смотря на живописную толпу.

— Не только в войне, а даже и в мире, — смеясь, ответил плотный господин с бородкой, в котором без труда можно было узнать доктора Руберга. — С какой стати Англия будет вмешиваться в эту борьбу?

— Но ведь вот ее подданные — мусульмане — из сочувствия к своим единоверцам требуют окончания войны. Вы видите, они охвачены серьезным негодованием. С мусульманским населением Индии шутить не приходится, с его мнениями надо считаться.

— Взгляните-ка, m-elle, туда, что вы там видите? — сказал молчавший до сего времени высокий, стройный европеец с черными глазами, указывая рукой поверх линии домов, где вдали, ясно вырисовываясь в безоблачной синеве неба, виднелись высокие, крепкие стены с жерлами пушек.

— Что там? Очевидно, крепость, — заметила француженка, взглянув по указанному направлению.

— Да, форт Вильям, — повторил высокий европеец, в котором читатель, без сомнения, уже узнал инженера Березина. — Форт господствует над всей Калькуттой и в нем англичане имеют такой аргумент против мусульман всей Индии, что им не остается возразить ничего.

— Неужели, мистер Березин, мои соотечественники решатся на это? — заметила с ноткой беспокойства в голосе другая молодая дама, стоявшая рядом с инженером.

— Ваши здешние соотечественники еще и не на это способны, — жестко сказал инженер. — Вспомните-ка восстание индусов в 1860 году? Сколько жителей было расстреляно в Каунпуре, в Дели и других городах. То же будет и с мусульманами, если они в своих желаниях пойдут дальше выражения словесного протesta против турко-итальянской войны.

— Ах, не говорите ужасов, мистер Березин! Взгляните-ка лучше на оратора, который, очевидно, произносит речь

в защиту мусульманства, — сказала француженка, указывая на площадь.

В центре толпы человек в зеленой чалме ораторствовал, усиленно жестикулируя. Притихшие людские волны с напряжением слушали речь оратора и по окончании ее стали шумно выражать свое одобрение.

Ни русские, ни их спутники из сказанного не поняли ни слова. Но им было приятно присутствовать при востор-

женном подъеме духа пестроцветной восточной толпы, обычно сумрачной и несклонной к шумному выражению своих чувств. С истинным удовольствием они следили за проявлением жизни в этой незнакомой, сказочно-яркой, красочной стране.

Но как попали наши путешественники в столицу Индии из Бломгоуза, затерянного в суровых горных цепях Гималаев?

Дело было просто. Мистер Блом решился в одну из очередных поездок в Индию, с которой он поддерживал регулярные сношения, взять с собою женщин, трех русских и Гобартона.

Они совершили прекрасное путешествие, редчайшее по открывающимся с высот картинам природы. «Левиафан» плавно поднялся из своего убежища и, работая одним пропеллером, направился к югу. Дикие скалы и снежные вершины сменялись глубочайшими долинами, где с шумом стремились бурливые потоки. Скоро показались зеленые склоны гималайских нагорий, спускающиеся к Пенджабу. На тучных пастбищах бродили огромные стада домашнего скота.

Внизу путь аэроплану пересекла широкая серебристая лента реки. Мистер Блом сообщил путешественникам, что это виден Инд, с верховьев которого можно проникнуть в Бломгоуз. Чарующая природа «страны чудес» развертывалась перед взорами путников. Густолиственные леса сменялись возделанными нивами. Часто попадались людские селения, на самом деле отделенные друг от друга десятками миль. Внизу, на земле, очень трудно покрыть большое расстояние, и путешествие там было бы затруднительным и опасным ввиду многочисленного зверья, таящегося под зелеными сводами тропического леса. Но огромная птица со своими пассажирами летела вперед легко и свободно. Пассажиры чувствовали себя превосходно, будучи в полной безопасности от тигров и пантер прославленных индийских джунглей.

Все были чрезвычайно оживлены, за исключением мрачного Гобартона. Доктор заполнял свободное время рас-

сказами о своих приключениях во время охот на буйволов и слонов в Африке.

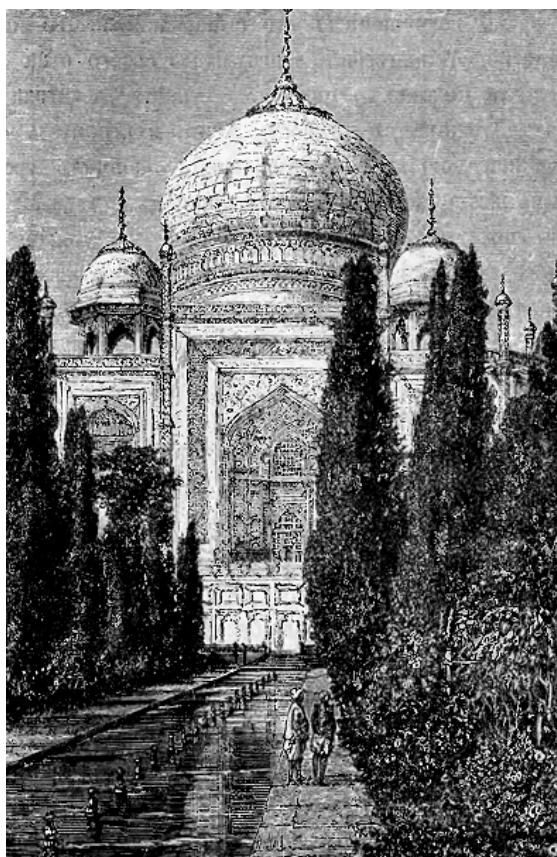
Софии и ее нареченный, Горнов, ежеминутно тормошили добродушного холостяка, не давая ему ни отдыха, ни срока. Мисс Кэт, веселая и как будто еще похорошевшая, часто обращала свои взоры, полные любви и восторженности, на Николая Андреевича, которого доктор уже успел прозвать на корабле «дамским угодником». По правде, инженер и не заслуживал этого наименования, потому что он угождал лишь мисс Кэт, оставляя в стороне француженку. Последняя, заметив необычное состояние молодых людей, связанных невидимой нитью друг с другом, несколько раз шепотом предупреждала Кэт, прося ее не выдавать перед всеми своих чувств. Кэт краснела, давала слово быть осторожнее, но через час-два предостережение забывалось, и томный взгляд летел к инженеру.

Гобартон замечал эти взоры и становился еще мрачнее и задумчивее. Он часто уходил в капитанскую рубку, оставаясь там подолгу. Только один человек на аэроплане не хотел или не мог ничего видеть и замечать; это был мистер Блом, всегда одинаково корректный и ровный ко всем. В свободное время он с удовольствием слушал доктора, продолжал беседовать по разным вопросам с Березиным, причем последний не упускал случая ознакомиться со способами управления воздушных кораблей.

Путь направляли на Калькутту через Лагор, Дели, Агру, Кауниур, Бенарес и другие древние города когда-то богатого Индусского царства. Останавливались всего один раз около Агры для того, чтобы взглянуть на жемчужину восточного творчества, — великолепный мавзолей Тадж-Магал, сооруженный одним из Великих Моголов — Шах-Джahanом.

Еще издали чудеснейшее произведение индусского искусства, утопающее в зелени сада, поразило взоры путешественников своей воздушностью, красотой стиля и полнотой художественной законченности. Эти купола, минареты, колонны, террасы, все из чудного белого мрамора, выс-

тупали перед ними на фоне тропической растительности, как величественное и изящное виденье рая.

Тадж-Махал

Но внутренность мавзолея превосходила всякое ожидание. Саркофаг Шах-Джахана и его жены, равно как и стены зал, сверкали мозаичными цветами и надписями тонкой артистической работы из яшмы, ляпис-лазури, агата и других ценных камней. Цветы были настолько натуральны,

что их легко было принять за живые: словно лишь вчера сорвали и положили их на этот белый атлас мрамора.

— Какая прелест! Какое дивное сочетание цветов! Эта мечеть, действительно, чудо искусства! — неслось со всех сторон.

— Этим мавзолеем Шах-Джахан хотел создать памятник своей жене, — говорил мистер Блом. — Я могу вас ознакомить с легендой о происхождении этого дивного сооружения.

— О, пожалуйста, пожалуйста, мы вас просим, — заговорили все.

— Много лет прошло с тех пор. Великие Моголы владели Агрой и большей частью Индостана, — начал свой рассказ ученый. — Велик и славен был восточный император Шах-Джахан, обладавший несметными сокровищами, чудными дворцами, зелеными садами, стадами слонов и лошадей. Но не столь радовалось сердце Великого Могола обладанию престолом, тысячами подданных, сотнями боевых слонов и всеми доступными человеку сокровищами мира, сколько сладко трепетало при мысли, что оно является властителем дум и обладателем прелестнейшей жемчужины Индии, цветка всего гарема — прекрасной Мумтузы... Повелитель мусульман сам был покорен глазами этой принцессы, названной им «светом мира».

В течение нескольких лет Мумтуза, она же принцесса Нур-Махал, доставляла отраду сердцу повелителя Востока. Неожиданно явившаяся смерть вырвала красавицу из рук ее мужа и унесла туда, откуда нет возврата. Горе Шах-Джахана по любимой жене было безутешно. Сильна была любовь его к Мумтузе, и решил он поставить ей такой памятник, который настолько бы превосходил все другие, насколько сама Нур-Махал была выше всех женщин.

Шах-Джахан созвал лучших мастеров Индии, предоставил им тысячи рабочих и драгоценнейшие материалы, какие только мог достать. Белый мрамор добывали в Кандагаре, красный гранит привозили из Мейварских гор, карнолин, агат, яшму, ляпис-лазурь — отовсюду.

Почти пятнадцать лет ушло на постройку Тадж-Махала и израсходовано более 25.000,000 — громадная сумма по тому времени. Шах-Джахану удалось воплотить в мраморе свою мечту об образе очаровательной Мумтазы. Он имел намерение на противоположном берегу Джумны поставить такой же монумент из черного мрамора и соединить их мостом, но замыслы его были прерваны возмущением его сына, знаменитого впоследствии Ауренгзеба, свергнувшего своего отца с престола Великих Моголов. Ауренгзеб заточил Шах-Джахана в крепость Агры, и строитель величайшего по красоте сооружения окончил свою жизнь пленником, оставшись верным памяти Мумтазы даже после смерти: перед ее наступлением он в первый и последний раз обратился к преступному сыну с просьбой положить тело его рядом с прахом своей любимой, ненаглядной Нур-Махал.

Путешественники, будучи в восхищении, еле могли поверить, что Тадж-Махал — работа простых смертных. Не выразимая красота этого здания, любующегося водами голубой Джумны, превосходила все виденное до сих пор европейцами. Инженер признался, что ни одно произведение искусства, ни итальянские базилики, ни огромные соборы, вроде Кельнского, Страсбургского или Св. Петра в Риме, ни произведения последних веков не произвели на него такого чарующего впечатления, как неизвестно кому сооруженный Тадж-Магал.

— С этой драгоценностью, — сказал после осмотра мистер Блом, — может сравниться, и то отчасти, мечеть Моти-Месжид, выстроенная Великим Акбаром, мусульманским царем — Соломоном.

Осмотривать Месжид было уже некогда. Все успели по дороге, усеянной остатками циклопических построек, обломками мраморных колонн, гранитных стен, к саду Шах-лимара, за которым остановился воздушный корабль.

Через сутки «Левиафан» витал уже над Калькуттой, столицей и опорой Британского владычества в Индии. Дождавшись темноты, корабль опустился в развалины одного загородного храма.

Через два часа после спуска путешественники находились в бэнглоу — каменном доме без рам, как и все жилые помещения в Индии. Бэнглоу был окружен тенистыми садами, в которых бананы занимали десятки сажен, а кокосовые пальмы упирались верхушками в самые небеса.

Но возвратимся к нашим героям, присутствующим в качестве зрителей на мусульманском митинге протеста против действий Италии.

— Ну и жара, — говорил доктор, непрестанно отирая пот, крупными каплями выступавший па его красном лице и такой же шее. — Не пора ли нам пойти в свое бэнглоу?

— Нет, нет! — запротестовали дамы. — Мы хотим осмотреть европейский город, тогда и возвратимся все вместе.

— Кстати, и митинг кончается, — проговорил Горнов.

Замечание оказалось верным — митинг кончался, ораторов не было видно, разноцветная толпа зашевелилась и скоро потекла по всем улицам.

— А, мистер Гобартон! — раздался голос доктора: — чем можете нас порадовать? Нет ли каких свежих новостей? — задал он вопрос подходившему англичанину. Все обернулись: на лицах большинства было написано недовольство, только доктор и Березин сохранили свое обычное выражение.

— Новостей никаких нет, доктор, — ответил Гобартон. — Но мистер Блом просил меня передать вам, мистер Березин, — обратился он к инженеру, — его желание видеть вас немедленно.

— Вы не знаете, зачем я понадобился мистеру Блому? — спросил Николай Андреевич.

— Не знаю, — сказал Гобартон, — может быть, он хочет дать вам поручение.

— Хорошо, я иду. Но как же быть с проводником? Ведь вы не имеете намерения возвратиться домой, — сказал он остальным спутникам, — следовательно, проводник вам нужен?

— Да, да, мы еще намерены погулять, — подтвердили все.

— Я вас провожу, — предложил английский инженер. — Я дорогу знаю, — закончил он, странно блеснув глазами, на что окружающие не обратили внимания.

— Вот и хорошо, — обрадовался Березин. — До скорого свидания, господа, — заключил он, направляясь с Гобартоном в ближайшую улицу.

Оставшиеся европейцы, насмотревшись на разнокалиберную толпу, двинулись к европейской части города в предствии рослого индуза.

II.

У вице-короля Индии

Два инженера, разговаривая, быстро подвигались вперед среди людского потока. Цветные чалмы, одеяния и сами лица мелькали, как в кинематографе, слепя глаза быстрой сменой цветов. Женщины в блестящих сари* с кольцами в ушах, а иногда и ноздрях, с обнаженной грудью, сменялись гордыми раджпутами с длинными волосами или темными, как эбеновое дерево, сингалезами. Простоволосые и едва одетые бенгальские бабу, как стрижи, прорезывали толпу во всех направлениях, вечно торопясь куда-то. И все это разговаривало, кричало, жестикулировало, находясь в беспрестанном движении.

В узком переулке толпа еще более сгустилась. Впереди, очевидно, встретилось какое-то препятствие. Еще минута и оказалось, что там, около высокой каменной стены, происходит борьба. Мелькали десятки полуторальных человеческих тел. Поток захватил двух европейцев, неожиданно очутившихся в самом центре схватки.

* «Сари» — подобие юбки (*Прим. авт.*).

Николай Андреевич хотел податься назад, взглянул направо и увидел, что Гобартона рядом уже не было. Вместо него около инженера очутились высокие фигуры полуодетых индусов. Один из них смотрел на инженера особенно выразительно. Николай Андреевич сунул руку в карман за револьвером, но его стеснили и вытянуть револьвер он не мог. В тот же момент Березин почувствовал, что его шею что-то обвило и сознание его покидает. Полузадышанный, он упал на руки индусов. На него накинули неизвестно откуда появившийся кусок ткани. Четверо индусов подхватили инженера и с быстротой направились в проезд ближайшего двора, обнесенного каменными стенами.

Схватка сама собой прекратилась, борющиеся исчезли, движение восстановилось.

Гобартон стоял посреди улицы. Он окинул взором все пространство, и удовлетворенная улыбка растянула его рот. Березина нигде не было видно.

Англичанин обратился с вопросом о русском путешественнике к полисмену на ближайшей улице. Ответ получился отрицательный: «не видали».

Со спокойной совестью явился Гобартон к мистеру Блому, который в наиболее прохладной комнате занимаемого ими бэнглоу писал записки.

— Разве мистер Березин отказался идти с вами? — спросил ученый, не отрываясь от своей работы.

— Нет, он отправился со мной, но по дороге с ним случилось несчастье, — ответил инженер.

— Несчастье!.. Опять несчастье? и с вами?.. — мистер Блом вскочил с сиденья, сверкнув глазами на Гобартона. — Расскажите, что случилось?..

Гобартон спокойно выдержал этот взгляд. Потом изложил все в порядке, утаив только свое промедление в погоне за индусами.

— Вы думаете, его похитили?

— Полагаю, что так, или случайно ранили в свалке и, испугавшись ответственности, решили взять его с собой, чтобы покончить с ним в укромном месте.

— Какая же цель может быть у похитителей и кто они?

— Может быть, надеются получить большой выкуп, если это простые разбойники. А может быть, и служители Шивы.

— Поклонники богини Кали, секта тугов-душителей?

— Да, они. Это всего вероятнее.

— Что им сделал Березин, русский, не имеющий никакого отношения ни к индусам, ни к англичанам?

— Поступки тугов всегда скрыты от взоров непосвященных. Может быть, за ним давно следили. А впрочем, не придавайте моим словам значения, мистер Блом, это лишь одни догадки, совершенно ни на чем не основанные.

— Хорошо, — отвечал мистер Блом, — идите. Я позабочусь о розысках моего гостя. Надеюсь, еще успею.

Гобартон поклонился и вышел, пробормотав сквозь зубы: «Поищи, попробуй, удастся ли».

Как только он вышел, старый ученый весь преобразился: лицо омрачилось думой, он стал нервно ходить по комнате, напускное спокойствие исчезло. Затем он остановился, достал из внутреннего кармана пакет и переложил его в парадное платье.

Спустя десять минут мистер Блом, одетый во все черное, поднимался по высокой, богато украшенной лестнице внутрь дворца наместников Индии.

Вице-королю, лорду Гардингу, доложили, что некий англичанин, доктор Блом, настойчиво просит назначить ему немедленную аудиенцию.

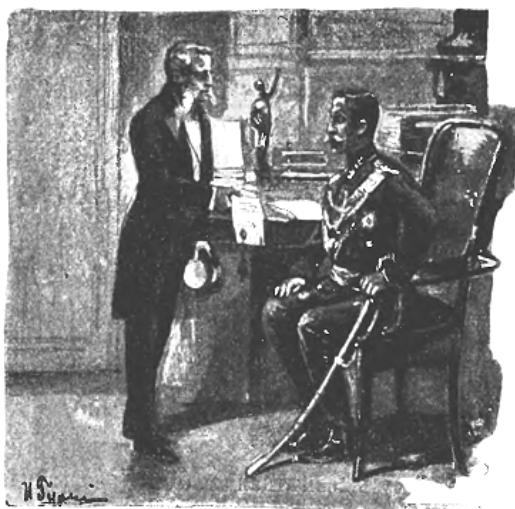
Лорд Гардинг, мужчина на вид лет шестидесяти, со строгим выражением лица, с минуту подумал, затем принял официальный вид и велел просить.

Ученый вошел в кабинет, вежливо, но с достоинством поклонился. Вице-король ответил тем же, но сесть не пригласил.

— Вы желаете что-то сообщить? — высокомерно обратился лорд Гардинг к вошедшему. — Если вы хотите оказать услугу правительству, будьте уверены, что оно вас не забудет.

— Я это знаю, — начал холодным тоном мистер Блом.
— И явился просить об одной услуге: сегодня, менее часа тому назад, пропал или, может быть, похищен с улицы Калькутты мой гость, русский инженер Березин. Прошу вас, сэр, примите все меры к его отысканию.

Сэр Гардинг поднял на мистера Блома свои холодные глаза, и во взоре его ясно читался вопрос: «Не с ума ли вы сошли, что являетесь ко мне с таким пустяком?»

Вслух же он сказал:

— С этой просьбой вы должны были явиться к начальнику калькуттской полиции.

— Я бы так и сделал, — нисколько не смущившись, заявил мистер Блом, — если бы речь шла об обыкновенном лице, но в данном случае задеты весьма важные интересы. Если бы пришлось в поисках моего гостя перевернуть не только Калькутту, а даже и всю Индию — прошу вас, сэр, не останавливайтесь перед этим.

Сэр Гардинг все более и более удивлялся развязности своего гостя, осмелившегося давать ему советы, ему — вице-королю Индии!..

— Предлагаю вам обратиться с вашими просьбами к начальнику полиции, — произнес он, вставая с места и давая этим знать, что аудиенция кончена.

Легкая, чуть заметная улыбка скользнула по лицу старого ученого. Он не думал сдаваться так легко.

— Так вы отказываете мне в вашем содействии? — задал он вопрос вице-королю.

— Не отказываю, но предлагаю обратиться к начальнику полиции.

— Тогда я вынужден предъявить вам вот это, — сказал мистер Блом, вынимая из пакета лист пергамента и подавая его лорду Гардингу.

Последний взял лист в руки и лицо его изменилось. В листе, украшенном великобританским гербом и печатью, стояло всего несколько строк:

«Предписываю всем должностным лицам и учреждениям Великобританского Королевства, где бы они ни находились, оказывать всевозможное содействие предъявителю сего, доктору Блому.

Король Великобритании, Император Индии
ГЕОРГ.

Премьер-министр АСКВИТ».

Вице-король был поражен. Он едва нашел в себе силы предложить мистеру Блому кресло и позвонить.

Вошел слуга и, точно статуя, застыл у двери.

— Попросите сюда лорда Кармикаэля, — приказал вице-король.

Слуга скрылся. Через несколько минут явился лорд Кармикаэль, губернатор Бенгалии. Он поздоровался с Гардингом и, как старому знакомому, пожал руку мистеру Блому.

Сэр Гардинг в двух словах передал просьбу мистера Блома, дав при этом письменный приказ начать немедленно самые тщательные поиски.

Губернатор, отдав приказ по телефону, с оживлением слушал рассказ старого ученого об обстоятельствах, сопровождавших похищение русского инженера, и в заключение спросил:

— А нельзя нам хорошенько допросить вашего мистера Гобартона — мы находим иногда средства развязывать языки?

— Как! вы хотите допрашивать его «с пристрастием»? — проговорил мистер Блом, недоумевающе взглянув на Кармикаэля.

— Мысль недурна, — заявил вице-король, желая усердием оправдать свое недавнее отношение к ученому. — Следовало бы привести ее в исполнение.

— Нет, — сказал ученый, — этого я позволить не могу. Ищите, где хотите и как хотите, но не трогайте моих инженеров.

— Следовательно, вы вполне доверяете Гобартону? — поставил вопрос ребром бенгальский губернатор.

— Я еще сам не решил этого вопроса, — откровенно заявил ученый, — но пока он нужный мне человек, т. е. нужный всей Англии.

— А, тогда конечно, — согласился лорд Кармикаэль.

Вице-король слушал и не верил своим ушам: этот скромный на вид человек говорит о своих делах и о себе, как делах всей нации. Свободно говорит о том, что он вот то-то разрешает, а то-то воспрещает. Да что же он, наконец, такое??!

Бедный наместник совсем терял голову и облегченно вздохнул, когда мистер Блом, еще раз повторив свою просьбу, откланялся и вышел.

Сэр Гардинг прислушался, когда затихнут его шаги, и сейчас же обратился к Кармикаэлю:

— Вы знаете этого доктора? Откуда он взялся? Что это за человек, так свободно обращающийся с представителями власти, как будто имеет на то право?

— А разве он вам не доказал, что имеет его? — напомнил губернатор о бумаге с подписью короля.

Сэр Гардинг слегка покраснел и спросил:

— Разве вы тоже видели этот документ? Где и когда?

— Я видел еще и другой, но, к сожалению, сообщить об этом ничего не могу, это — государственная тайна.

— Даже для меня?!! — И в голосе вице-короля послышалось негодование.

— Не только для вас, сэр, а даже для членов королевского дома. Я не могу больше прибавить ни одного слова. Только скажу одно: повинуйтесь мистеру Блому без возражений и колебаний, как повинуюсь я...

— Чтобы я стал повиноваться какому-то авантюристу!..

— Не авантюристу, а знаменитому ученому, сэр, — гордо сказал Кармикаэль. — Боюсь, как бы он не узнал о ваших горячих словах: он вас уничтожит как былинку.

— Да что же он, наконец, такое — Люцифер, Мефистофель? что обладает таким могуществом?.. — вскричал вице-король.

— Больше, — коротко сказал губернатор и, подойдя к самому уху Гардинга, тихо добавил: — Говорят, этот человек летает по воздуху, как птица, и свободно двигает горами...

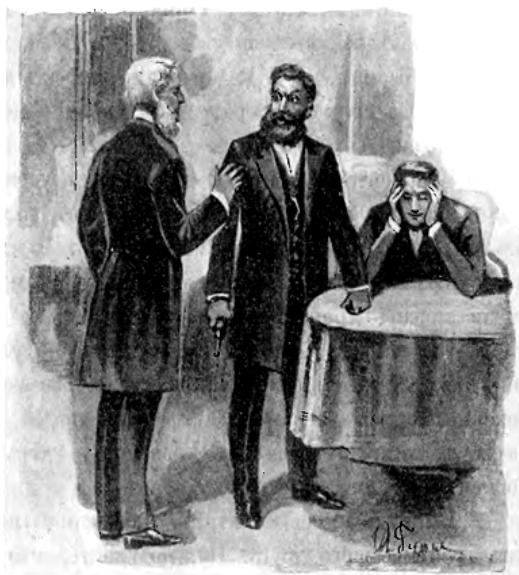
Сэр Гардинг посмотрел на Кармикаэля с ужасом, как будто уже сейчас видел перед собою одну из двигающихся гор, про которые губернатор говорил с такой уверенностью: голова его никак не могла вместить наплыва новых, никогда не изведанных мыслей страха перед неизвестностью.

Кармикаэль откланялся, а сэр Гардинг спросил себе стакан воды.

Междуд тем, компания с доктором Рубергом во главе весело возвращалась домой, предвкушая отдых в прохладном бэнглоу. Молодые девушки, щебеча, как птички, первые вбежали на высокую каменную лестницу. Кэт прошла к деду, но его не оказалось, равно как и обоих инженеров. Все решили, что они с мистером Бломом удалились по какому-либо делу, и потому в ожидании их вся компания расположилась в одной из высоких, недоступных солнцу комнат, где воздух, приводимый в движение огромной пункой, навевал благодетельную прохладу.

Ученый прибыл только через час. Мы не будем описывать здесь ни горя студента, ни ярости доктора, ни молчаливого отчаяния мисс Кэт, охвативших всех этих честных людей при известии об исчезновении Березина. Француженка, не желал выдавать тайны своей подруги, постаралась увести ее во внутренние комнаты. Мистер Блом, передав все случившееся в нескольких словах, старался успокоить Руберга и Горнова, взволнованных до последней степени.

— Я убью его, этого Гобартона! — кричал доктор, хватаясь за револьвер. — Он нарочно погубил Николая Андреевича!..

— Успокойтесь, доктор, — говорил ученый, беря врача за руку. — Поверьте, ваш друг мне так же дорог, как и вам. Приняты все меры к его отысканию, вся полиция поставлена на ноги, он не может пропасть. Мы его отыщем.

— Где вы его найдете, Калькутта — не уездный город; среди здешних храмов и развалин спокойно можно затерять целую сотню людей. Но я требую, я прошу возмездия Гобартону, здесь не обошлось без его участия!..

— Вы ошибаетесь, доктор, Гобартону незачем губить вящего друга. Ну, подумайте, что вы говорите, — не соглашался мистер Блом, а в глубине души и у него шевелилось сильное сомнение относительно чистоты намерений Гобартона.

— Нет, я уверен, — настаивал Руберг, — что он завидует успехам Березина. Недаром он является его злым гением.

— Я проверю ваши догадки, — серьезно заявил ученый.

— Виновный, кто бы он ни был, со временем поплатится.

— Вот речь честного человека! — воскликнул доктор. — Но как же с поисками? Не надеюсь я на работу полиции. Мистер Блом, вы великий человек, вы могущественны, возвратите мне единственного друга!

— Доктор, — торжественно сказал мистер Блом, — даю вам слово, что я приму все меры к отысканию дорогого вам человека. Не пройдет и трех дней, как мы будем иметь или его самого, или его труп...

— Что вы хотите сделать, мистер Блом?

— Если завтра к полудню полиция не отыщет мистера Березина, я сам примусь за поиски. И горе тому, кто вздумает не подчиниться моей воле! Я, помимоластей, объявлю город в осадном положении и потребую у населения Калькутты выдачи инженера...

— У миллионного населения?! — изумился доктор.

— И если через три часа мое требование не будет исполнено, я разрушу до основания все храмы, все пещеры и тайные убежища! — с жаром докончил старый ученый, даже не заметив реплики доктора.

— Но этим вы откроете свое инкогнито? Европа узнает...

— Теперь мне не страшно мнение Европы. Почему — вы видели в Бломгоузе. Баш друг мне дороже всего остального мира, и теперь не время сентиментальничать. Я — царь природы и повелитель людей! Когда мне не повинуются — я наказываю.

«Вот куда оно пошло, — думал доктор, оставшись один после беседы с ученым. — Вероятно, еще сделал какое-либо открытие и теперь чувствует себя повелителем мира, а, впрочем, правильно. Он и действительно достоин того». За-

тем мысли его приняли другое направление. Доктор думал о том, где может находиться его друг: жив ли он еще, — в тысячный раз задавал он себе вопрос и не находил ответа.

III.

В руках тугов-душителей

Березин почти потерял сознание. Он смутно чувствовал, что его подняли и несут. Босые ноги индусов мягко и бодро шлепали по земле. В рот Березину всунули кляп. Через некоторое время жаркая улица сменилась прохладой. Во влажном воздухе стали чувствоваться сырость и запах земли. Тело инженера приняло наклонное положение, индусы спускались вниз. Наконец они положили его на землю и удалились.

Николай Андреевич с трудом приходил в себя, мало-помалу сознание к нему возвращалось, и в первые минуты он старался постичь, где находится и что с ним. Кое-как он припомнил все происходившее на улице: Гобартона, схватку, полуоголые тела, свое похищение. Зачем и для чего? С присущей ему ясностью мысли инженер сразу увидел в этом козни Гобартона. Недаром предостерегали его друзья против коварного англичанина. Он мстил ему за влияние на Блома, за любовь его внучки к чужестранцу, за все. Теперь понятно, почему он так стремится уничтожить его: он видит в нем не только опасного соперника, но и похитителя своей невесты... — Бедная Кэт! Что-то она теперь делает, знает ли, что случилось с ее возлюбленным?

А его друзья? Известно ли им, что его схватили? Если знают, то уже подняли тревогу, наверное, его ищут. Ищут! Найдут ли?..

Эта простая мысль доставила Березину много горечи. Он понял, что он в настоящее время не более, как пленник. Инженер попробовал пошевельнуть руками. Они оказались свободными. Но весь он был закутан в кусок ткани и представлял из себя род тюка. Освободиться от материи было делом одной минуты. Приятно было размять уставшие члены. Где он находился, инженер понять не мог. Царила полная темнота, и жуткая тишина не прерывалась ничем. Где он? Березин сунул руку в карман: револьвера там не было. Или он выпал, или его вытащили похитители. Защищаться нечем. Тогда Березин вспомнил, что у него есть спички и он может осмотреться. Встав с каменного пола, пленник осторожно направился в одну сторону. Скорее он наткнулся на гладкую стену. Чиркнул спичку. Синеватый огонек осветил огромные, потемневшие от времени камни, из которых была сложена стена. Камера, где был заключен Березин, оказалась большая: шагов пятнадцать в длину и столько же в ширину.

Идя около стены, он скоро наткнулся на нишу, оказавшуюся входом. Вход был нагло закрыт толстой железной дверью. При свете спички инженер успел разглядеть частую клепку посередине двери и определил по размерам листов их толщину — около дюйма. Он толкнул дверь, она не поддавалась.

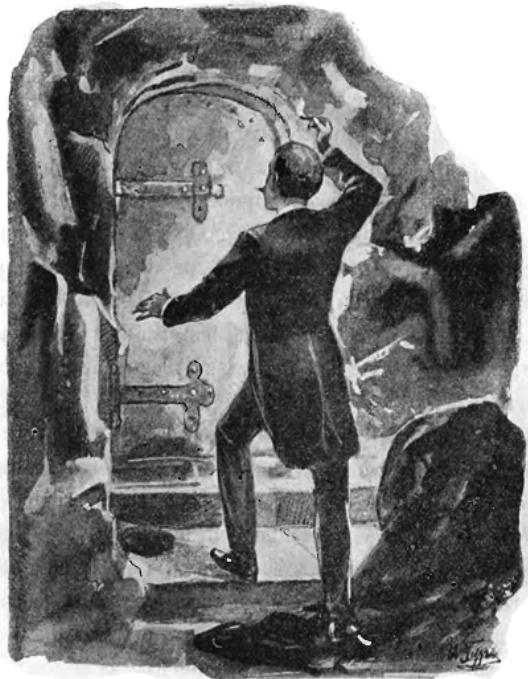
Не удовлетворившись поверхностным осмотром, пленник еще несколько раз обошел свою тюрьму. Не было видно ни входа, ни окна. Стены, ровные и гладкие, шли в вышину, а где они кончались, того при свете спички не разглядеть.

«Где я? — опять задал себе вопрос инженер. — С кем вошел в сделку Гобартон? с ловкими ли браминами, готовыми за деньги на все, или с служителями кровожадной богини Кали, удушающими своих жертв с помощью священного румала?* Но ведь, говорят, тугов уже давно не существует. Английское правительство уничтожило эту секту в ше-

* Шнур, употребляемым тугами для удушения (*Прим. авт.*).

стидесятых годах прошлого столетия. Так ли это? А если секта последователей богини Кали только скрылась от взоров англичан, а на самом деле продолжает существовать?»

И сердце Березина сжималось от ужасных картин, рисуемых встревоженным воображением. Наконец, он несколько забылся, на время не стал сознавать окружающего.

Звуки шагов за железной дверью и грохота отодвигаемых засовов привели его в себя. С шумом железная дверь распахнулась и, освещенные факелом, показались четыре полуторальных служителя. Их лица оставались в тени, а бронзовые мускулы от колеблющегося пламени факелов отчетливо выступали вперед и указывали на силу их обладателей.

Они подали знак, что надо следовать за ними. Инженер безмолвно поднялся с своего места, готовый ко всему. Двое служителей пошли впереди, освещая дорогу, двое шли

сейчас же за европейцем, готовые ринуться на него при малейшей попытке к бегству. Узкий коридор делал частые повороты. Два раза поднимались по лестницам и спускались по уклонам. Наконец, остановились перед глухой стеной.

Один из индусов отошел в сторону и что-то искал в стене. Огромный кусок камня, повернувшись, ушел вглубь стены. Оттуда показался красноватый свет. Факельщики понудили Березина пройти вперед. Он миновал толстые двери и остановился, пораженный мрачным величием открывшейся картины.

Он стоял в большом зале, футов двадцати в вышину. Два ряда массивных колонн поддерживали потолок. В глубине из полумрака выступало каменное изображение богини Кали, украшенное ожерельем из человеческих черепов. Перед идолом на возвышении стоял стол, за которым неподвижно сидели три фигуры, закутанные в белое. Ряд факелов, воткнутых в железные кольца колонн, зловеще освещал всю обстановку.

Инженер решил не показывать своего страха и, бодро направившись к столу, остановился в трех шагах от него.

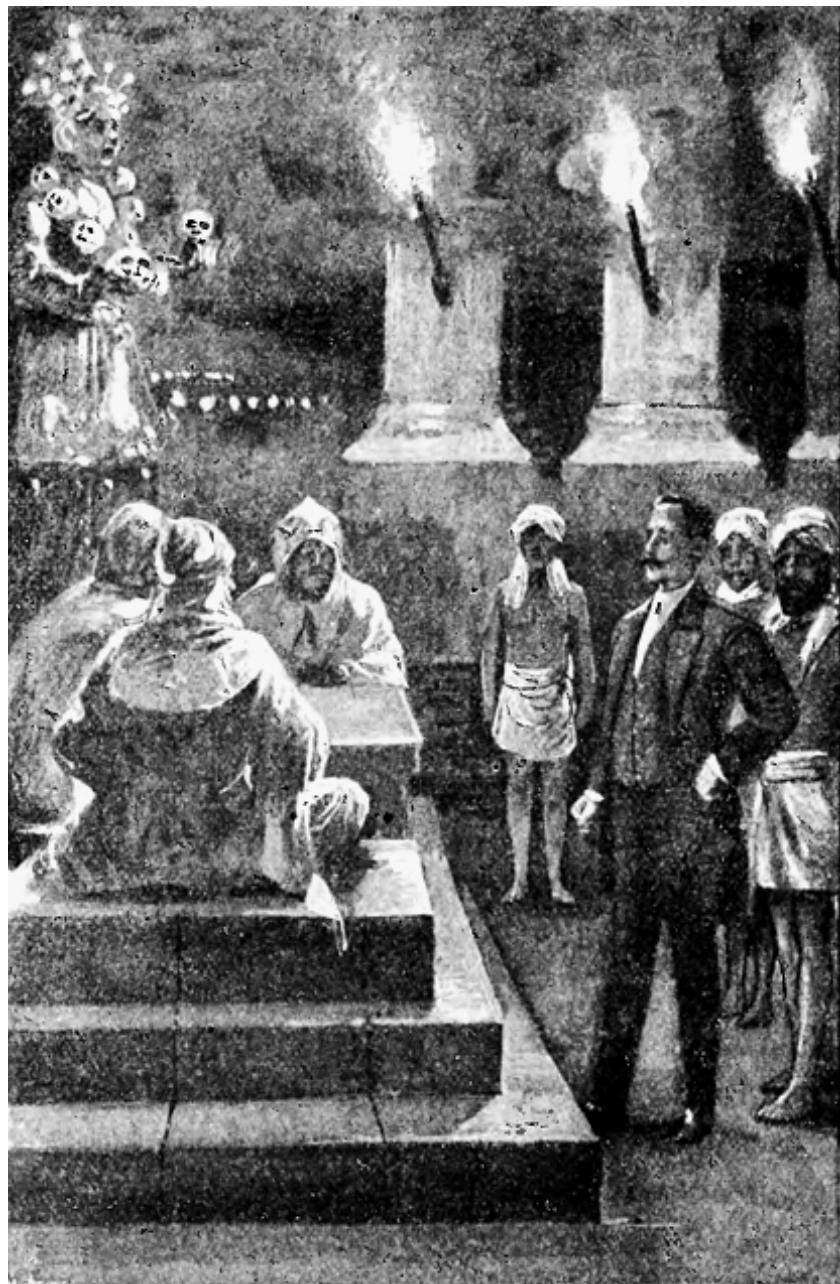
— Остановись, чужеземец, — по-английски заговорил средний из сидевших, — и склонись перед священным судилищем величайшей из богинь.

— Кто вы такие — с негодованием заговорил инженер, — что осмелились похитить меня, русского подданного?! На каком основании; кто вам дал на это право?!!

— Служители супруги великого Шивы не нуждаются в разрешениях на свои действия. Ты друг «беллати» (англичан) и помогаешь им угнетать поклонников Брамы. Ты явился в этот город с коварными целями!

— Ваши сведения неверны. Я не столько друг, сколько пленник тех, кого вы называете беллати. Против индусского народа я никогда не шел и не пойду.

— Ты говоришь неправду. Ты служишь презренным беллати, стараясь им помочь властвовать над детьми священной страны. Чем ты хотел достичь этой власти?

— Вам лучше следовало бы тогда схватить того, кто шел со мною — Гобартона. Почему вы не схватили его: ведь он принадлежит к расе ваших угнетателей? Я вижу, священный трибунал богини Кали не на высоте призвания, — саркастически закончил Березин.

— Ты умрешь, чужеземец, за то, что посмел насмеяться над великой богиней! — вскричал старший из трех. — Гобартон наш друг и не может сочувствовать вашим замыслам обратить в рабов всех индусов. Ты продался англичанам и указываешь им способы, как лучше поработить нашу страну!

Инженер стоял, слушая эту речь, с приложенной к груди правой рукой. Вдруг лицо его на мгновение просияло, чего в тени не заметили поклонники богини Кали. Рукой он нашупал на груди, во внутреннем кармане, какой-то твердый предмет. Почувствовав необычайный прилив бодрости, инженер решил не уступать трибуналу.

— Не я продался, — заявил он, — а вы — поклонники Кали — продались Гобартону! Он купил вас, теперь я это знаю!..

Судьи вскочили с своих мест с громкими криками на гортанном языке, сильно жестикулируя руками. Удар инженера был верен. Он попал в самую слабую струну шивайтов.

Движением руки старший из трех их успокоил. Все сели. Готовилось что-то страшное.

— За то, что ты не сознался в своих деяниях, оскорбил богиню Кали и ее трибунал, мы приговариваем тебя к смерти. Завтра в полдень тебя удавят священным платком. А до тех пор иди к себе и приготовься переступить порог вечности в чистоте, чтобы не сделаться бхутом*.

И члены трибунала, встав из-за стола, взяли из каменной чаши по щепотке красного порошка и посыпали его на жертвеннник перед кровожадной богиней.

Четверо стражей уже уводили Березина по той же дороге, по которой его привели. Пленник шел покорно и безмолвно, глубоко погруженный в свои думы.

* Душа умершего, делавшаяся злым духом (*Прим. авт.*).

Дверь с шумом распахнулась. Потому ли, что пленнику предстояла последняя ночь, или потому, что он тронул их сердца своей покорностью, индусы оставили ему факел, воткнув его в железное стальное кольцо.

Как только инженер остался один, невыразимая радость озарила его бледное, измученное лицо. Он подпрыгнул кверху на целый аршин, а потом, подошедши к факелу, вынул из своего внутреннего кармана блестящий предмет и стал его рассматривать.

Он вертел блестящую игрушку в руках и приговаривал: «Ах, доктор, милый доктор, спасибо тебе за догадку. Я мог бы без тебя погибнуть, а теперь мы еще посмотрим!»

В чем же был секрет веселости инженера? Она объяснялась очень просто: он увидел, что является обладателем чудесного револьвера мистера Блома, а силу его читатели уже знают. Руберг, почти против воли Березина, перед отъездом положил ему этот револьвер, говоря, чтобы он больше всего опасался Гобартона. Сам же доктор, как известно, получил такой револьвер от резвой Софи, тайно взявшей оружие в кабинете Блома.

Эта предусмотрительность друзей спасала теперь Николая Андреевича, совершенно забывшего в первые моменты, что он обладает чудеснейшим оружием в мире.

Предстояло решить важный вопрос: когда и где применить его, чтобы иметь полнейший успех? Дождаться ли той минуты, когда войдут тюремщики и напасть на них? Одного выстрела достаточно, чтобы всех их уничтожить. Но куда идти? Тюрьма находится глубоко под землей и выходы, по-видимому, нарочно запутаны. В этом лабиринте без путеводной нити легко остаться навеки.

Где должна будет совершиться казнь? Не выведут ли его на воздух? Это был бы самый удобный момент для освобождения. Однако, и тут могут встретиться препятствия. Если тугов будет слишком много, с ними трудно справиться. А вдруг тюремщики заранее пожелают связать ему руки? Весь план спасения нарушенится.

Инженер долго раздумывал, что предпринять. Мозг его лихорадочно работал, мысли проносились как резвые пти-

цы. Он отвергал их одну за другой. Наконец он решился. Обошел всю камеру, осмотрел еще раз все ее стены в надежде найти трещину или окно. Поиски были, как и в первый раз, бесплодны. Заключенный прислушался у двери: все было тихо, тюремщики едва ли считали нужным стеречь его за столь крепкими стенами.

Инженер решился на отчаянное средство — разрушить противоположную коридору стену громовым выстрелом. Встав в нишу двери, он направил пистолет в противоположную стену и нажал спуск... В тот же момент факел потух, раздался треск распадающегося камня. Инженера с силой бросило на дверь, отчего он чуть не потерял сознание.

Собрав всю силу своей воли, он постарался поскорей дать себе отчет в окружающем. Пистолет был в его руке. Дверь не открывалась. Кругом царила абсолютная темно-

та. Каменная пыль затрудняла дыхание. Он нашел факел, зажег его, и крик радости и удивления вырвался из его груди. Выстрел произвел страшное разрушение: в стене зиял пролом сажени в полторы в диаметре. Большие камни были с силой разворочены в стороны, мелкие осколки покрывали землю.

Инженер с трудом перебирался через зияющее отверстие. Уничтожение двухаршинной толщи стены, пробитой им, не принесло желанного освобождения. Он увидел, что опять находится в маленькой квадратной комнатке, футов десяти в стороне. Весь пол был завален обломками камней. Инженер искал отверстие. Такое оказалось под самым потолком, на высоте пяти футов от пола, в стене, противоположной пролому. Раздумывать было некогда. В любой момент в камеру могли явиться люди. Инженер ухватился за каменистый выступ окошка, поднялся на мускулистых руках и влез в темное отверстие.

Перед ним оказалась новая келья, такая же, как первая. В ней было много крупных пауков, они забегали по стенам, висли в воздухе и падали прямо на голову. Вековая пыль, покрывавшая стены, показывала, что эти комнаты редко ком посещались. Комната была во всем подобна первой, только против зиявшей у самого пола дыры, в которую проник Березин, на противоположной стене под потолком находилось новое отверстие, точно такое же, как в оставленной комнате.

Инженер, предполагая, что он находится глубоко под землей, счел за лучшее не останавливаться на попутни, а подниматься к поверхности таким оригинальным путем. Влезши в новое отверстие, он нашел третью келью, во всем подобную первым двум. И ему вспомнился читанный когда-то в юности рассказ о том, что индусами устраиваются таким образом потайные пути, пересекающие иногда целые горы.

За третьей комнатой следовала четвертая, за четвертой — пятая. Березин от постоянных усилий подниматься на руках до верхних отверстий уже начал уставать. Пройдя таким образом десять или двенадцать комнат, — он уже не

помнил их числа, — Березин заметил, что в новом окне как будто мерещится слабый свет. Он поспешил влезть туда и, потушив факел, увидал, что луч света падает из единственного окна под потолком. Радость узника была неописуемая. Он с нетерпением кинулся вперед. Перед ним явилась новая келья, вся залитая дневным светом, проникающим в узкое окно, заделанное толстой решеткой. Освобождение было близко. Но погоня за ним могла быть еще ближе. Ослепленный сиянием дня, инженер подошел к окну и с истинным наслаждением человека, избавившегося от неминуемой опасности, полной грудью вдыхал чистый воздух. Затем, напрягши всю свою силу, попробовал выдернуть один из прутьев решетки. Она не поддавалась.

Инженер в досаде обернулся, желая найти какое-либо орудие для взлома. Келья была пуста. Оставалось прибегнуть к револьверу, что было очень рискованно ввиду малых размеров помещения,ющего во время взрыва похоронить его под своими развалинами.

Инженер посмотрел на револьвер, потом на отверстие в полу. Он страшился прибегнуть к пистолету и решил использовать это средство лишь в случае крайней необходимости.

В этот момент где-то крикнул перепел.

Инженер прислушался.

IV.

Освобождение

Все обитатели бэнглоу провели вечер и ночь в страшнейшем волнении. Доктор вместе с Горновым много раз выходил из дома, бесцельно бродя по улицам города, около храмов и пагод.

Они подробно осмотрели двор, куда был унесен Березин. Он оказался проходным. Вся полиция Калькутты сблизилась с ног в поисках русского инженера. Он как в воду канул. Всю ночь к мистеру Блому каждый час являлись гонцы с результатами поисков. Они были весьма неутешительны.

Все известные пагоды, подземелья, пещеры, все притоны подозрительных лиц были обысканы. Сотни индусов были допрошены. По городу разъезжали патрули. Инженер исчез бесследно.

Кэт была безутешна. Она уже оплакивала своего жениха, считая его безвременно погибшим. Софи, вместе с доктором, вспомнивши о страшном оружии, находящемся в распоряжении инженера, старалась заронить в ее сердце слабую искру надежды. Все в доме ходили подавленные. Даже Гобартон выражал свое сочувствие по поводу несчастия «талантливого инженера», хотя на него никто не обращал внимания.

После томительной ночи наступило утро. Солнце выкатилось из-за горизонта, рассыпая всюду свои живительные лучи.

Доктор обратился к мистеру Блому, напоминая ему о его слове, данном вчера. Ученый в ответ смерил его взглядом:

— Я не забыл, — сказал он и сейчас же вышел.

Он направился во дворец вице-короля Индии. Там его приняли беспрепятственно.

Сэр Гардинг выразил свое сожаление по поводу бесплодных поисков.

Мистер Блом взглянул на него холодно.

— Будьте любезны немедленно объявить жителям Калькутты, что через пять часов я атакую город и разрушу его до основания, если они не выдадут мне инженера живого или мертвого.

Вице-король привскочил на месте, словно увидел рядом с собой ядовитую кобру.

— Вы!!! Вы разрушите столицу Индии!!! Н-но, это возмущение против власти!.. Я вас арестую!..

— Попробуйте, — с легкой иронией в голосе ответил мистер Блом. — Арестовать меня не так легко, если бы вы даже и имели на это право. А вы его не имеете.

— Я? я, вице-король, не имею права арестовать зачинщика возмущения?!! Да я сейчас...

— У этого зачинщика возмущения есть в кармане бумага с подписью короля, — хладнокровно произнес мистер Блом, поднося к самому носу сэра Гардинга вчерашний документ и тем приводя его в чувство.

Вице-король в изнеможении упал в кресло, отирая со лба холодный пот.

— Чего же вы хотите?

— Расклейте немедленно объявления на разных языках о том, что если в течение трех часов, считая с полудня, мне не выдадут инженера, живого или мертвого, я, Блом, разрушу город до основания, снесу все дворцы, пагоды, взор-

ву подземелья и не остановлюсь перед уничтожением всего населения.

— Даже и англичан?!!

— Даже и их, если они окажутся причастными к похищению.

— Но как же быть властям? Что нам делать?

— Повиноваться мне. Через два часа, — сказал старый ученый, вставая с места, — когда я поднимусь над Калькуттой на своем «Левиафане», будет уже поздно.

Вице-король при этих словах взглянул на уходящего с нескрываемым ужасом.

— Что делать? что делать?! — повторял он, когда мистер Блом покинул его.

А мистер Блом, явившись домой, приказал всем через полтора часа приготовиться в путь.

— Куда мы едем? — спросила француженка.

— На поиски инженера, — ответил старик.

Доктора и студента не нашли в бэнглоу. За ними послали слуг.

Руберг со своим молодым другом решили обойти все окраины, где были пагоды. Руберг вспомнил, что они с Березиным в былое время очень удачно подражали крику перепелов и так давали друг другу вести о себе. Доктор решил попробовать счастья. Бродя около пагод и разных развалин, он время от времени кричал по-перепелиному, надеясь этим подать инженеру, если бы он был близко, весть о себе.

Много зданий обошли они таким образом. Студент отнялся от доктора и пошел осматривать одиноко стоявшую погоду. Руберг остался у старой развалины, приращенной к самой скале, крикнул перепелом и ему послышалось, что где-то близко раздался ответный крик.

Доктор снова крикнул, и вновь ему ответил перепел... Руберг стал осматриваться. Невдалеке зияло оконце шириною фута в три и вышиной в два, заделанное толстой решеткой. Казалось, перепел кричал там. Руберг бегом направился к окошку и чуть не умер от счастья, когда в решетку чем-то постучали и оттуда раздался и крик перепела.

— Ты ли это, мой дорогой друг! — вскричал доктор, наклоняясь к окну и всматриваясь в бледное лицо инженера, подтянувшегося на руках до решетки.

— Я, мой славный Федор Григорьевич! Постарайтесь поскорей вырвать решетку и освободить меня. За мной может быть погоня, — отвечал радостно инженер.

— А оружие?

— Пистолетом Блома нельзя стрелять, помещение мало, а револьвера у меня нет.

— Вот тебе мой, стреляй в первую появившуюся рожу, — ответил сообразительный доктор, передавая ему оружие через решетку, — а я бегу за помощью. Наверное, близко есть патруль, тебя ищут по всему городу.

Доктор оказался прав. Менее чем через пять минут он заметил конный патруль и криками привлек его внимания.

ние. Англичане, узнав, в чем дело, поскакали за мастером, а часть их направилась к окну.

— Сейчас будет все кончено, — говорил доктор, — уже поскакали за мастером. Никто не появлялся в вашей двери?

— У меня не дверь, доктор, а лазейка, в которую можно проникнуть лишь одному человеку. Таких лазеек я сам мигновал штук пятнадцать.

— Да разве вы не здесь были заключены? — с понятным изумлением спросил Руберг.

— Футов на шестьдесят ниже, по моему расчету.

— На шестьдесят футов! Ниже?.. Где же вы были?

— Потом расскажу, дорогой друг. Сейчас я прямо не в состоянии...

— Виноват, трижды виноват, — спохватился Руберг, — я и забыл, что ты пережил. А вот и слесарь.

Через десять минут инженер, весь выпачканный в пыли, был на свободе и обнимал Руберга и Горнова. Англичане, узнав, кто перед ними находится, с чувством пожимали ему руки. Инженера, истощенного волнениями и суточным голоданием, посадили на коня, и все с торжеством направились в город.

Гобартон, первый увидевший процессию, побледнел от злости и чуть не упал в обморок. Но, сделав над собой огромное усилие, преодолел слабость и поздравил Березина со счастливым избавлением от опасности. Инженер не ответил, зато Руберг так сверкнул глазами на англичанина, что тот счел за лучшее немедленно стушеваться.

Мистер Блом отсутствовал: он был опять у вице-короля. Экспансивная Софи, увидев Березина, бросилась к нему на шею, а затем схватила за руку и потащила к своей подруге.

Доктор и Горнов остались одни в комнате, глядя друг на друга, как авгуры. Они понимали поступки Софи.

V.

Предательство Гобартона

Наступила полная очарований индийская ночь. Залитые лунным сиянием развалины храма Индры близ Калькутты, полные неподвижности и векового величия, были пустынны. Листья деревьев не колыхалась, и постоянные обитатели тропического леса затихли, как бы поддаваясь общему настроению природы.

Со стороны Калькутты к развалинам быстро подвигался человек среднего роста, закутанный в белый балахон. Он часто оглядывался по сторонам, как будто ожидая засады или погони. Приблизившись к купе манговых деревьев около самого храма, он еще раз оглянулся и, удовлетворившись осмотром, раздвинул зелень и скрылся в ней. Через несколько мгновений он показался в самом центре обширного, когда-то великолепного двора, остановился и свистнул.

От одной из разрушенных колонн отделилась высокая белая фигура и двинулась к пришедшему. Смуглое лицо и темные, горевшие фанатическим блеском глаза изобличали в обладателе их чистокровного индуза.

Прибывший обрушился на него с упреками:

— Что вы наделали, Гинвар? Как вы могли выпустить его из своих рук? Где же ваше слово, слово начальника тугов?

— Поклонники богини Кали ни в чем не могут себя обвинить. Священный трибунал приговорил пленника к смерти. Если он избежал ее, то потому, что тут вмешался сам Вишну, который спас пленника.

— Вы говорите что-то непонятное. Как мог ратовать божественный Вишну за иностранца? Расскажите-ка все по порядку. Вы его заключили в подземелье?

— Да, пленник, прихвостень англичан, был брошен в помещение обреченных на смерть. С наступлением ночи

священный суд собрался у подножья богини Кали, ожидавшей, что ее ожерелье украсится еще одним черепом ио-верца.

— Что же, он сильно струсили? во всем сознался и молил о пощаде?

— О, нет, это настоящий мужчина! Он смело взглянул в глаза смерти и даже дерзнул оскорбить богиню Кали и ее поклонников...

— Он сделал это под влиянием страха?

— Не знаю, но сказал, что мы подкуплены Гобартоном, т. е. тобой...

— Вот как! Он сказал правду!

— Чужеземец оскорбил при этом саму великую богиню. Он должен умереть, — возразил индус с вспыхнувшим взором.

— Хорошо, Гиндвар. Чем вы скорее спровадите его на тот свет, тем лучше. Это очень опасный человек для самостоятельности индусов. Но я до сих пор не знаю, как же он выбрался из подземелий?

— Сам Вишну помог ему в этом, — убедительно сказал начальник тугов.

— Что вы, Гиндвар, все повторяете: Вишну да Вишну. Наверное, плохо стерегли, вот он и бежал.

— Из рук тугов не выходил еще никто. Богиня не может пожаловаться, что ее жертвы убегают, — высокомерно разразил предводитель страшной секты. — Камера, где сидел друг англичан, снабжена крепкой дверью, ее не мог бы разрушить и Сиваджи*. Но Вишну, хранитель всего живущего, нашел для него другой выход. Он разрушил толстую каменную стену, выходящую в потайную комнату...

— Разрушил стену! Вы уверены в том, Гиндвар?

— Можешь видеть сам, если пожелаешь.

— Не стоит. Я верю слову начальника тугов. Ну, и что же?..

— Через эту комнату шел старый тайный ход, теперь уже заброшенный. Он выходит около пагоды Панду в виде небольшого окна с решеткой. Пленник прошел через все комнаты, составляющие ход, и вышел наружу.

— А как же решетка в окне?

— Тут ему помогли друзья и англичане, высланные лордом Кармикаэлем для отыскания чужеземца.

Гобартон крепко выругался.

* Сиваджи — один из чтиемых героев Индии, обладавший геркулесовской силой (*Прим. авт.*).

— Ах, этот доктор! Так он выручил инженера из последней камеры?

— Так мне доложили мои слуги, — ответил индус.

— Инженер и доктор должны умереть! Вы знаете почему? Они содействуют англичанам в порабощении индусов.

— Они все трое умрут, — глухо сказал тут.

— Кто же третий?

— Губернатор Бенгалии.

— Но ведь он любит индусами. Да и за что?

— За то, что он осмелился противодействовать замыслам поклонников богини Кали, т. е. противиться воле самой богини. Согласно нашим преданиям, он должен умереть.

— Ну, пусть будет по-вашему, Гиндвар: но помните, не оставляйте живыми русских.

— Они узнают, что значит бороться с богиней Кали! — ответил индус, исчезая за колоннами.

Гобартон возвращался домой, полный самых радужных мыслей.

«Ага, — думал он, — ты отнял у меня благоволение старика Блома — плод моих многолетних усилий, за два месяца сумел сделаться его другом. Но тебе этого показалось мало, ты решил отнять еще и невесту. О, злодей, если бы не ты, Кэт теперь была бы моей женой! Ах, Кэт! И зачем я раньше не настоял на этом браке?! Тогда свободно мог бы уничтожить этого русского проходимца вместе с его друзьями. Ну, не все еще потеряно. Гиндвар, я уверен, свое слово сдержит, за семь лет пребывания в Индии я узнал его достаточно».

Гобартон крупными шагами подходил к городу. Скоро его фигура исчезла в одном из узких переулков Калькутты.

Угроза английского инженера была серьезной. Секта тугов-душителей, приносящих бескровные жертвы своей богине, во времена владычества Ост-Индской компании была бичом всей Индии. Туги грабили по дорогам, убивая своих жертв с помощью священного платка.

В этом деле они достигли изумительной ловкости и проворства, достойных лучшего дела. Неслышно, как их соб-

ратья, бенгальские тигры, подкрадывались они к путникам. Число палачей всегда соответствовало числу жертв. Раз!.. и путник, захлестнутый шнуром, как мертвый петлей, падал на землю бездыханным трупом.

Огромная выносливость и изумительная настойчивость отличали последователей этой секты от других тайных обществ Индии. Намеченная жертва никогда не ускользала от рук фанатиков. Иногда они преследовали намеченное лицо долгое время и когда-нибудь настигали в глухом уголке девственного леса, где и умерщвляли своим рулем. Одного английского офицера, чрезвычайно ловко спасавшегося от тугов, они преследовали через всю Индию. И, все-таки, в конце концов он пал от их руки.

Великобританское правительство деятельно боролось с представителями жестокой секты. Огромное большинство тугов в половине прошлого столетия было изловлено и наказано. Но некоторые организации остались, только глубже скрыли свои тайны. Главарем одной из таких тайных организаций и состоял Гиндвар, друг Гобартона, сумевшего какими-то путями войти в доверие к начальнику душителей.

VI.

Крушение поезда

Огромной, нескончаемой длины змеей вился между вековыми бенгальскими перистыми пальмами и манговыми деревьями железнодорожный путь, блестя на солнце парой стальных рельс.

Издали послышался глухой шум, рельсы дрогнули и из-за поворота вынесся, как сказочное чудовище, паровоз с полудюжиной вагонов.

В этом поезде ехал в Дарджилинг губернатор Бенгалии, лорд Кармикаэль.

В салон-вагоне, чуть-чуть покачивающемся на пульмановских рессорах, находились четверо мужчин, ведших между собою оживленный разговор. Это были: сам лорд Кармикаэль, инженер Березин, доктор Руберг и студент Горнов.

Всесильный случай, в виде приключения с Николаем Андреевичем, свел наших героев с английским лордом, сильно заинтересовавшимся незаурядной личностью инженера. Лорд, желая поближе узнать русского искателя приключений, доставившего столько хлопот английским властям, выпросил у мистера Блома позволение довезти всех русских, не желавших расставаться между собою, до Дарджилинга, куда через два дня обещался прибыть со всеми путешественниками и ученым, которого дела задерживали на этот срок в Калькутте.

Русские с удовольствием приняли приглашение губернатора, желая поближе взглянуть на жизнь и природу Декана.

— Простите, мистер Березин, что я навожу вас на невеселые воспоминания, — говорил сэр Кармикаэль, — но вы сами понимаете, что мне необходимо выяснить все мельчайшие подробности вашего похищения. Это может навести нас на какой-нибудь след.

— Как я уже говорил, то были туты. Допрос происходил в огромной комнате, где все: и обстановка, и идол их кровожадной богини, и черепа на нем, — все говорило за то, что я находился среди поклонников страшной супруги Шивы...

— Судей было трое, их лиц вы не видали?

— Лица были закрыты. Но по голосу я легко отличу председателя тугов от сотни людей. Я его хорошо запомнил.

— Как жаль, что мистер Блом не хочет подольше оставить вас в Калькутте и сам спешит. В противном случае мы могли бы проделать несколько опытов с подозрительными индусами.

— Ну, что опыты, — презрительно сказал доктор, — опыты не помогут узнать главного преступника...

— Почему вы так думаете, мистер Руберг? — живо спросил лорд Кармикаэль, впиваясь в доктора проницательным взглядом.

— А мы его и так знаем, — откровенно заявил доктор, не обращая внимания на инженера, делавшего ему знаки рукой.

— Знаете! — вскричал английский администратор, — знаете и молчите об этом?..

— Что же делать, — комически вздохнул доктор, — словами горюю не поможешь, а хуже натворишь...

— Но кто он?.. главный преступник?..

— Мистер Гобартон, больше некому быть.

— Это тот толстый господин с неприятными глазами?

— Он самый, помощник мистера Блома.

— Да, вы, пожалуй, правы, — задумчиво сказал сэр Кармикаэль. — Он запретил нам трогать его инженеров.

— А-а... — проговорил Руберг, глядя на губернатора, — так он может запрещать даже и британской администрации.

— Мне перед вами, господа, нечего скрывать, — ответил губернатор. — Мистер Блом — личность загадочная даже для меня, хотя я как раз заведую постоянными сношениями с Бломгоузом, я же и заготовляю припасы. Однако, до сих пор я не знаю ни того, где стоит город, в котором вы живете, ни того, что там делается и что может сделать мистер Блом. Мне только известно, что он вообще — человек очень сильный, которому, может быть, нет равных в мире ни по влиянию, ни по способностям.

— Я с вами совершенно согласен, — проговорил Березин. — Мистер Блом гораздо сильнее, чем вы могли бы предположить, сэр. Я не имею права разоблачать его тайны, но скажу, что если бы не он, то я погиб бы в подземельях Калькутты.

— Вы вышли оттуда сами, чем вы ему обязаны?

— Тем, что изобретенным им средством я разрушил стену моей тюрьмы, это и дало мне возможность выйти оттуда целым и невредимым; если бы не это, я бы погиб.

— Нет, не погибли бы, — возразил губернатор Бенгалии. — Мистер Блом вас ценит больше, чем всю столицу Индостана.

— То есть как это? — не понял Березин.

— Вы знаете, чем мы занимались в тот момент, когда получили известие о вашем освобождении? Никогда не угадаете! Мы с вице-королем трудились над составлением воззвания, в котором объявлялось, что если через три часа население не выдаст вас или вашего трупа, столица будет обращена в развалины...

— Как, вы даже на это решились! — воскликнул инженер.

— Не мы решились, — скромно сказал губернатор, — а мистер Блом.

— И вы повиновались?

— Не могли не повиноваться. У него в кармане приказ короля.

— О, добрый учитель... — растроганно произнес инженер.

— Теперь я понимаю, — заявил доктор.

— Что понимаете? — обратился к нему лорд Кармикаэль.

— Понимаю, почему вы не можете арестовать этого Гобартона. Этого не хочет мистер Блом, а вы не в состоянии ему противодействовать. Впрочем, не огорчайтесь. Ему никто не может противостоять, — закончил доктор, видя, что губернатор как будто расстроился от его речей.

— Несмотря на его заступничество, — сказал инженер, желая загладить выходку доктора, — я бы все-таки погиб.

— Почему? Вы знаете, мистер Блом не остановился бы перед полным уничтожением города...

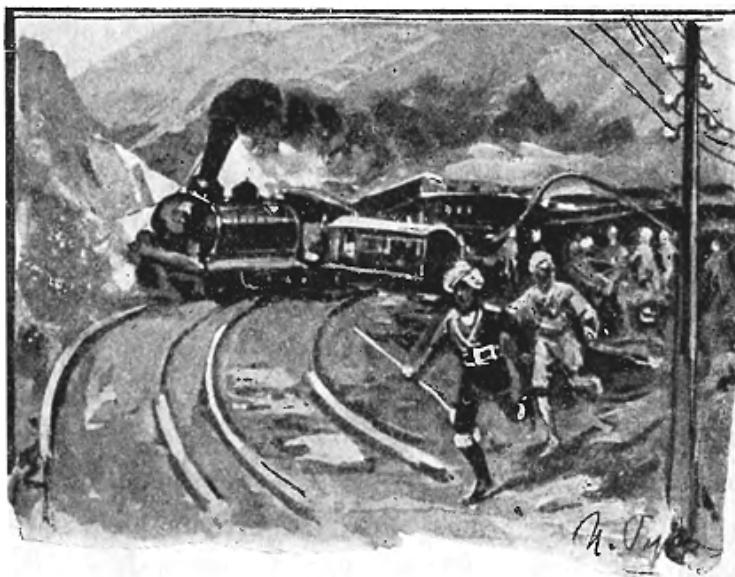
— В то время, когда вы расклеивали объявления, — меня бы уже не было в живых. Казнь была назначена ровно в полдень...

— Вот что! — сказали все, будучи подавлены этими простыми словами, от которых веяло дыханием смерти.

Страшный толчок вагона разбросал всех в стороны. Шум от хода поезда и лязганье железа слились в один общий звук. Получилось что-то хаотическое.

«Крушение», — мелькнуло в сознании каждого.

Первый опомнился инженер. Он вскочил на ноги, с быстрой мысли бросился в коридор к рукоятке тормоза. Но поезд уже остановился, толчки прекратились. Из вагонов высыпали полисмены и отряд сипаев — телохранителей лорда Кармикаэля.

— Что случилось? — строго спрашивал губернатор, выйдя из вагона.

Паровоз, покосившись набок, въелся в песок насыпи. Вагоны скрутились, но были целы. Рельсы, на большом расстоянии вывороченные из своих гнезд, корчились в воздухе, как змеи.

— Подготовлялось крушение, — отвечал машинист. — Рельсы развинчены, а частью даже убраны. Я это заметил,

хотя и поздно, дал контрпар и тормоз. Несмотря на все, паровоз успел врезаться в землю.

— Покушение на мою жизнь! — произнес лорд Кармикаэль.

— Не на нашу ли, сэр? — сказал доктор.

— Почему на вашу? Вы не местные жители, да и кто знает, что вы едете со мною?

— Вспомните, сэр, тугов.

— Похоже на правду. Эй, обыскать лес и всю ближайшую местность! — приказал он капитану сипаев.

Отряд сипаев немедленно двинулся в сторону и исчез за густой стеной леса.

— Что же нам теперь делать? — спросил студент, окинув взглядом группу собеседников.

— Воспользуемся случаем и ознакомимся ближе с тропической природой, — предложил Руберг.

— Пожалуй, — согласился Николай Андреевич.

— Только не ходите далеко и не наткнитесь на тигра, — предупредил русских лорд Кармикаэль.

— Не беспокойтесь, сэр, у нас есть оружие, — откликнулся за всех инженер, спускаясь с насыпи, чтобы следовать за своими товарищами.

Между тем, около паровоза кипела работа. Откуда-то появился телеграфный аппарат, который соединили с телеграфным проводом. Через четверть часа было получено известие, что из Дарджилинга вышел вспомогательный поезд.

Между тем, трое друзей углубились в огромный тенистый лес, где от чрезвычайно густо разросшихся крон тропических деревьев сразу стало темно. Путники шли с большой осторожностью. Смоковницы, бананы, пипаль, сотни лиственных и других деревьев преграждали им путь. В просветах они любовались роскошными белыми туберозами, золотистыми чампами, редчайшими по красоте бальзаминами. Аромат тропических цветов был столь силен, что у путников кружилась голова.

Впереди что-то забелось. Не то человек, не то кусок камня. Мелькнуло и исчезло. Вековые деревья раздвинулись, русские очутились перед развалинами одного из ста-

рых храмов, которых столько разбросано по всему Индостану.

Виднелись разрушенные гранитные стены, валялись мраморные колонны. Разбитые ступени, поломанные арки величественных когда-то портиков, помосты, выложенные плитами мрамора, все заросло вьющимися растениями и кустарниками, скрывающими, может быть, логовища диких зверей.

Высоко над развалинами торчали еще не разрушившиеся главные постройки в виде обширной круглой беседки, заросшей кипарисами. Пустые окна храма, раскрыв свои впадины, как бы хмурились на назойливых пришельцев, нарушивших их покой.

Русские были в восторге от этой картины запустения и разрушения. Они ходили среди развалин, испытывая новые ощущения, навеваемые стариной, до тех пор, пока инженер не напомнил, что пора подумать и о возврате к поезду.

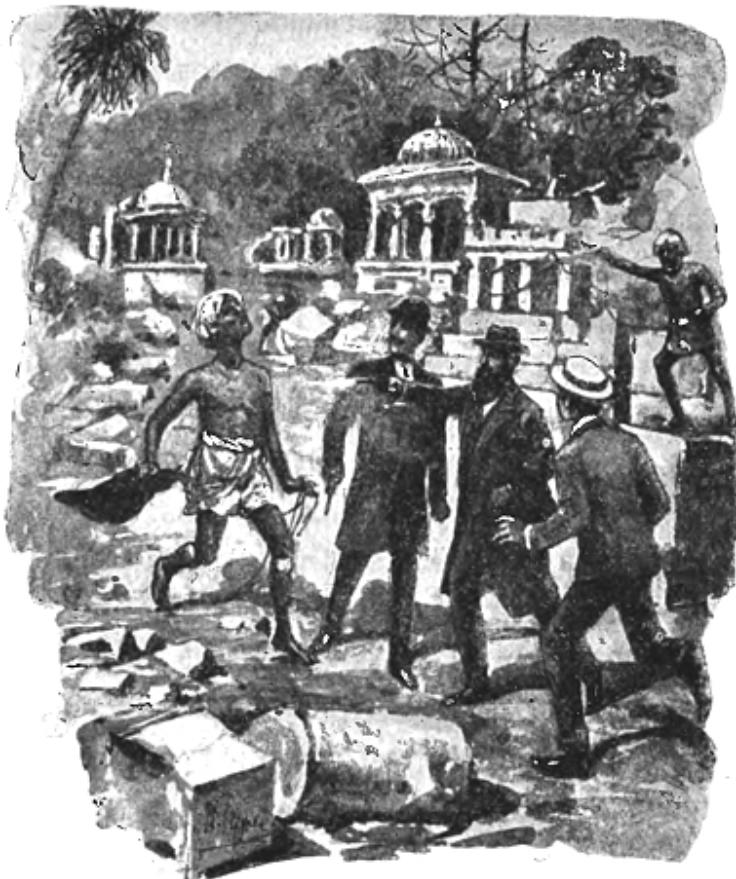
Все трое начали совещаться, в которую сторону им следует двинуться. Руберг, стоя против инженера, случайно взглянул вбок и увидел, как опять что-то мелькнуло: не то зверь, не то человек. Через минуту из-за обломка мрамора показалась голова с горящими глазами. Полуголый индус, как тигр, прыгнул вперед, взмахнув рукой с находившимся в ней румалем.

Инженера можно было бы считать погибшим. Но доктор быстро выхватил револьвер и, подаввшись всем корпусом вперед, всадил пулю в дерзкого туга.

Это движение спасло не только инженера, а и самого доктора: за ним тоже стоял бесшумно подкравшийся поклонник богини Кали, но он промахнулся из-за быстрого, нежданного движения Руберга.

Березин в одну секунду оценил всю опасность положения, выхватил оружие и сделал несколько выстрелов по направлению к тугу, бывшему за доктором. Тот уже исчезал из виду за каменными обломками, делая огромные прыжки.

Горнову, стоявшему у колонны, тоже грозила опасность. Над его головой свистнула петля, пущенная рукой полу-голого туземца, лежавшего на верху гранитного обломка. Пуля инженера пронизала эту руку, и тут, издав крик боли, исчез, спрыгнув с своего постамента.

Все описанное произошло так быстро и непостижимо, что в первые минуты избавления от опасности русские думали: не являлась ли вся битва плодом их разгоряченного воображения? Нет. Тело упавшего за инженером тута убеж-

дало их в противном. Они, не выпуская из рук револьверов, подошли к неподвижному туземцу. Он был уже мертв, а рука, державшая румаль, скорчилась, но не выпустила из своих цепких пальцев это простое и в то же время страшное оружие. Пуля доктора, всегда бившего без промаха, прошиз сердце, прекратила жизнь туга на пути к новому преступлению.

Послышался звон оружия. Русские нервно приподняли свои револьверы, готовясь стрелять в могущих явиться врагов. Но то были друзья: подходил отряд сипаев под командой капитана, ушедшего на поиски злоумышленников, устроивших крушение поезда.

— Господа, это вы стреляли? — спросил друзей подходивший капитан, — что случилось?

— Произошло нападение тугов, — ответил инженер.

— Тугов!!! Вы шутите, сэр, какие же здесь могут быть туги?

— Взгляните сами, — указал Березин офицеру на убитого поклонника кровожадной богини.

— И петля в руке! Ах, мерзавцы, — выругался капитан, наклоняясь над трупом. — Где остальные? Вот я их!..

— Остальные скрылись, капитан, — сказал Березин, — и преследовать их сейчас едва ли благоразумно. Они в своих местах и их трудно будет найти...

— Сколько же их было? — заинтересовался офицер.

— Мы видели троих, — ответил доктор. — Двое скрылись, будучи ранены или напуганы.

— Ловко же вы их отделали, господа. Но как все случилось?

Инженер в двух словах восстановил момент нападения и в заключение сказал:

— Мы остались живы только благодаря доктору. Если бы не его проворство и зоркость, все лежали бы здесь трупами. Друг мой, позволь принести тебе мою горячую благодарность за двукратное спасение моей жизни, — обратился Березин к Рубергу, пожимая его руку.

— И моей тоже, — улыбнулся доктор, — от своего туга я спасся чудом.

— А я, — вмешался капитан, — не могу удержаться, чтобы не поздравить вас: вы прекрасно стреляете и могли бы с честью занимать место в рядах индо-британских стрелков.

— Благодарю вас за честь, — комически-благодарным тоном заявил доктор, — но решительно отклоняю ее. Я больше люблю залечивать раны, нежели наносить их.

— Люди после ваших ударов не нуждаются в помощи врача, — галантно возразил капитан. — Не время ли нам подвигаться к насыпи, господа? Сэр Кармикаэль, вероятно, беспокоится о вас.

— Я только хотел предложить то же самое, — ответил инженер. — А вот и свисток, это нас зовут.

Рев паровозного свистка раздавался где-то недалеко и гулко разносился по лесу.

Отряд сипаев, захватив труп туга, двинулся по направлению к шуму свистка. Русские шагали рядом с капитаном.

VII.

Новое открытие мистера Блома

— Так вы, друзья, подвергались смертельной опасности? — спрашивала русских маленькая француженка.

— Да, m-elle Софи, на этот раз смерть была к нам ближе, чем во всякое другое время, — отвечал Руберг.

— Расскажите мне, доктор, как все случилось? Я хочу знать подробности, которые на корабле совершенно ускользнули от меня.

Этот разговор происходил в саду мистера Блома, где мы видим трех русских, благополучно возвратившихся в неведомый город из Дарджилинга.

— Что же тут рассказывать, — говорил доктор. — Вы знаете, что мы рассматривали развалины древнего храма. Вдруг как раз за Николаем Андреевичем я вижу преотвратительную рожу. Я еще не успел подумать, что это значит, а рука уж сама потянулась к револьверу. Тут взмахнул петлей, а я выстрелил — вот и все.

— А как же другие?

— Остальные убежали. Да, я и забыл. В то время, как я сделал шаг вперед для выстрела, за мной тоже стоял мошенник, но промахнулся, а в следующее мгновение его спугнул инженер, он же подстрелил и третьего туга.

— Как вы, доктор, так спокойно можете говорить о таких ужасах? — недоумевала Софи.

— Где же вы видите ужасы? Ведь их уж нет. Мы здесь, сравнительно, в безопасности.

— Я бы не сказал об этом столь уверенно, — вмешался инженер. — Гобартон едва ли удовлетворится этими попытками. Насколько я проник в его замыслы, он не остановится и перед новым покушением. Теперь нам всем необходимо его остеграться.

— Я об этом давно уже говорила, — прервала француженка. — Удивительно препротивный он человек. Я и раньше питала к нему неприязненное чувство, а теперь он возбуждает во мне гадливое отвращение.

— Что же, господа, — вставил в разговор свое слово студент, — намерены вы что-нибудь предпринять? Надо же как-нибудь парализовать его деятельность или хотя бы избежать ее последствий.

— Верно, юноша, — одобрил Руберг, — вы подошли к самому корню вопроса. Но это уже компетенция Николая Андреевича, — взглянул он на инженера.

— Не следует торопиться, — ответил тот. — Необходимо все обдумать и сообразить. Чем больше осторожности мы проявим в этом деле, тем больше шансов на благополучное его окончание. Не надо подавать и тени неудовольствия, иначе нас заподозрят.

— Но все-таки, есть ли надежда? Как идут ваши успехи?

— Я уже ознакомился с аппаратами и думаю, что скоро вполне постигну управление аэропланом. Надежда есть, но... сюда идет мистер Блом.

Все оглянулись. По дорожке, усыпанной гравием, медленно приближался старый ученый, сопровождаемый своей внучкой. Лицо его сияло, как ясный солнечный день.

— Вы, господа, по-видимому, не чувствуете усталости после воздушной прогулки? — спросил он, весело пожимая всем руки.

— Полеты на ваших кораблях одно удовольствие, — ответил Березин. — Я думаю, что все летающие на них никогда не будут испытывать других чувств, кроме чувства глубокого удивления и восхищения перед гением их творца.

— Вы преувеличиваете мои заслуги, мистер Березин, — скромно отозвался ученый. — Я думаю, что скоро-скорь большинство людей получат возможность совершать полеты в такой же или подобной обстановке, какая есть на моих кораблях.

— Разве вы думаете сделать ваши открытия известными широкой публике?

— Нет. Но бывают такие моменты, когда определенные идеи приходят в голову одновременно разным лицам, живущим в разных местах земного шара. Как говорил один из моих друзей, идеи носятся в воздухе и приходят в голову тем, кому не лень их взять. Кто поручится, что в настоящее время где-нибудь не разрабатывается конструкция аэроплана, совершенно похожего на мой?

— С вами нельзя не согласиться. Но я думаю, что до вашего корабля человечеству еще далеко, вы его опережаете своими открытиями на целое столетие. Людям долго не найти двигателей, подобных вашим.

— Не беспокойтесь, они их найдут раньше, чем вы полагаете. В небольших размерах европейские летуны и сейчас могли бы построить удобный и устойчивый моноплан.

— А как же с двигателями?

— Разве вы не слышали о замечательном изобретении ученого Теслы, давшего миру новую турбину большой силы?

— Слышал, но его турбина паровая и непригодна к воздушным снарядам.

— В том-то и дело, что нет. Турбина может быть и газовой, а это значительно меняет дело. При 200 лошадиных силах она весит всего 11 пудов. Я уверен, что если когда-нибудь какой аэроплан будет в состоянии сразиться с моими — то это будет тот, который будет снабжен увеличенными двигателями Теслы.

— Он не выдержит экзамена на зрелость, — заметил доктор, — с вами нельзя сравняться. В вас Англия имеет могучего защитника.

— Надеюсь оправдать доверие моего короля, — сказал мистер Блом, снимая шляпу при упоминании имени монарха. — Сейчас я вам покажу кое-что, что со временем послужит к новой пользе и славе Великобритании.

Слушатели стояли, недоумевая по поводу того, что им хочет показать великий изобретатель, а мистер Блом вынул из кармана серебряный свисток, приложил его к губам и издал пронзительный свист.

В ответ все услышали звуки английского марша, исполняемого духовым инструментом.

Музыка неслась откуда-то сверху. Молодые люди подняли головы кверху, думая, что там находится аэроплан. Небо было совершенно ясно. На нем безмятежно сияло июльское солнце. Все были в полном недоумении.

А звуки лились и лились, как будто бы в синеве безоблачного неба был скрыт музыкальный оркестр.

— Арфа Орфея, — сказал доктор. — Я не думал, что вы еще и до этого дойдете! — обратился он к мистеру Блому.

Тот улыбнулся своей обычной тонкой улыбкой.

— Вы видите, господа, что-нибудь в небесах?

— Ровнешенько ничего, — заявили все хором.

— Так сейчас увидите нечто интересное, — сказал ученик.

В тот же момент над группой разразился... целый дождь разноцветных бумажек. Бумажки, величиной в рублевую монету, сыпались сверху, как из рога изобилия. Звук трубы прекратился, а конфетти продолжали сыпаться.

— Это не дождь, а уже настояще чудо, — заявил Руберг, — в котором я окончательно ничего не смыслю. А еще в России меня знакомые считали умным человеком! А, как вам это нравится? — обратился он в самом обиженном тоне ко всем присутствующим.

Все рассмеялись выходке добродушного доктора.

— Успокойтесь, доктор, — сказала ему мисс Кэт, — мы понимаем не больше вашего.

Дождь прекратился. Любопытство всех было возбуждено до крайнего предела. Все просили мистера Блома объяс-

нить, как ему удалось устроить это феноменальное явление, на что он сейчас же согласился.

— Вы чувствовали, господа, — сказал он, — мое новое изобретение — дирижабль-невидимку...

— Невидимый дирижабль!!! — вскричали все хором. — Да этого не может быть!..

— Почему же? Ведь все вы слышали трубу и видели конфетти...

— Видеть-то видели, но уж очень все это несуразно. В моей голове никак не умещается мысль, что человек может лишь чувствовать тело, а не видеть его, да еще при свете дня! — экзальтированно говорил студент.

— А между тем все, что я сказал, верно, — ответил ученик. — Есть много предметов, которые чувствуются, а незримы, здесь большую роль играет расстояние. Вблизи вы увидели бы этот снаряд, а вдали он делается незримым.

— А как же мы не слышим шума моторов? — спросил инженер.

— Шум не слышен потому, что аппарат снабжен специальными глушителями.

— Это я понимаю, так как это возможная вещь. Но все же не могу постигнуть незримости аэроплана.

— Не аэроплана, а дирижабля, мистер Березин. Новое изобретение скорее подходит к типу дирижаблей, чем к воздушным птицам. Суть же его невидимости в том, что поверхность аппарата сделана зеркальной.

— Зеркальной?!! Из чего же состоит зеркало?

— Вся поверхность, будучи покрыта блестящим металлом, имеет вид зеркала и отражает окружающие предметы. Если такой аппарат поднимется на 2.500 футов, то для зрителя с земли он становится абсолютно невидимым. Синева небес и облака будут отражаться в нем, как в зеркале, и дадут наблюдателю впечатление воздушного или облачного пространства.

— Вы великий человек, профессор, и вам, только вам приходят в голову замечательные идеи! — с жаром говорил Николай Андреевич.

— Вот и ошибаетесь, дорогой мистер Березин, — с легким смехом возразил мистер Блом. — Я только что говорил, что идеи носятся в воздухе, и опять повторяю то же. А в доказательство верности своего положения приведу известие, только что прочтенное мною в газетах. В них пишут, что один из моих соотечественников, барон А. Ронн, изобретает невидимый дирижабль. И, насколько я мог понять, он принял те же основания, которые положил и я.

— Удивительное совпадение! — промолвил доктор.

— Конечно, изобретение барона не будет иметь большого значения, так как он не может применить ни усовершенствованных двигателей, ни изменить некоторых существенных деталей, что возможно при широко оборудованных мастерских, какие имеются у меня.

— Как же я до сих пор еще не видел ни самого аппарата, ни мастерских, где он сооружен? — спросил инженер.

— Все делалось под покровом большой тайны, — отвечал мистер Блом. — Я лично придаю огромное значение новым дирижаблям с военной точки зрения. Они будут служить великолепными разведчиками, для которых недействительно никакое оружие.

— Да, нельзя бороться с врагом, которого не видишь, — подтвердил Руберг.

— Совершенно верно. И поэтому-то новым дирижаблям предстоит большая будущность.

— Интересно бы знать, почему все остановились на типе дирижабля, а не аэроплана, этой чудной воздушной птицы?

— Без моделей довольно трудно объяснить причину моего выбора. Аэроплан, если хотите, слишком угловат, плоскости его разбросаны в разные стороны и он очень велик. А тип дирижабля, имеющего форму сфероида, гораздо удобнее применять в качестве зеркала. Впрочем, завтра вы сами увидите эту разницу между аэропланами и дирижаблями.

— Так вы, мистер Блом, ознакомите нас с новым аппаратом? — спросил инженер.

— С удовольствием. В вас я найду истинного ценителя достоинств нового снаряда.

VIII.

Дирижабли~невидимки

Теплое дыхание ясного летнего дня шло навстречу автомобилю, уносившему четверых пассажиров вверх по горной дороге. Скоро автомобиль остановился на каменистой площадке, где находились уже знакомые читателю гигантские аэропланы мистера Блома.

Здесь ничто не изменилось. Недвижно стояли механические птицы, всегда готовые взлететь в высоту, к самым небесам. Огромные двери ангаров, словно исполинские щиты, по-прежнему безмятежно сияли на солнце зеркалом металла, как и тогда, когда их впервые увидели русские.

Мистер Блом — это был он со своими спутниками — прошел к дальнему щиту. Около колосального входа, заражденного стальной дверью, оказалась незамеченная прежде маленькая дверца, ведущая в толщу скалы. Ученый, отомкнув ее бывшим с ним ключом, вошел внутрь. Небольшая комната, похожая на келью, была вся загромождена разнообразными приборами: ключами, цепями, блоками, рычагами, досками с хитроумным набором кнопок и т. п. предметами. Мистер Блом переставил несколько кнопок и нажал один из рычагов.

Огромная половинчатая створка входа начала открываться, как будто переворачивалась страница в гигантской книге. Тысячепудовое бронированное полотно двери, катясь внизу на роликах, медленно отходило к стене, открывая черную пасть внутренности горы.

Русские с тайным трепетом смотрели на двухаршинную толщу дверного полотна, могущего, в своем слепом стремлении открыться, раздавить человека, как жалкого муравья!..

«Только циклопы могли выковать эту дьявольскую дверь», — бормотал про себя доктор, вступая вместе со всеми под темные своды.

Помещение, которое мистер Блом называл ангаром, внезапно озарилось. Сотни лампочек заливали его морем почти дневного света. Своды обширнейшей пещеры терялись вверху на недосягаемой высоте.

— Вы, господа, желали видеть невидимое, — сказал мистер Блом, — смотрите и отдайте должное моим рабочим, создающим такие чуда искусства.

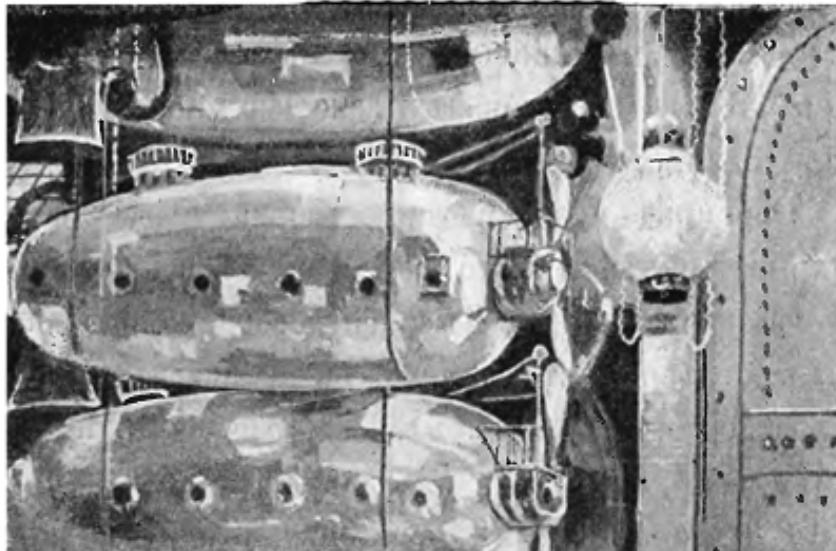
Центральное место в пещере занимало до дюжины странных сооружений, похожих внешностью на огромные яйца удлиненной формы. Яйцевидные предметы блестели, как полированное серебро, и отражали в себе тысячи огней, играющих на поверхности всеми цветами радуги. Русские и без объяснений мистера Блома поняли, что перед ними находится эскадра невидимых дирижаблей.

Действительно, это были чудеса строительной техники. На зеркальных стенках дирижаблей-невидимок нельзя было найти шва склепки, не было ни выступов, ни острых углов. Только у кормы виднелись две стабилизирующих поверхности, небольших и не портящих общего вида. Аппараты казались выкованными из цельного куска металла.

— Батюшки, это что за рожи такие! — вскричал Руберг, подходя к ближайшему дирижаблю и видя в нем отражение себя и своих друзей.

На самом деле, выгнутая поверхность зеркала давала необычайно уродливые изображения. Фигура доктора в отражении походила на вазу: ноги казались очень тонки, туловище было несоразмерно широко, а голова уподобилась пивному котлу, в котором лишь толстый расплывшийся нос и узкие, но длинные прорези глаз выдавали голову.

Изображение было настолько карикатурно, что сам доктор и его друзья покатились со смеха.

— Какие красавцы писаные, — вымолвил Горнов.

Даже старый ученый и тот улыбнулся, глядя на веселость друзей.

— А все-таки бесподобные сооружения, — сказал инженер, когда прошел пароксизм смеха.

— Надеюсь, что с ними старая Англия не погибнет, — серьезно проговорил мистер Блом.

— Вы так опасаетесь за судьбу своего отечества? — спросил, оживившись, доктор. — Почему же? Разве у него нет ваших изумительных аэропланов, вашего радиотита и, наконец, ваших других гениальных открытий?!..

— Все есть, любезный доктор, — сказал ученый, впервые применив к доктору это прилагательное. — И Британия сильна сейчас, как никогда. Но надо считаться с реальной действительностью, которая наступит скоро, даже, может быть, скорее, чем мы ожидаем.

— В чем же вы, профессор, видите угрозу для Англии?

— предложил вопрос Николай Андреевич.

— В увеличении народонаселения земного шара.

— В росте населения? Объяснитесь же, мистер Блом!..

— Надеюсь, вы не станете отрицать значения роста населения для политической жизни. Особенно ярко оно выступает в тех странах, которые уже подошли или начинают подходить к пределу своей населенности. В наиболее критическом положении находится, как известно, Франция, с трудом удерживающая свое место среди великих держав. В настоящее время население Франции достигает почти 40 миллионов, тогда как ее соседка, Германия, имеет 65 миллионов. Если Франция пока богаче Германии и имеет возможность держать почти такую же армию, то это зависит главным образом от того, что во Франции пропорционально гораздо больше людей в рабочем возрасте, чем в Германии, где относительно гораздо больше детей. А дети, — это — не настоящее, а будущее нации. Когда эти дети подрастут, тогда только это будущее превратится в настоящее со всеми его последствиями. Теперь во Франции рождается круглым числом 800.000 детей ежегодно, а в Германии

— 2.000.000, и так как сила смертности по обе стороны Вогезов почти одинакова, то через 30 лет население Германии будет в два с половиной раза больше населения Франции.

— Ага, вот оно что! — сказал Руберг, но сказал это таким тоном, что нельзя было понять, радуется ли он этому обстоятельству или печалится.

— Что касается других великих держав, — продолжал мистер Блом, — то числа ежегодных рождений в круглых цифрах определяются так: Россия — 7 миллионов, Соединенные Штаты — $3\frac{1}{2}$ миллиона, Австро-Венгрия — $1\frac{3}{4}$ миллиона, Япония — $1\frac{1}{3}$ миллиона, Англия — 1.150 тысяч и Италия — 1.100 тысяч.

— Только миллион сто тысяч, это немного! — сказал доктор.

Мистер Блом, как будто не слыша замечания, продолжал дальше:

— Исходя из данных о рождаемости и смертности населения, а также о движении эмиграции, можно приблизительно определить вероятную численность населения важнейших государств через тридцать лет. В 1942 году Россия должна иметь до 250 миллионов жителей, Соединенные Штаты — 150 миллионов, Германия — 100 миллионов, Япония — 75 миллионов, Австро-Венгрия — 67 миллионов, Англия — 60 миллионов, Италия — 43 миллиона и Франция — 40 миллионов. Очевидно, что Франция уже не в состоянии в близком будущем удержать свое место одной из могущественнейших держав Европы и должна довольствоваться приблизительно тем значением, которое ныне принадлежит в совете народов Италии. Зато тевтонскому могуществу суждено непрерывно расти. И Англия, великная Англия должна отойти на второй план по сравнению с своей немецкой соперницей.

— Но нет! этого не случится, — с энергичным жестом перебил свои мысли мистер Блом, сверкая глазами. — Страна, давшая миру таких мыслителей, как Бокль и Дарвин, таких ученых, как Фарадэй и Дэви, таких гуманных полити-

ков, как Гладстон и Асквит, не может и не должна погибнуть! Я в этом порукой!

Русские поражались чувству глубокой любви к родине, сквозившей в речах старого ученого.

— Вы, сыны России, счастливее меня, — обратился он к трем друзьям. — Вам, а не кому другому, принадлежит будущее. Через тридцать лет ваша страна будет иметь население в четверть миллиарда и вам суждено властвовать над миром. Счастливы будут те страны, которые сохранят вашу дружбу. И несчастны, обречены на окончательную погибель те, что поднимутся против вас!..

В словах мистера Блома слышалось столько горечи, столько затаенной скорби, что было видно невыносимое страдание этого патриота от сознания, что не его родина, а другая, чуждая ему страна займет в будущем первенствующее положение среди мировых держав.

А в среде русских чувство удивления сменилось чувством глубокого уважения к этому старцу, страдающему за будущность своего отечества.

— Что вы, мистер Блом, — пробовал утешить его инженер. — Ведь Англия еще сильна. Она владеет многочисленными колониями, с которыми ее население будет стоять на одном из первых мест в европейском концерте.

— Колонии не думают о старой Англии. Они заботятся о себе, а не о метрополии. Что поможет моему отечеству удержать первенство еще на несколько десятков лет, так разве вот это, — и он кивнул головой на дирижабли, — да и то до тех пор, пока германские шпионы не заберутся сюда.

— У вас против них есть хорошее оружие, — заговорил доктор, желая переменить тему разговора, — ваши изобретения, мистер Блом. А кстати, вы все еще не сказали, из какого материала сооружены ваши удивительные дирижабли?

— Это новый сорт стали, которая прочностью не уступает никелевой, а легкостью почти превосходит алюминий. Это материал будущего для строителей воздушных аппаратов.

— Неужели сама сталь дает этот зеркальный блеск? — интересовался инженер.

— Нет, поверхность дирижаблей сначала тщательно полируется, а затем покрывается хромом, — металлом, обладающим большим блеском.

— Ваши дирижабли, по-видимому, невелики?

— Да, всего 30 футов в длину и 12 в диаметре. Главная цель их — служить разведчиками. Они могут поднимать не более пяти человек, а обыкновенно приноровлены для трех.

— Я не вижу мест для пассажиров, — сказал студент.

— Внутри,—сказал мистер Блом, — а вход сверху.

— Внутри? — изумился инженер, — да где же тогда помещается газ, поднимающий дирижабль кверху?

— Газа в нем вовсе нет. Он летает главным образом силой двигателей.

— Но как же тогда вы им управляете в воздухе?

— Очень просто. Устойчивость аппарата основана на простом принципе: он уравновешен с воздухом и достаточно незначительного двигателя — в 500-600 сил, чтобы он плавал в нашей атмосфере.

— Пятьсот сил — это вы называете незначительными двигателями! — вставил доктор.

— Да, по моим расчетам это сила очень небольшая.

— Объясните лучше, мистер Блом, что вы называете равновесием аппарата, — сказал инженер.

— Вы знаете, что баллоны дирижаблей обыкновенно наполняются водородом, который в 14 раз легче воздуха; наполняются с таким расчетом, чтобы аппарат пришел в равновесие с окружающей средой. Двигатель дает ту силу, которая поднимает их на воздух. В данном случае небольшой размер всего аппарата позволяет применить новый принцип — образовать в баллонах безвоздушное пространство.

— Страшная тяжесть воздуха должна раздавить его, как мыльный пузырь, — заметил внимательно слушавший инженер.

— В том-то и дело, что нет. Чрезвычайная прочность стальной оболочки и сама форма аппарата вполне гарантируют его от такой случайности. Создается то равновесие,

которое делает дирижабль подвижным в воздухе, как рыбу в воде.

— Но рыба может увеличивать и уменьшать свой объем и таким образом подниматься или опускаться. Как этого достигнете вы, раз у вас нет никаких плоскостей?

— Одно из достоинств нового сооружения заключается в том, что оно может подниматься вверх вертикально и стоять на одном месте, чего нельзя сделать аэроплану. Вы видите наверху огражденные люки, — указал мистер Блом на три выступа на верхней площадке дирижабля.

— Да, видим, — отзвались все. — И что же?

— В середине действительно находится люк для спуска внутрь, а по обе стороны от него в круглых кожухах два пропеллера. Их работу я сейчас могу показать наглядно.

Ученый отошел в сторону и возвратился с легкой, изящной лестницей. Приставил ее к борту дирижабля и, поднявшись до люка, скрылся в нем, попросив русских убрать лестницу и отойти в сторону.

В борту корабля открылся иллюминатор, через толстое стекло которого наши друзья увидели мистера Блома, возившегося над рычагами и колесами в маленькой каюте. Он кивнул им головою и сделал знак рукою.

Послышился глухой шум работающих пропеллеров. Зеркальный дирижабль шевельнулся и, как если бы его тянули на канате, стал плавно подниматься вверх по отвесной линии.

Достигнув высоты в десять или пятнадцать сажен, он остановился. Звук пропеллеров еле слышался. Потом аппарат стал увеличиваться в объеме. Он спускался и вскоре был на том же месте, откуда поднялся.

Через минуту старый ученый стоял среди русских.

— Бесподобно, — заявили ему русские. — Такие аппараты являются покорителями воздушной стихии.

— Я сам как раз и не разделяю этого взгляда, — промолвил мистер Блом, — главным образом потому, что дирижабли этого рода нельзя делать бесконечно большими.

— Почему же? — удивились все. — Раз хорошо парит малый аппарат, может лететь и большой.

— Он будет в состоянии подняться, но не в человеческих силах создать большой аппарат с такими крепкими стенками, чтобы их не продавила тяжесть воздуха. Даже и эти дирижабли, несмотря на их огромную конструктивную устойчивость благодаря сфероидальной форме, снабжены внутри цельным рядом ребер и распорок, вылитых из одного куска стали. В большом корабле необходимо увеличить их количественно и качественно, а это значит довести аппарат до такого веса, при котором немыслимо подняться в воздух.

— Чем же вы придаете аппарату поступательное движение?

— Движение вперед дается одним пропеллером, который вы видите на носу дирижабля.

— Ах, этот пропеллер тоже скрыт щитом от взоров зрителя.

— Да, и кроме того, как и остальные, снабжен глушителем, почему на высоте тысячи футов земные жители шума слышать уже не могут.

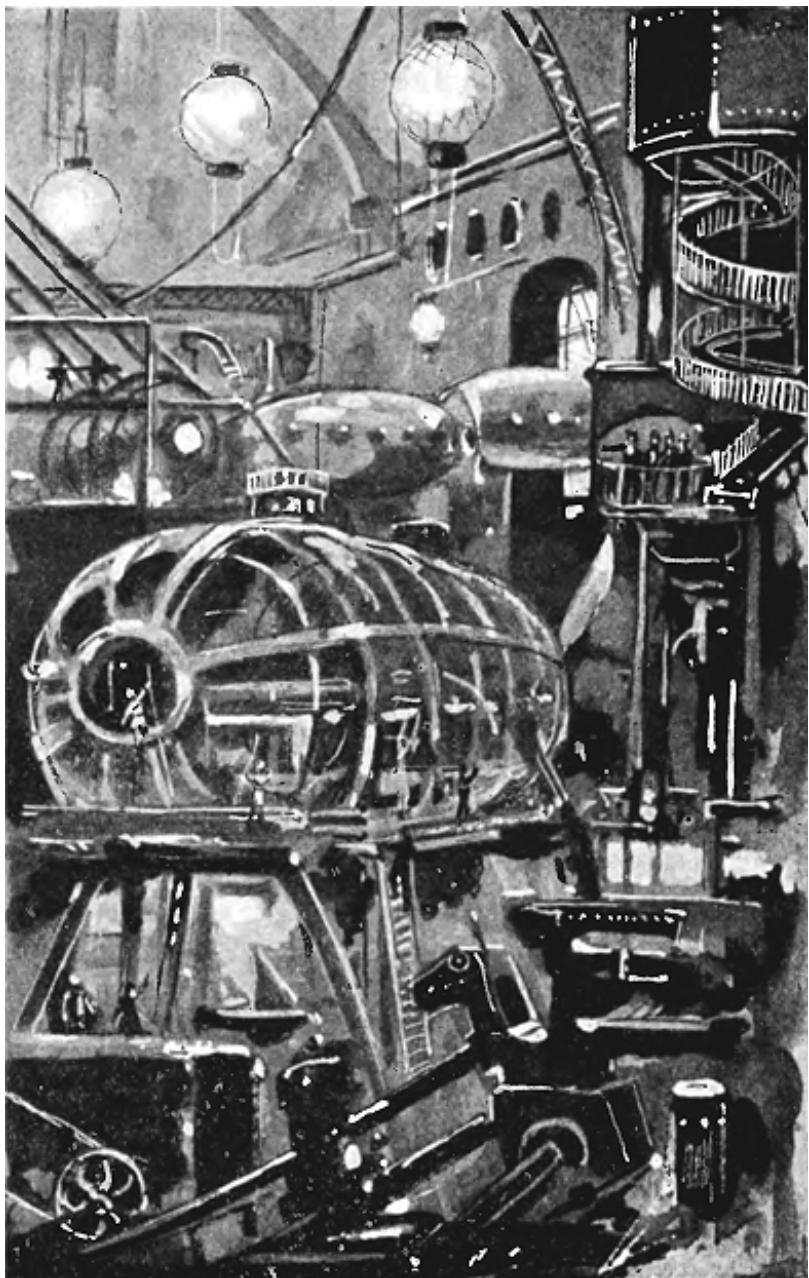
— А не будет нескромностью спросить, мистер Блом, где же вырабатывались вами эти удивительные аппараты? — спросил молчавший до сего времени студент.

— Здесь, — ответил ученый. — Вы видите перед собой и мастерские, и эллинги, и ангары — все сразу.

Он повел русских в глубь пещеры. Там около стен находились огромные станки; резальные, строгальные, шлифовальные машины, как воины на смотру, стояли неподвижными рядами. Несколько дальше виднелся эллинг, в котором еще находился металлический остов нового корабля, походивший на скелет допотопного гиганта.

— Так вот где куются новые вооружения, которым суждено держать в страхе весь мир, — сказал доктор, обозревая пещеру. — Как же здесь работать? без солнца?

— Только при искусственном свете, который вы видите, — ответил ученый. — Когда вы прибыли в Бломгоуз, здесь были заняты до пятисот человек. Это место для работ я выбрал потому, что оно закрыто для посторонних и хорошо защищено природой.

— Которой вы помогли создать неприступную крепость из пещеры, устроив бронированные затворы? — подхватил инженер.

— Для большей безопасности от шпионов других наций пришлось решиться и на это. Здесь главный арсенал, — сказал мистер Блом. — Я думаю, что современные орудия не в состоянии пробить моих затворов, сделанных из прекрасной стали. В случае осады Бломгоуза, здесь могло бы поместиться чуть не все городское население.

— А как же припасы?

— Здесь имеется склад провизии, а родники, бьющие из горы, дают хорошую воду.

— А вы не боитесь, что сверху пещера слабо защищена?

— Чего же опасаться, когда над сводом ее имеется трехсотметровая толща гранита, которую нельзя пробить никакими взрывами.

— Да, это действительно первоклассная крепость, — сказал инженер. — Я поздравляю вас, мистер Блом, с таким ценным приобретением.

— Очень рад, что вы оценили ее по достоинству. На днях, мистер Березин, я буду иметь честь показать вам, что орудия моего арсенала на что-нибудь пригодны. Я приглашаю вас сопровождать меня в полете на одном из этих дирижаблей.

IX.

Отказ в руке мисс Кэт

Николай Андреевич много раз поднимался на чудных стальных птицах английского ученого и под его руководством настолько освоился с их управлением, что чувствовал себя в воздушной стихии, как дома. Но со временем по-

сещенил гигантских мастерских мистер Блом не упоминал о невидимых дирижаблях, и полет на одном из них все откладывался и откладывался.

Вполне была понятна радость и нетерпение инженера, когда ученый объявил, что они совершают поездку на дирижабле, причем отсутствие их продолжится несколько дней.

Рано утром один из невидимых кораблей, сияя, как серебро в лучах горячего солнца, был выведен из ангара и вскоре исчез в глубине голубого эфира, унося в беспределенную высь мистера Блома и Березина.

Кроме их, на судне находился лишь механик. Русский инженер, пораженный красотой развертывающегося перед ним горного ландшафта, молча глядел в иллюминатор.

— Не желаете ли, мистер Березин, поближе ознакомиться с управлением этого корабля? — предложил ему мистер Блом, возвившийся над какими-то кнопками и рычагами.

— С большим удовольствием, — отозвался Николай Андреевич, с трудом отрываясь от своих наблюдений.

— Вот здесь, — говорил мистер Блом, подходя к металлическому столу, на котором блестал целый ряд кнопок, а над ним возвышались причудливые рычаги и колеса, — вы видите, так сказать, центральное бюро управления судном. Рычаг направо — поступательное движение, другой рычаг — восходящее движение. Быстрота регулируется кнопками. Этот вентиль управляет рулем. Остальные кнопки приводят в действие щиты иллюминаторов, а рычаги — выбирающие аппараты.

— Вы так называете орудия нападения?

— И защиты. Два выбрасывателя разрывных снарядов вполне гарантируют нас даже от серьезного противника.

— Надеюсь, мистер Блом, за эту поездку вы не примените на практике ваши орудия?

— Кто знает, любезный мистер Березин? Мы живем в такое время, что все может случиться.

Полет направляли на восток. Миновали ребристый Куэнь-Лунь, песчаные степи Туркестана и вступили в необозримые пустынные дали Гоби. На другой день перед наблюдавшими путешественниками стали появляться бедные

монгольские поселки, обширные стада скота казались с высоты роем пчел. Люди на земле являлись отсюда точками.

Совершенно неожиданно на обширной равнине показалось слишком много этих точек, перемешавшихся между собой, как муравьи в своем гнезде. Мистер Блом схватил подзорную трубу и направил ее в иллюминатор.

— Битва! Там происходит битва! — обратился он к инженеру. — Мы спустимся вниз.

— Битва! Между кем же?

— В Китае все еще стоит неурядица. Вероятно, междоусобная стычка... Сейчас увидим.

В окно можно было различить отдельные группы лиц в широких одеждах и лохматых шапках, с отчаянием защищавшихся против нападения вооруженного огнестрельным оружием большого отряда, в котором легко было узнать китайские войска. Груды тел убитых и раненых дополняли картину.

— Китайцы нападают на монголов, — заметил ученый после наблюдения. — Удобный случай испытать наше оружие и помочь монголам.

— Как? Неужели вы хотите применить свои страшные снаряды? — воскликнул инженер.

— Надо же помочь монголам против их вечных притеснителей. Взгляните, — ученый подошел к стене каюты, где, странно блестая своими выпуклостями, находился выбирающий аппарат. В полу рядом с ним отодвинувшийся щит обнаружил иллюминатор. Мистер Блом установил оружие и дернул за кассетку.

Судно слегка дрогнуло. В тот же момент на сражающихся китайцев упал небольшой снаряд, произведший страшное опустошение в их рядах. Березин видел, как вдруг густая толпа воинов поредела, а в воздухе неслись оторванные головы, ноги, руки и прочие части человеческого тела. Казалось, что под китайцами неожиданно взорвался пороховой погреб. Раздался такой громкий крик ужаса и боли, что, несмотря на толстые стены воздушного судна, он достиг ушей инженера.

Был вчера в Китае, в провинции Сычуань, где я
встретил китайскую армию, которая вступила в Китай
из Тибета. Видел, как они сражались с тибетцами.
Сейчас в Китае идет война с Японией. Китайцы
захватили Тибет, чтобы помочь Японии. Япония
захватила Китай, чтобы помочь Тибету. Так что
они сражаются за Тибета, чтобы помочь Японии.

Сражение приостановилось, и через минуту оставшиеся в живых китайцы, объятые паническим ужасом, спасались бегством.

А мистер Блом с бесстрастным, как веление судьбы, лицом молча закрыл иллюминатор, и послушный его руке дирижабль поднялся ввысь, исчезнув из глаз изумленных монголов.

Николаю Андреевичу, как все русские обладавшему мягким сердцем, была непонятна эта холодность ученого к чужим страданиям и чужой жизни, она казалась ему даже жестокостью.

«Действительно ли жесток мистер Блом,— размышлял вечером Березин, укладываясь спать на кожаном диване, — к окружающим и всему человечеству? Он довольно холoden к Кэт, а она его внучка, единственная из родных. Любит ли он ее, как дочь? Или ему дороже всего на свете его открытия? Все это такие вопросы — ответить на которые очень затруднительно. Если бы он горячо любил свою внучку, стал ли бы он принуждать ее выходить за Гобартона?

Он жесток, как старый бессердечный человек, а пренебрежительность к другим является у мистера Блома только национальной чертой.

А вот и неправда, — поймал себя на этой мысли инженер. — Его сердцу тоже доступны лучшие человеческие чувства. Как он хорошо обращался с нами, которые в глазах другого могли явиться только шпионами. В частности с ним, Березиным, он вступил даже прямо в сердечные отношения. А как он прекрасно вел себя при происшествии в Калькутте. Сколько заботливости и энергии было проявлено при похищении его самого тугами. Да, мистер Блом ни перед чем не остановился, даже перед своими британскими властями. И из-за чего? Из-за человека ему совершенно чужого, лица другой национальности.

Нет. Так легко нельзя смотреть на мистера Блома. Он всемирный ученый, гений, и обычное человеческое мерило к нему не подходит. Для него нужны другие масштабы широчайших размеров.

“Человек — творец жизни, — сказал он. — Красота и полнота жизни зависят от красоты и полноты проявления творческих сил человека”. Какие прекрасные слова?!! Лицо, произнесшее их, не может безразлично относиться к людям, оно должно любить их. Может быть, и не той сумбурной любовью, как у нас, а разумным, высшим чувством, но все-таки любить. А если любит — он все сделает для ее счастья».

С этой мыслью инженер заснул под протяжное жужжание пропеллеров, твердо решившись утром переговорить с ученым об интересующем его предмете — о драгоценной мисс Кэт.

— Мистер Блом, — говорил он наутро, набравшись храбрости, — хотя здесь не место и не время для этого разговора, я все же скажу то, о чем я давно думаю.

— Говорите, говорите, мой друг, — ласково ответил старец. — Я слушаю.

— Я давно люблю мисс Кэт, мистер Блом, и, кажется, она платит мне взаимностью, — проговорил ободренный инженер. — Я прошу у вас, как ее единственного опекуна, ее руки...

С первых же слов Березина лицо мистера Блома начало изменяться. Словно темная, грозовая туча тенью легла на него. Инженер, увидев эту перемену, испугался, но не за себя, а за судьбу мисс Кэт.

Прошла томительная минута молчания и тишины, нарушаемой лишь шумом моторов.

— Мистер Березин, — твердым, почти резким тоном заявил учений. — Кэт отдана другому. Я не могу исполнить вашей просьбы. Если бы я на нее согласился, я изменил бы своему слову, чего никогда не бывало. Я отказываю вам в руке Кэт.

— Но ведь этот другой — Гобартон! — в отчаянии воскликнул Николай Андреевич. — Подумайте, кому вы вручаете судьбу вашего ребенка?!.. Он недостоин целовать ее ноги, этот Гобартон...

— Довольно, — перебил мистер Блом, делая энергичный жест правой рукой, чтобы остановить инженера. — Я знаю,

как мне поступать с моими подчиненными и своими друзьями.

— Но я хотел бы...

— Ни слова больше. Я не хочу продолжать этого тяжелого для нас обоих разговора. Что невозможно, то невозможно, мистер Березин. Я понимаю ваше волнение, но я советую вам излечиться от вашей страсти.

Сказав это, мистер Блом поднялся и вышел в другое отделение.

Удрученный горем инженер как пришибленный сидел на своем месте, опустив голову на руки.

День кончался. Золотистые сумерки уже начинали охватывать горизонт, когда Березин вышел из своего угнетенного состояния и взглянул в окно. Зеленовато-свинцовые волны океана поднимались под воздушным кораблем. Куда шел этот неведомый человек?

— Взгляните в иллюминатор, — говорил поздно ночью мистер Блом. — На это интересно посмотреть.

Инженер машинально бросил взгляд вниз. Под ним был город. Огромная толпа народа в цветных платьях окружала большое здание. Дирижабль висел столь низко, что при свете многочисленных бумажных фонариков внизу сво-

бодно различались отдельные фигуры. Березин узнал в них японцев.

— Что это? — невольно спросил он.

— Император Муцу-Хито при смерти. Вся Япония сошлась сюда, чтобы молить богов о продлении его жизни.

Инженер смотрел и видел, как религиозно была настроена эта толпа, как дряхлые старушки с криками падали в обморок от переживаемого чувства, как перед временными алтарями шинтоистские жрецы совершали горячие моления.

«Почему умираю не я, никому не нужный, ничтожный человек, а этот великий император, любимый народом? Судьба несправедлива к людям», — думал инженер. — «Впрочем, я знаю, что мне предпринять», — заключил он свою мысль.

А дирижабль, как огромное ночное насекомое, уже снялся с места и быстро несся на запад, рассекая воздух своей металлической грудью.

X.

Бегство

Стояла темная ночь.

Над вершинами вековых деревьев, покрывающих сбегавшие вниз отвесные крутики и горные скаты, с шумом и грохотом пассажирского поезда неслось бурное дыхание борея. Зеленые сосны и седые ели, глухо ропща на судьбу, склоняли под ним свои ветви. А бурный поток, приостановившийся на минуту, со свистом спускался в низины, выл по ущельям и поднимал с земли мириады песочной пыли и мелких камешков.

По дорожке, ведущей к высокой горной площадке, мелькнуло несколько теней, с большим трудом подвигавшихся вперед. Ветер яростно трепал их платья, стараясь оторвать путников от твердой почвы и бросить на каменистую грудь горы.

Вот тени остановились. Их было четверо. Скоро снизу к ним приблизился темный силуэт.

— Ну, что? — спросил один из путников, широкий, плотный человек с ружьем за плечом.

— По-видимому, все благополучно, — отвечал ему прибывший, — они ни о чем не догадываются.

— Скорей вперед, — вскричал предводитель отряда, выдававшийся среди других высоким ростом. — Буря сейчас утихнет.

Они напрягли усилия и скоро были на площадке перед скалистыми ангарами мистера Блома. Как мрачные чудовища, чернели воздушные драконы, распостершие далеко-далеко свои крылья. Здесь было сравнительно тихо. Несмотря на это, корабли, как живые существа, трепетали всеми своими частями, грозя ежеминутно порвать свои цепи и нырнуть в мглистую бездну.

Пятеро заговорщиков, среди которых, как это ни странно на первый взгляд, находились и две женщины, бесшумно подобрались к хвостовой части «Левиафана». Через минуту часовой-механик был связан, вынесен из каюты и заговорщики, в которых читатели, вероятно, узнали своих старых знакомых, явились полными хозяевами аэроплана.

— Скорей, скорей! — торопил инженер своих спутников. — Вы, доктор, и вы, Иван Михайлович, спустите цепи с боков — вот ключи, я же проверю аппарата.

— Вы не думаете, что пускаться сегодняшней ночью в такое предприятие безумно? Мы не разобъемся о скалы? — спрашивал Руберг.

— Мы рискуем, но иначе нельзя, половина дела уже сделана.

— Нельзя так нельзя, — философски заключил доктор. — Идемте, — обратился он к своему молодому другу.

«Я уверен, — рассуждал инженер сам с собой, — что аппарат выдержит шквал... Через каждую сотню сажен нужен поворот по кривой в 45° , иначе налетим на горную стену. Черт бы ее побрал, эту тесную долину!.. А больше ничего не придумаешь. — Вот только Кэт...»

— Готово, — сказал Руберг, появляясь в капитанской будке.

— Где наши дамы? — произнес Березин, наклоняясь над рычагами.

— В общей каюте хвостовой части.

— Начинаем, сейчас пойдем вперед. Вы их успокойте, доктор. — Что это?.. что?..

Жужжение пропеллеров резко нарушилось страшным лязганьем и звоном цепей: казалось, неведомый гигант мощно ударил по исполнинской струне, которая издала про-

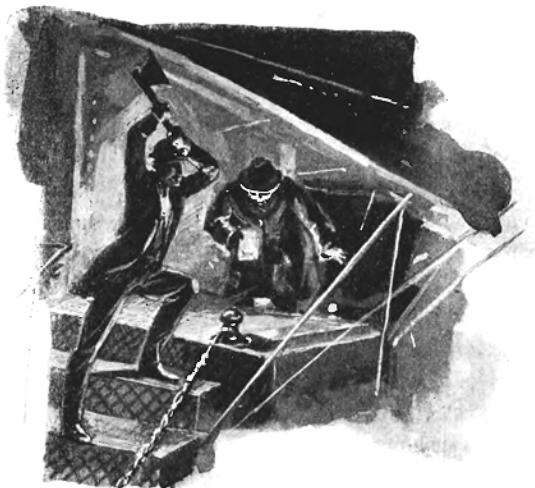
тяжный металлический звук. Аэроплан дрогнул, но оставался на месте. Струна гудела, завывала.

Доктор как будто окаменел от неиспытанного ужаса.

— Там цепь!.. цепь должна быть на корме,— вскричал инженер, с быстротой молнии вылетая из рубки.

«Вот оно, — мелькнуло в голове Руберга, — то страшное, неведомое, чего я боялся. Оно пришло и разразилось в последний час!»

А инженер, как сказочный богатырь, с мрачной решимостью в лице, сильными взмахами неизвестно откуда взявшегося топора уже разбивал на корме последние оковы, прикреплявшие птицу к земной поверхности. Вместе с частью борта цепь с шумом свалилась в темную пасть ночи.

— Слава Богу, — облегченно вздохнул Березин, быстро направляясь на свое место.

Пропеллер опять издал свой характерный звук. Аэроплан дрогнул и, повинувшись руке управителя, ринулся в расстилающуюся перед ним бездну.

Доктор наблюдал за безмолвным инженером, в руках которого находилась судьба пяти человек, в том числе двух женщин. Березин спокойно и уверенно вел аэроплан в страшной темноте. Не дрогнув, чуть не каждую секунду он пе-

ребрасывал рычаги, то увеличивая, то уменьшая поступательное движение. Когда корабль накренялся в сторону особенно сильно, доктор знал, что это означает крутой поворот, а каждый поворот был новым шагом на пути к свободе.

— Доктор, взгляните в бинокль направо, вниз, — говорил инженер, — что вы видите?

— Вижу как будто огни, — отвечал Руберг, исполнив то, что было ему сказано.

— Это Бломгоуз. Мы вышли из горных стремнин! — радостно сказал Березин, обращая к Федору Григорьевичу свое сияющее лицо.

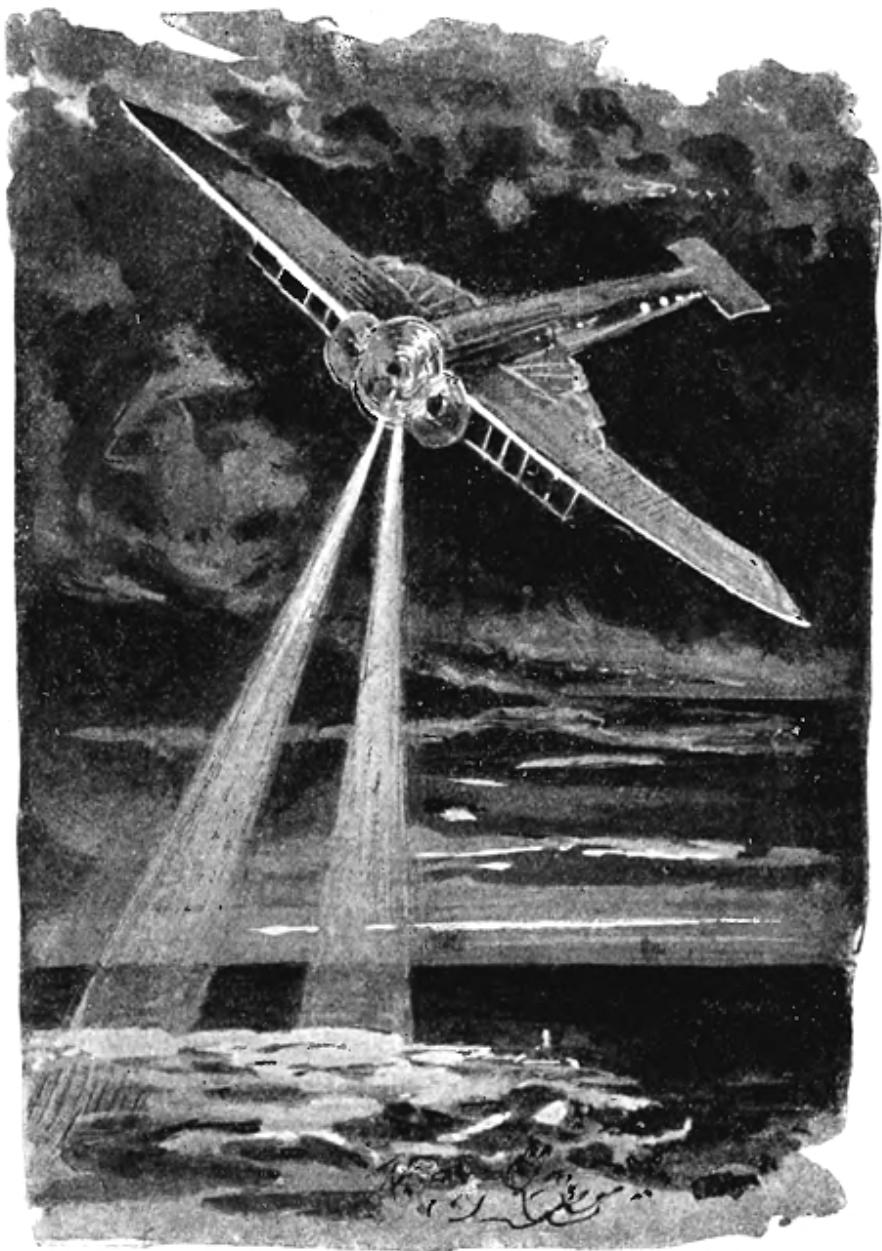
* * * * *

— Боже мой!.. мы падаем, мы перевернемся! — раздавались женские крики на «Левиафане» два часа спустя после описанных выше событий. Аэроплан сильно накренился влево, падая вниз. Стремление к земле было так сильно, что чувствовалось, как пол уходил из-под ног.

Что же случилось? Усталый инженер передал управление Рубергу, указав ему, как нужно руководить кораблем. Руберг с точностью автомата исполнял свои обязанности в течение получаса. Вдруг аэроплан получил сильный толчок в левый борт, сделав уклон чуть не в 30° . Доктор едва устоял на ногах. Желая выровнять аппарат, он дал струю сгущенного газа под правую плоскость. Бедный доктор! Он нанес слишком сильный удар и тем ухудшил положение: аэроплан перевернуло налево. В таком виде он начал падать в бездну.

Явившийся инженер хотел исправить ошибку, но не мог. Рули его не слушались, с ними что-то случилось. Аэроплан падал.

Инженер решился на героическое средство. Он поставил плоскости в поступательное положение и пустил в ход все три винта.

Корабль, вздрагивая, как горячий конь под седоком, понесся вперед с неописуемой быстротой. Все части его дрожали, стенки, казалось, гнулись под стихийным напором воздуха.

А барометр, хотя медленно, все повышался. Аэроплан падал.

— Готовьтесь к спуску! — скомандовал инженер: — все в кормовую часть. Там толчок будет не так силен.

Луч прожектора прорезал темноту. Березин при этом свете выбирал место для спуска. Под ногами была равнина.

«Счастье не покидает нас», — думал Николай Андреевич, уменьшая быстроту хода.

Раздался страшный треск, толчком инженера отбросило к медным резервуарам.

Аэроплан стоял на земле.

«Должно быть, крыло сломалось», — подумал инженер, оправляясь от удара.

Наступивший после томительной ночи рассвет застал потерпевших крушение путешественников в превосходном состоянии духа. Доктор был в ударе и своими шуточками смешил мисс Кэт и *m-elle* Софи. Горнов казался веселым, лишь инженер был задумчив. Кругом расстилалась песчаная степь. Вдали виднелись горы.

Левое крыло аэроплана превратилось в груду обломков. Починить его нечего было и думать.

— Нам придется его покинуть, — с грустью объявил инженер, — и пешком добраться до ближайшего селения.

— Значит, по образу апостольскому? — спросил Руберг.
— Надеюсь, это не будет далеко. Ведь мы в пустыне Каракум, где-нибудь около Каспия?..

— В том-то и дело, что нет, милый доктор. Вместо запада, во избежание преследования, я летел на восток, предполагая спуститься около Великого Сибирского пути, где-нибудь вблизи Томска или Иркутска. Судьба судила иное...

— Где же мы? — воскликнули все хором.

— В пустынях Восточного Туркестана.

Это известие привело всех в смущение. Молодые девушки не понимали всей величины опасности, но смутно чувствовали что-то угрожающее.

— Мы направимся к горам,—сказал Березин, — и там найдем случай переправиться в Россию.

Сборы в путь были недолги. Мужчины взяли оружие и провизию, женщины самое необходимое из туалета и драгоценности.

— Как же останется это? — говорил доктор, указывая на аэроплан.

— Мы его уничтожим, — ответил инженер, стреляя из револьвера в механическую птицу. Через две минуты чудеснейшее из творений мистера Блома превратилось в прах.

— Мне жаль его, — проговорил инженер, отвертываясь, чтобы скрыть непрошенную слезу.

Ему никто не ответил. Все молча двинулись в путь.

Два дня шли путники по безводной пустыне без всяких приключений. На третий с запада показалось облако пыли.

— Хищные кочевники, — сказал Березин. — Приготовимся к бою.

Но то были не кочевники, а отряд русских солдат, направлявшихся в Яркенд.

Березин и его спутники были спасены.

Спустя два месяца в одном из предмествий Петербурга мирно и счастливо проживали две семьи: одна — Николая

Андреевича Березина, нашедшего в лице мисс Кэт тот женский идеал, к которому он стремился, другая — Ивана Михайловича Горнова, соединившегося неразрывными узами брака с веселой *m-elle* Софи. Доктор Руберг, так тесно связанный с обеими семьями, поселился вблизи друзей и являлся для них всегда желанным гостем.

Что же еще сказать? Читателя, вероятно, интересует вопрос об остальных действующих лицах нашего правдивого рассказа. Как отнесся к похищению внучки мистер Блом? Как живет Гобартон? Продолжает ли существовать неведомый город и грозит ли он из далеких азиатских дебрей нарушить спокойствие всего мира? — Все это такие вопросы, которые в настоящий момент неразрешимы. Но, может быть, когда-нибудь ответы на них читатели и получат.

Игорь Халымбаджа

«...МЕТИЛ В РУССКИЕ ЖЮЛЬ ВЕРНЫ»

Впервые об этом человеке я прочитал в середине 60-х годов, в свердловских газетах, в заметках, посвященных открытию первого в городе Клуба Любителей Фантастики. В этих крохотных заметочках среди мероприятий будущего Клуба упоминалось и сообщение «об уральском Жюль Верне — Де-ля-Роке». Правда, сообщения этого за полтора года функционирования того, первого, КЛФ так и не последовало. Только в 1969 году мне удалось совершенно случайно у одного из московских букинистов приобрести книгу И. Де-Рока «Гроза мира», и я понял, что это и есть сочинение «уральского Жюля Верна». Долго и тщетно я пытался расшифровать этот псевдоним — и Словарь псевдонимов И. Ф. Масанова, и картотека псевдонимов краеведческого отдела библиотеки им. В. Г. Белинского молчали о И. Де-Роке... И, наконец, мне попала на глаза заметка уральского краеведа Л. Хандросса в «Вечернем Свердловске» — «Материалы о “русском Жюль Верне”», из которой я узнал, что подлинная фамилия писателя была Ряпасов.

«Я... метил в русские Жюль Верны, — писал незадолго до своей смерти Иван Григорьевич Ряпасов брату Павлу, — однако судьба распорядилась иначе». Да, судьба никогда не была благосклонной к этому талантливому самородку из уральской рабочей семьи. Об этом поведали мне материалы, найденные в архивах.

Родился Иван Григорьевич Ряпасов 5 июня 1885 года (по старому стилю) в поселке стекольного завода, неподалеку от Красноуфимска. Отец его, Григорий Алексеевич, был мастером стекловарения. В семье росло шестеро детей, из которых Иван был самым младшим. Григорий Алексеевич, большой выдумщик, много лет изобретал вечный двигатель, «перpetuum mobile». И маленький Ваня, мальчик наблюдательный и сообразительный, отыскав в чулане отцовские модели, крутил их, пытаясь запустить. Уже в пять лет он выучился у сестры Оли читать. По семейному преданию, на это ушло времени немного — пока закипал самовар. Чтение Иван полюбил невероятно, оно ему заменило все — детские игры, катание на коньках и лыжах, купание

в речке. Ершовский «Конек-Горбунок», «Родное слово» К. Ушинского, «Дон Кихот», романы Жюля Верна...

В начальную школу Ваню приняли сразу во второй класс. Ходить пришлось далеко, за четыре километра, в деревню Савиновку. Еще три года Иван учился в трехклассном училище с педагогическим уклоном на миссионерском хуторе в Манчажском уезде.

В 1901 году шестнадцатилетний Иван Ряпасов стал работать в конторе стекольного завода. Проработал два года. Раздражал хозяин, самодурство которого породило немало анекдотов. И в августе 1903 года И. Ряпасов перешел на другой завод помощником машиниста. Проработал всего несколько месяцев. Он жаждал знаний, хотел учиться. Решил поступить в Екатеринбургское горное училище. «Зубрил катехизис между управлением и смазкой машин, учил грамматику, твердил походы Александра Македонского, подвиги Геракла...» (автобиографический рассказ «Пора», 1911 г.). В мае 1904 года Иван уволился с завода и успешно сдал экзамены в училище, но не получил стипендии и вернулся домой, к родителям. Здесь подготовился к экзаменам на учителя начальной школы и осенью сдал их в Екатеринбургской мужской гимназии.

Однако работы по новой специальности найти не удалось. Помог знакомый журналист Соловьев (вскоре убитый черносотенцами во время погрома). В 1905 году при его содействии И. Ряпасова приняли в редакцию газеты «Урал» репортером. «Молодой и наивный, случайно попал в редакцию, — писал впоследствии Ряпасов. — Живая, волнующая жизнь репортера захватила». Платили негусто — всего по копейке за строчку (для сравнения, в «Уральской жизни» репортеры получали по две копейки за строчку). Работы было много — Ряпасов писал о митингах в революционные дни 1905-06 годов, о добыче меди, об изумрудных копях, о проекте соединения каналом Камы и Печоры, об орских золотых приисках, о погромах... Но примечательно, что первой публикацией И. Ряпасова была статья «Памяти Жюля Верна» («Урал», весна 1905). «Вечная беготня дала возможность столкнуться с неприглядной изнанкой жизни... Существовал впроголодь, при грошовом заработке» («Пора»).

В Екатеринбурге И. Ряпасов сдружился с литератором Иваном Флавиановичем Колотовкиным. Колотовкин служил в конторе компании Зингер, писал «между делом», за что и критиковал его И. Ряпасов. И еще — Ряпасову не нравились приземленные, сугубо бытовые темы рассказов И. Колотовкина. «Вы бе-

рете жизнь бедноты во всем ее неприглядном, голом виде... ну кому это интересно?», «Надо брать такие темы и сюжеты, в которых рассказывалось бы что-то новое, интересное, даже таинственное! — утверждал Ряпасов. — Это заинтересует всякого, даже полуграмотного!» И этому своему кредо Иван Григорьевич старался следовать всю жизнь. Доводы же И. Колотовкина были су-губо прагматичны: «Левин (издатель) не стал бы мне платить по две копейки за строчку, если бы мои рассказы не были интересны».

В 1906 году подошло время призыва Ряпасова в армию. Иван приезжает на стекольный завод на велосипеде попрощаться с родителями. Но медицинское освидетельствование признало его негодным к строевой службе по причине слабого здоровья.

В 1907 году И. Ряпасов женился. Но свадьба опустошила и без того тощий кошелек молодого репортера, а тут еще один «удар судьбы» — в 1908 году закрывается газета «Урал». Ряпасов поступил репортером в «Уральскую жизнь», проработал там с мая по декабрь 1908 года, но печатали его очень редко. Молодая семья практически осталась без средств к существованию. Иван Григорьевич посыпал корреспонденции куда мог — в «Слово», «Торгово-промышленную газету», «Сибирскую жизнь»... И искал работу. Наконец, в декабре 1908 года ему удалось поступить секретарем в газету «Пермские губернские ведомости». С этой газетой он был связан вплоть до 1917 года, хотя с марта 1912-го не являлся ее штатным сотрудником.

В Перми жена Ряпасова родила мальчика. Но вскоре у нее обнаружился туберкулез. И, несмотря на все хлопоты Ивана Григорьевича, в 1909 году она умерла. Погиб и трехмесячный сын, отправленный с бабушкой на стекольный завод. Ряпасов очень тяжело переживал смерть жены и сына. «Чуть не рехнулся с горя... Не нашел ничего лучшего, как уйти с головой в любимую работу» (рассказ «Пора», 1911).

Он много пишет. В «Пермских губернских ведомостях», газете суховатой и скучноватой, Ряпасов ведет рубрику «Наброски» — нечто вроде еженедельных фельетонов на «злобу дня». Совершил путешествие по Волге и Каме, побывал в Москве и Петербурге — и в течение 1910 года публиковал живые «Путевые заметки». Подписывался обычно И. Р-ов или Рок. Как возник последний псевдоним — неясно.

Увлеченно пишет И. Ряпасов свой первый научно-фантастический роман «Неведомый город». Написал он его удивительно быстро — начал 15 мая 1912 года, а 12 декабря того же года — уже

завершил. Работа настолько увлекла Ряпасова, что, даже заболев тифом, он не прекратил ее. Книга явилась первым воплощением в жизнь тех замыслов, которые выкристаллизовались еще в Екатеринбурге в его спорах с Колотовкиным: «...изобразить успехи науки и техники в ближайшем будущем, дать юношеству соответствующий материал для чтения». Роман явился первым значительным произведением Ряпасова. До этого кроме бесчисленных заметок, репортажей, статеек, фельетонов-однодневок, путевых заметок, популярных статей им в 1910-1911 году было написано и опубликовано все в тех же «Пермских губернских ведомостях» всего несколько рассказов («Праздник», «Пора», «Машинист» и др.).

Но вот роман завершен. Автор предлагает его журналу «Природа и люди», обычно охотно печатавшему подобные сочинения. Отказ... Затем последовали отказы от «Нового слова», от издательства Ступина, от других издательств и редакций. Причем время от времени редакции теряли рукопись романа, и Ряпасову приходилось вновь ее перепечатывать и посыпать в новые адреса...

А вскоре автора подкараулила новая беда. Иван Григорьевич, человек жалостливый и ни разу, даже в годы самых больших своих несчастий, никому не отказавший в поддержке, поручился по векселю на 200 рублей за сослуживца но редакции. А тот вскоре скрылся в неизвестном направлении, поставив поручителя в крайне затруднительное положение. И Ряпасову пришлось в 1913 году, распродав все свое имущество, расплатиться с чужими долгами.

По совету врачей он решает поехать лечиться в Сочи, а там — начинать новую жизнь. «Разбит, чувствуя недомогание, переутомление, — писал И. Ряпасов брату Павлу, — решил подлечиться на юге». В Сочи, интенсивно лечась, он познакомился с Ниной Львовной Поповой, уроженкой Урюпинска, что на Дону. Вскоре они поженились. Оживший Ряпасов начал писать продолжение «Неведомого города» — роман «Наследство Блома».

Подлечившись, он едет в Москву и Петербург, пробивать свою первую книгу. Ряпасов обошел множество редакций и издательств — безрезультатно. Везде одно и то же: узнав, что рукопись принадлежит провинциальному журналисту, еще не опубликовавшемуся в «центре», ее тут же возвращали автору, даже не просмотрев. Ряпасов сильно издержался, но даже репортерской работы найти не мог. Отчаявшийся, он подумывает даже о самоубийстве.

Наконец, ему удается найти работу — редактором газеты «Эхо» в далеком приазовском Бердянске. Оклад ему положили 100 рублей. Но газета дышит на ладан, никакой уверенности в завтрашнем дне нет! Ряпасов снова срывается с места — прослышиав, что в Батуме требуется опытный редактор, едет туда. Но ничего, кроме малярии, мучившей его потом долгие годы, оттуда не привозит. Вернувшись в Бердянск и подзаработав немного денег, Ряпасов снова едет в столицу «устраивать» свою книгу.

И вот, наконец, Ивану Григорьевичу повезло! Его роман принял изательство Стасюлевича. Правда, условия были тяжелые: пришлось сменить название (вместо «Неведомого города» — «Гроза мира») и фамилию автора (вместо безвестного И. Ряпасова автором числился некий «француз» И. Де-Рок, изатель, видимо, хотел этим подчеркнуть генетическую связь книги с творчеством Жюля Верна). Но главное, Ряпасову пришлось согласиться на выплату гонорара (1000 рублей) частями. Кстати, получил он из них всего триста... Вместо подзаголовка «роман» стояло «фантазия для юношества». Но книга, увидевшая свет в 1914 году, была прекрасно издана: хорошая бумага, многочисленные иллюстрации художника И. Гурьева (почему-то не упомянутого в книге). Яркая обложка: на фоне загадочных решетчатых башен, огромных летательных машин и рушащихся гор, мечущихся людей — алыми молниями вписано название книги...

Сюжет — в духе жюльверновских «необычайных путешествий». Инженер Березин, доктор Руберг и студент Горнов отправляются в экспедицию в Туркестан, заинтересовавшись таинственными шифрованными радиосигналами. Заблудившись на Памире, они «забредают» в Гималаи и, наконец, попадают в засекреченный, город, в котором физик Блом, англичанин, разрабатывает новые виды оружия, готовясь к будущей англо-германской войне (которая, как вскоре выяснилось, была не за горами). Цели у Блома самые что ни на есть «благородные» — навсегда прекратить на земле войны... сделав для этого Англию сверхмогущественной державой, борьба с которой была бы бессмысленной. После ряда приключений, ознакомившись со многими секретами Блома, наши герои, которым грозило «почетное» заключение как потенциальным союзникам Англия, но могущим разгласить военные секреты, — с помощью внучки профессора Кэт совершают побег. Они бегут в Россию, позаимствовав в ангаре Блома самолет новейшей конструкции.

Сознательно подражая Жюлю Верну, Ряпасов насыщает повествование разнообразными сведениями по географии, ботани-

ке, стремится экстраполировать в будущее научные открытия, которыми было так богато начало столетия, пытается предугадать их последствия... Книга получила хорошую прессу, Положительные рецензии появились в «Вестнике кинематографии», симферопольской газете «Южное слово», екатеринославском «Приднепровском крае», бердянском «Эхо» (редактировавшемся автором книги), в «Пермских губернских ведомостях».

Между тем еще до выхода книги, летом 1913-го, врачи признают у Ряпасова туберкулез легких, и он, бросив все, вновь едет на Кавказ лечиться. Здесь продолжает работу над «Наследством Блома» — к 30 сентября было написано уже шесть глав. В январе 1914 года И. Ряпасов снова в Бердянске, пытается спасти свое погибающее «Эхо». Но, несмотря на все его усилия, в августе того же года газета обанкротилась. Ряпасов едет в Урюпинск, к родителям жены. К этому времени уже написано 22 главы нового романа, свыше 400 страниц! Наконец, 30 марта 1915 года книга завершена, Ряпасов посыпает рукопись в Петроград, Стасюлевичу, не зная, что издательство уже закрылось. А вскоре и сам Стасюлевич умер. В итоге рукопись затерялась, и содержание романа так и осталось нам неизвестным. Надо ли говорить, как переживал потерю автор...

Тем временем, долгие месяцы он тщетно ищет работу газетчика. Прожив две недели в Екатеринославе, а затем в Симферополе, Ряпасов решает вернуться в «Пермские губернские ведомости».

Пожалуй, годы с 1914 по 1917, несмотря на житейские передряги, были наиболее плодотворными в творческой жизни писателя. Именно в эти годы были написаны романы «Наследство Блома» и «Пираты XX века», являющиеся продолжением «Неведомого города» («Грозы мира»), и полтора десятка рассказов. Среди них — «Великий инквизитор» (журнал «Кино Ханжонкова», 1914), «Урим и Туммим» (газета «Эхо», 1914), «Ноев ковчег» (журнал «Мир приключений», 1915), «Безумство храбрых», «В стальном шкафу» (обе — «Мир приключений», 1915), «Клятва» («Пермские губ. ведомости», 1916), «Стальное облако» (газета «Утро Кавказа», Грозный, октябрь 1915), «Последняя жертва», «Фольклор о войне 1914 года» («Журнал для всех», 1915), «Взятие Баязета» («Пермские губ. ведомости», 1916), «Сын Падишаха. Кавказская легенда» (там же), «Гараська» и «Прошлое уральских пещер» («Пермская земская неделя», 1916), «Могила на вершине Гауризанкара» («Пермские губ. ведомости», 1916), «Черный бриллиант» («Мир приключений», 1916). Историко-гео-

графические очерки Ряпасова стал печатать даже журнал «Природа и люди», в свое время отвергший «Неведомый город».

Мировая война заразила и Ряпасова ура-патриотическими настроениями. В тех же «Пермских губ. ведомостях» он печатает антигерманские статейки. Продолжает вести в этой же газете свои фельетоны — «Наброски», посвященные городским безобразиям. И в конце 1916 года начинает печатать свой третий роман — «Пираты XX века», завершающий трилогию. Роман печатался вплоть до 2 марта 1917 года. Было напечатано 14 глав. Февральская революция и поток информации со всех концов страны, возросший во много раз, вытеснили «Пиратов XX века» со страниц «Пермских ведомостей».

Роман рисует жизнь героев «Неведомого города» в годы мировой войны. Авиатор Медведев, путешествуя по Атлантике на яхте, принадлежащей Рубергу, спасает молодого человека, Шиманского, который рассказывает, что корабль, на котором он плыл, был потоплен неизвестным пиратским судном. Владелец яхты хочет пуститься в погоню за пиратским рейдером, но известие, что Германия объявила войну России, заставляет повернуть судно к берегам Франции. Медведев и Шиманский вступают волонтерами во французскую армию, а доктор Руберг остается в Париже ожидать вестей от Березина из Петербурга. Медведев с Шиманским на «чудо-самолете» «Чайка» летят в Россию. В пути их ждут самые невероятные приключения...

Приходят известия от Березина. Оказывается, его сына Георга и жену Кэт похитила германская секретная служба, требуя в обмен на них раскрытия секрета радиотита — радиоактивного вещества, лучами которого можно уничтожить миллионы людей... Березин прибывает в Париж. Друзья обсуждают создавшееся положение. Можно было бы с помощью чудо-лучей превратить Германию в море пепла. Но ведь погибнут невиновные, да и Кэт с Георгом так не освободить... И друзья решают захватить в плен самого кайзера Вильгельма, чтобы обменять его на Кэт и Георга. На гигантском самолете «Мистер Блом» они пересекают линию фронта, нападают на ставку кайзера, захватывают его...

Увы, окончание романа неизвестно (да и завершил ли его автор?).

Летом 1917 года И. Ряпасов уехал во Владикавказ, редактировать газету. И пропал на много лет. Напрасно после окончания гражданской войны разыскивали его брат Павел и сестра Ольга. Они пришли к выводу, что Иван Григорьевич погиб. Но он был еще жив.

Октябрьская революция застала его в Ставрополе, где он работал в городской управе вплоть до взятия города красными, после чего служил в совнархозе, затем секретарем полиграфического отделения — и, заболев желтухой, вынужден был оставить службу. Но это был уже не прежний Иван Григорьевич...

В 1918 году произошло в жизни Ряпасова событие, потрясшее его до глубины души, превратившее безбожника в глубоко религиозного человека, потерявшего интерес к прежней деятельности беллетриста.

Возвращаясь поездом из служебной командировки в Армавир, Иван Григорьевич вместе с другими пассажирами был схвачен матросами из отряда Медведева. Скоропалительный «трибунал» приговорил Ряпасова вместе с другими пассажирами к расстрелу как «шпионов Керенского». Потрясенный происходящим, Ряпасов уверовал, что это наказание ему за стародавние прегрешения, и всю ночь перед расстрелом каялся Николаю Чудотворцу... А утром, когда осужденных повели на расстрел, произошло подлинное чудо. Уже возле места казни конвой встретил коменданта города, который отпустил всех арестованных домой.

С того дня Ряпасов стал другим человеком. Глубоко верующим. И ничего не боящимся. Люди, встречавшиеся с ним впоследствии, навсегда запоминали его одухотворенное бледное лицо, глаза с лихорадочным блеском, с расширенными зрачками. Он превратился в религиозного аскета, долгими часами размышляющего о бессмертии души, о родстве всех религий, едином божественном Высшем Духе... Потеряв в годы гражданской войны жену, Ряпасов до конца своих дней остается одиноким. Теперь его преимущественно интересуют книги духовного содержания, всевозможные таинственные мистические явления.

Новые настроения отнюдь не способствовали служебным успехам Ивана Григорьевича. В 1921–22 гг., он работает секретарем ставропольской газеты «Власть советов», пишет статьи на хозяйствственные темы, рецензии, фельетоны. К прежним его псевдонимам (Рок и Казбеков, Рок-Казбеков, И. Р-ов) добавились новые — И. Р., И. Востоков, Волжин. Но в ноябре 1922 года Ряпасову пришлось уйти из газеты. Многие его статьи были «не в дугу», например, о колоколах (после того, как было выдвинуто предложение продать российские колокола американцам как медь). И еще не раз ему придется оставлять работу отнюдь не по своей воле, еще не раз он останется без средств к существованию...

В 1923 году И. Ряпасов работает над историко-географической хрестоматией Северного Кавказа. Она была одобрена Госиздатом, но так и не увидела свет. Ряпасов пытался перебраться в Москву, но не смог там устроиться из-за отсутствия жилья. Некоторое время он живет на черноморском побережье, в Ростове, и опять возвращается в Ставрополь, где устраивается на работу хранителем архива.

Странствия продолжались и в 20-е, и в 30-е годы. И. Ряпасов заведует книжным отделом магазина, потом, помыкавшись без работы, — вынужден был уйти, так как не являлся членом профсоюза, — устраивается корреспондентом ростовской газеты «Голос юга». В 1932–33 годах он — секретарь редакции одной из районных газет Ставрополья. Здесь Иван Григорьевич припомнит свои былье увлечения геологией — открыл месторождение цементного сырья высокого качества, подал заявку и на месторождение нефти...

В 1936 году И. Ряпасов вновь вернулся в Ставрополь, преподавал на курсах географию, историю, русский язык. Учителствовал и в средней школе. Продолжал писать статьи историко-географического характера. В 1939–40 гг. в журнале «География в школе» помещен очерк о предполагавшемся Невинномысском канале, в журнале «Наука и жизнь» — статья «Редкое небесное явление». Последняя статья И. Ряпасова была напечатана в 1941 году. В ней он рассказал о развалинах древнехазарского города Маджары на Куме, последней столице хазар.

Осенью 1941 года, копая окопы на подступах к Ставрополю, Ряпасов простыл, заболел воспалением легких. Болезнь тянулась долго, и, когда к городу подошли немцы, эвакуироваться он не смог. А может, и не очень стремился. У Ряпасова после 1918 года вообще атрофировалось чувство страха: во время бомбёжек, артналетов он спокойно ходил по городу, среди рушащихся стен и горящих зданий.

Фашисты мобилизовали Ряпасова на земляные работы, угнали на Украину, потом в Польшу, Чехию, Австрию... Вместе с тысячами других плеников он трудился с утра до вечера, причем кормили рабов отвратительно. И все-таки тяжело больной, пожилой Ряпасов держался.

В 1945 году, после освобождения, он вернулся на родину. Но за «сотрудничество с врагом» уже в 1949 году Ряпасов был арестован и осужден на 25 лет. Это был уже иссохший согбенный человек с рыжеватой бородкой клинышком. В толпе зэков он выделялся необыкновенно одухотворенным лицом...

Наступил 1954 год. Актюбинский суд освободил Ряпасова. Ему удалось выхлопотать себе место в доме инвалидов в Черкасской области. Здоровье было подорвано окончательно. Последние месяцы Ряпасов почти не вставал с постели, испытывая страшные муки. В эти дни его отыскали родные — брат Павел и сестра Ольга, краевед А. Шарц. Однако увидеть родных ему не пришлось. Последние дни он был в беспамятстве. 3 сентября 1955 года Ивана Григорьевича Ряпасова не стало. Не стало талантливого, доброго, чистого душой человека, которому обстоятельства не дали раскрыться до конца. А сколько бы смог сделать этот литератор-самородок, так мечтавший стать «русским Жюль Верном»...

Роман И. Г. Ряпасова «Неведомый город» («Гроза мира») публикуется по изданию М. М. Стасюлевича (СПб., 1914) в новой орфографии, с исправлением ряда очевидных опечаток, устаревших особенностей орфографии и пунктуации и некоторых оборотов. За немногими исключениями, написание имен собственных и географических названий оставлено без изменений. Иллюстрации И. Гурьева взяты из издания 1914 г.

Статья И. Г. Халымбаджи (1933-1999) «...метил в русские Жюль Верны» была впервые опубликована в антологии «Поиск-92» (Екатеринбург, 1992).

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. В ДЕБРЯХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

I. Таинственный корреспондент	8
II. В поезде	14
III. Среди зверей и лесов	17
IV. На краю гибели	25
V. Исчезнувшая гора	31
VI. Невероятное открытие	35
VII. Пленники	41
VIII. Допрос	47
IX. Блом	50

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГОРОД ЧУДЕС

I. Первая неделя в Бломгоузе	58
II. Тайна телеграфа	69
III. Заговор обитательниц Бломгоуза	76
IV. Невидимый – ученик Фарадэя	80
V. Несчастье	90
VI. Среди тайн Бломгоуза	95

VII. В воздухе	102
VIII. Воздушная пропасть	117
IX. Замыслы м-ра Блома	122
X. Взрыв горы	129
XI. Лаун-теннис	137
 ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПОСЛЕДНЯЯ БОРЬБА	
I. Митинг в Калькутте	146
II. У вице-короля Индии	155
III. В руках тугов-душителей	165
IV. Освобождение	174
V. Предательство Гобартона	180
VI. Крушение поезда	184
VII. Новое открытие м-ра Блома	193
VII. Дирижабли-невидимки	200
IX. Отказ в руке мисс Кэт	210
X. Бегство	217
<i>И. Халымбаджа. «...метил в русские Жюль Верны»</i>	227

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.